

Утвержден Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации 23 декабря 2015 года

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (2015)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По экономическим спорам

Изменения в выданное разрешение на строительство не могут быть внесены в отсутствие выявленной в процессе строительства объективной необходимости отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации и соблюдения порядка изменения проектной документации.

Общество обратилось с заявлением в уполномоченный орган о внесении изменений в ранее выданные разрешения на строительство в связи с корректировкой проектной документации в части увеличения этажности и перерасчета нагрузок жилых домов.

Уполномоченный орган отказал обществу в переоформлении разрешений на строительство, указав, что для получения разрешения на строительство необходимо оформить документы согласно ч. 7 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ).

Считая данный отказ недействительным, общество обратилось в арбитражный суд.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, исходя из того, что в данном случае с учетом характера вносимых изменений необходимо получение нового разрешения на строительство, а не внесение изменений в ранее выданные разрешения, которое допустимо в строго определенных случаях, перечисленных в чч. 21⁵–21⁷, 21⁹ ст. 51 ГрК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда отменено, требования заявителя удовлетворены, поскольку суд пришел к выводу о том, что отсутствие в ГрК РФ норм, регламентирующих

порядок внесения изменений в случае изменения проектной документации на объект, находящийся в стадии строительства, не может являться в данном случае основанием для отказа застройщику в реализации его права на приведение строительной документации в соответствие с внесенными в установленном порядке изменениями в проект, в том числе ввиду изменившихся параметров застройки территории, является правомерным.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, поддержав его выводы.

Уполномоченный орган обратился в Верховный Суд Российской Федерации с надзорной жалобой, ссылаясь на исчерпывающий перечень случаев, при которых ст. 51 ГрК РФ допускается внесение изменений в разрешение на строительство, и на то, что двукратное увеличение нагрузки на фундамент может повлечь обрушение здания, поскольку фундамент строящегося объекта запроектирован на строительство жилых домов значительно меньшей этажности. В связи с этим требуется проведение экспертизы фундамента и его несущей прочности.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил надзорную жалобу в связи со следующим.

Частями 21⁵–21⁷, 21⁹ ст. 51 ГрК РФ предусмотрено внесение изменений в разрешение на строительство в определенных случаях (при переходе прав на земельный участок, разделе или объединении земельных участков) и в порядке, установленном чч. 21¹⁰, 21¹⁴ названной статьи.

Между тем в силу ч. 7 ст. 52 ГрК РФ допускается отклонение параметров объекта капитального строительства (высоты, количества этажей, площади, объема) от проектной документации, если необходимость отклонения выявилась в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта такого объекта.

С учетом приведенной нормы следует признать, что предусмотренные ст. 51 ГрК РФ основания внесения изменений в разрешение на строительство не являются исчерпывающими.

Вместе с тем в силу ч. 7 ст. 52 ГрК РФ причины, повлекшие необходимость отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации, должны быть объективными, не зависящими от воли застройщика.

В данном споре общество просило внести в выданные разрешения на строительство изменения, вызванные намерением названного лица увеличить этажность и количество секций жилых домов.

В материалах дела не имеется доказательств того, что в процессе строительства выявлена объективная необходимость отклонения параметров объекта капитального строительства от проектной документации.

В связи с этим, отказав в переоформлении разрешений на строительство при изложенных обстоятельствах, уполномоченный орган не нарушил положения действующего законодательства.

Кроме того, в представленных обществом положительных заключениях негосударственной экспертизы не отражено, что экспертами учитывалось возведение застройщиком части объектов и что проводилась проверка соответствия уже возведенной части измененному проекту. Между тем изменения проектной документации влияют на конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности как объектов капитального строительства в целом, так и уже возведенной части.

Удовлетворение заявленных обществом требований в отсутствие доказательств соответствия уже построенной части объектов условиям измененной проектной документации и требованиям градостроительных и строительных норм и правил, предъявляемым к надежности и безопасности зданий, а также соблюдения этим лицом положений ч. 5 ст. 52 ГрК РФ (извещение органов строительного надзора о начале строительства) нельзя признать правомерным.

*Постановление Президиума
Верховного Суда Российской Федерации
№ 301-ПЭК15*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Потребитель вправе расторгнуть договор купли-продажи технически сложного товара и потребовать возврата уплаченной за такой товар денежной суммы по основаниям нарушения продавцом срока проведения гарантийного ремонта и существенного характера выявленного недостатка товара.

К. обратился в суд с иском к официальному дилеру автомобиля приобретаемой марки о расторжении договора купли-продажи автомобиля, взыскании стоимости автомобиля и установленного дополнительного оборудования, неустойки, убытков, причиненных вследствие продажи товара ненадлежащего качества, штрафа, компенсации морального вреда.

В обоснование иска указано, что 8 октября 2010 г. по договору купли-продажи у дилера истцом был приобретен автомобиль 2009 года выпуска.

В ходе эксплуатации приобретенного автомобиля неоднократно возникала неисправность: горела контрольная лампа неисправности двигателя. В связи с этим К. обращался в сервисные центры с целью ее устранения.

При обращении к дилеру 16 августа 2013 г. ремонт транспортного средства превысил максимальный срок устранения недостатков, установленный Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), который составляет 45 дней.

Требования К. от 15 ноября 2013 г. о расторжении договора купли-продажи в связи с пропуском гарантийного срока устранения недостатка автомобиля ответчиком в добровольном порядке удовлетворены не были.

Решением суда первой инстанции исковые требования К. удовлетворены частично: договор купли-продажи автомобиля расторгнут, в пользу истца взысканы денежные средства, уплаченные им за автомобиль и дополнительное оборудование, неустойка, компенсация морального вреда, штраф.

Апелляционным определением указанное решение суда первой инстанции отменено, по делу постановлено новое решение, которым в удовлетворении требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя в кассационном порядке апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указала следующее.

Пунктом 1 ст. 20 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого

способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в отношении технически сложного товара потребитель в случае обнаружения в нем недостатков вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за такой товар суммы либо предъявить требование о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены в течение пятнадцати дней со дня передачи потребителю такого товара. По истечении этого срока указанные требования подлежат удовлетворению в одном из следующих случаев: обнаружение существенного недостатка товара; нарушение установленных названным законом сроков устранения недостатков товара; невозможность использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Из разъяснений, содержащихся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», следует, что обнаружение существенного недостатка товара или нарушение срока устранения недостатков товара являются самостоятельными и достаточными основаниями для удовлетворения требований потребителя.

Требования истца о расторжении договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар денежной суммы обоснованы нарушением ответчиком срока проведения гарантийного ремонта и существенным характером выявленного недостатка товара.

Удовлетворяя заявленные истцом требования о расторжении договора купли-продажи, суд первой инстанции исходил из того, что ответчиком нарушен гарантийный срок устранения недостатка автомобиля, который находился на ремонте в период с 16 августа 2013 г. по 13 октября 2013 г. (59 дней).

С названными выводами суда первой инстанции в части удовлетворения иска К. не согласился суд апелляционной инстанции.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе К. в удовлетворении заявленных требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что истец обратился с требованиями о расторжении договора купли-продажи за пределами установленного гарантийного срока. При этом доказательств наличия

существенных недостатков товара, возникших в период гарантийного срока, не представил.

Однако суд апелляционной инстанции при определении окончания гарантийного срока не учел положения п. 3 ст. 20 Закона о защите прав потребителей, в соответствии с которыми в случае устранения недостатков товара гарантийный срок на него продлевается на период, в течение которого товар не использовался. Указанный период исчисляется со дня обращения потребителя с требованием об устранении недостатков товара до дня выдачи его по окончании ремонта.

Согласно сервисной книжке, сертификату ограниченной гарантии, а также условиям договора купли-продажи от 8 октября 2010 г. на автомобиль истца установлен гарантийный период 3 года или 100 000 км пробега с момента передачи транспортного средства потребителю, а на механизмы двигателя и детали коробки передач – 5 лет или 120 000 км пробега.

Судом первой инстанции установлено нахождение автомобиля на гарантийном ремонте в течение первого года гарантии – 10 дней, в течение третьего года гарантии – 59 дней.

С учетом времени нахождения автомобиля на гарантийном ремонте датой окончания основной гарантии является 17 декабря 2013 г., в то время как истец обратился к официальному дилеру с требованием о расторжении договора купли-продажи 15 ноября 2013 г., а с иском в суд – 13 декабря 2013 г.

Поскольку К. обратился к продавцу с требованием о расторжении договора в период гарантийного срока, суд апелляционной инстанции не учел положения п. 6 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, в соответствии с которыми в отношении товара, на который установлен гарантийный срок, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер отвечает за недостатки товара, если не докажет, что они возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения потребителем правил использования, хранения или транспортировки товара, действий третьих лиц или непреодолимой силы.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», под существенным недостатком товара (работы, услуги) следует понимать в том числе недостаток товара (работы, услуги), который не может быть устранен без несоразмерной затраты времени, – недостаток, на устранение которого затрачивается время, превышающее установленный соглашением сторон в письменной

форме и ограниченный сорока пятью днями срок устранения недостатка товара, а если такой срок соглашением сторон не определен, – время, превышающее минимальный срок, объективно необходимый для устранения данного недостатка обычно применяемым способом.

Судами установлено, что автомобиль находился на гарантийном ремонте 59 дней. Поскольку срок выполнения гарантийного ремонта превысил 45 дней, выявленный недостаток автомобиля является существенным, так как он не мог быть устранен без несоразмерной затраты времени, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции также исходил из того, что, отремонтировав автомобиль, К. выбрал и реализовал свое право на устранение недостатка товара.

Однако суд не учел, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Свободный и осознанный выбор потребителем способа устранения недостатков мог иметь место лишь в случае, когда он с достоверностью знал о необходимых существенных (более 45 дней) временных затратах на проведение ремонта и при этом согласился с таким способом устранения недостатков товара.

По смыслу закона, обязанность по информированию потребителя о сроках ремонта лежит на продавце (изготовителе).

Также о согласии потребителя с таким видом устранения недостатков, как ремонт, может свидетельствовать длительная эксплуатация товара после окончания ремонта.

Автомобиль после устранения недостатков продолжал находиться на станции технического обслуживания после 13 октября до 10 ноября 2013 г. для устранения повреждений кузова, допущенных в период гарантийного ремонта.

Свое намерение расторгнуть договор К. выразил непосредственно после возврата ему машины, написав соответствующую претензию продавцу, а после получения отказа сразу обратился в суд. Это судом апелляционной инстанции учтено не было.

Определение № 5-КГ15-6

II. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

2. Расчет сумм возмещения вреда, причиненного здоровью работника профессиональным заболеванием, произведенный

органом социального страхования при получении личного дела застрахованного от работодателя из того же среднемесячного заработка, из которого ранее работодатель исчислил суммы возмещения вреда, сам по себе не свидетельствует о нарушении прав застрахованного лица на выбор периода для расчета среднемесячного заработка, а также на получение им разъяснений о порядке и условиях обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

К. обратилась в суд с иском к органу социального страхования о взыскании ежемесячной страховой выплаты начиная с 1 декабря 2013 г. с последующей индексацией и взыскании задолженности по страховым выплатам с 6 января 2000 г. по 30 ноября 2013 г.

Судом установлено, что К. в период работы на заводе приобрела профессиональное заболевание. Заключением ВТЭК от 8 мая 1990 г. К. установлена утрата трудоспособности вследствие профессионального заболевания в размере 40%.

На основании заявления К. от 16 мая 1990 г. приказом работодателя ей впервые назначены ежемесячные выплаты в счет возмещения вреда здоровью. Размер выплат определен работодателем на основании заявления К. в соответствии с требованиями Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 3 июля 1984 г. № 690, исходя из средней заработной платы за 12 календарных месяцев перед прекращением работы, повлекшей заболевание, то есть за период с мая 1987 года по май 1988 года с заменой не полностью отработанного месяца (июнь 1987 года).

В связи с принятием Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ) на основании заявления К. от 24 января 2000 г. и сведений личного дела, переданного работодателем, органом социального страхования ей назначены страховые выплаты.

Разрешая спор и принимая решение о частичном удовлетворении исковых требований К., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что при назначении ответчиком ежемесячных страховых выплат истцу не было обеспечено ее право на выбор периода заработка для исчисления ежемесячных страховых выплат, поскольку ответчиком не

соблюдена обязанность по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ лицам, получившим до вступления в силу данного федерального закона увечье, профессиональное заболевание либо иное повреждение здоровья, связанные с исполнением ими трудовых обязанностей и подтвержденные в установленном порядке, а также лицам, имеющим право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, обеспечение по страхованию производится страховщиком в соответствии с указанным федеральным законом независимо от сроков получения увечья, профессионального заболевания либо иного повреждения здоровья.

Устанавливаемое данным лицам при вступлении названного федерального закона в силу обеспечение по страхованию не может быть ниже установленного им ранее в соответствии с законодательством Российской Федерации возмещения вреда, причиненного увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением трудовых обязанностей (п. 1 ст. 28 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

В силу п. 1 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ размер ежемесячной страховой выплаты определяется как доля среднего месячного заработка застрахованного до наступления страхового случая, исчисленная в соответствии со степенью утраты им профессиональной трудоспособности.

В соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ средний месячный заработок застрахованного подсчитывается путем деления общей суммы его заработка за 12 месяцев работы, предшествовавших наступлению страхового случая или утрате либо снижению его трудоспособности (по выбору застрахованного), на 12.

По желанию застрахованного при наступлении страхового случая по причине получения им профессионального заболевания средний месячный заработок может быть подсчитан за последние 12 месяцев

работы, предшествовавших прекращению работы, повлекшей такое заболевание (п. 3 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

Пунктом 9 ст. 12 названного федерального закона установлено, что исчисленная и назначенная ежемесячная страховая выплата в дальнейшем перерасчете не подлежит, за исключением случаев изменения степени утраты профессиональной трудоспособности, изменения круга лиц, имеющих право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного, а также случаев индексации ежемесячной страховой выплаты.

Разрешая спор, суд исходил из того, что ответчик при решении вопроса о назначении страховой выплаты К. не принял мер к получению надлежащих документов с данными о ее зарплате, в связи с чем неправильно произвел расчет средней заработной платы, занизив тем самым сумму страховых выплат.

Между тем в соответствии с Порядком проведения исполнительными органами Фонда социального страхования Российской Федерации организационно-подготовительной работы по введению обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденным приказом Фонда социального страхования Российской Федерации от 9 сентября 1998 г. № 152, действовавшим на момент передачи работодателем личного дела К. в орган социального страхования, данный орган осуществлял проверку личных дел потерпевших при передаче по следующим направлениям: наличие в личном (учетном) деле потерпевшего всех документов, необходимых для обеспечения по социальному страхованию; обоснованность назначения возмещения вреда в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием по каждому потерпевшему в соответствии с действующим законодательством; правильность определения установленных потерпевшим размеров ежемесячных выплат в возмещение вреда (с учетом повышения стоимости жизни и увеличений минимального размера оплаты труда).

Согласно подп. 8 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ застрахованный имеет право на получение от страхователя и страховщика бесплатной информации о своих правах и обязанностях по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Подпунктом 9 п. 2 ст. 18 названного федерального закона предусмотрена обязанность страховщика по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Судом установлено, что ежемесячные страховые выплаты назначены ответчиком К. на основании ее заявления с учетом сведений о назначении ей сумм возмещения вреда здоровью работодателем в 1990 году. Данных о том, что ответчиком при назначении сумм возмещения вреда здоровью К. не была исполнена предусмотренная законом обязанность по разъяснению пострадавшему его прав в части условий и порядка обязательного социального страхования, а также не выполнены определенные названным выше положением действия по проверке правильности определения установленных истцу размеров ежемесячных выплат в возмещение вреда, в материалах дела не имеется, К. доказательств обратного также представлено не было.

С учетом того, что К. не обращалась ни на момент передачи ее личного дела от работодателя к ответчику с заявлением о перерасчете суммы возмещения вреда, ни впоследствии в орган социального страхования о перерасчете ежемесячных страховых выплат, Судебная коллегия пришла к выводу, что расчет, произведенный ответчиком из того же среднемесячного заработка, из которого исчислил суммы возмещения вреда работодатель (причинитель вреда) на основании заявления К., соответствует положениям п. 3 ст. 12, п. 1 ст. 28 и подп. 9 п. 2 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ.

Таким образом, у суда отсутствовали предусмотренные законом основания для принятия решения о перерасчете назначенных ответчиком К. ежемесячных страховых выплат и взыскании задолженности по ним.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Определение № 45-КГ14-15

3. Период участия в контртеррористической операции во время прохождения службы по призыву засчитывается сотруднику органов внутренних в выслугу лет для назначения пенсии в календарном исчислении.

А. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о пересмотре расчета срока выслуги лет для назначения пенсии.

Как установлено судом, с 28 июня 1999 г. по 20 октября 2000 г. А. проходил действительную военную службу по призыву. В период с 23 декабря 1999 г. по 31 августа 2000 г. в составе войсковой части он участвовал в проведении контртеррористической операции на

территории Северо-Кавказского региона, о чем имеется запись в его военном билете.

В период с 13 марта 2001 г. по 28 ноября 2013 г. А. проходил службу в должности инспектора дорожно-патрульной службы органа внутренних дел.

В выслугу лет при увольнении со службы в органах внутренних дел А. были включены следующие периоды: учеба в колледже с 1 сентября 1995 г. по 19 июня 1999 г. из расчета один год учебы за шесть месяцев службы; служба по призыву во внутренних войсках МВД России с 28 июня 1999 г. по 20 октября 2000 г. в календарном исчислении; служба в органах внутренних дел с 13 марта 2001 г. по 28 ноября 2013 г. в календарном и льготном исчислении.

Период участия А. в контртеррористической операции с 23 декабря 1999 г. по 31 августа 2000 г. во время прохождения службы по призыву во внутренних войсках МВД России засчитан ему в выслугу лет в календарном исчислении.

Разрешая спор и отказывая А. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что порядок льготного исчисления продолжительности военной службы (службы в органах внутренних дел) и основания его применения установлены в постановлении Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» (далее – постановление от 22 сентября 1993 г. № 941), которым не предусмотрена возможность льготного исчисления периода прохождения службы по призыву в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах.

При этом суд указал, что действие Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (далее – Закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-1) не распространяется на военнослужащих, проходивших военную службу по призыву (действительную срочную военную службу).

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и в дополнение к ним признал неправильным толкование истцом положений ст. 2 Закона Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-І «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территории Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» (далее – Закон от 21 января 1993 г. № 4328-І).

Судебная коллегия признала приведенные выводы судебных инстанций правильными, основанными на подлежащих применению нормах материального права и установленных обстоятельствах дела.

В обоснование как исковых требований, так и доводов кассационной жалобы заявитель, как проходивший службу по призыву во внутренних войсках МВД России, в том числе с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике, ссылается на положения части второй ст. 2 Закона от 21 января 1993 г. № 4328-І, согласно которым военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, для назначения пенсии засчитывается в выслугу лет и трудовой стаж один месяц военной службы за три месяца.

Между тем Закон от 21 января 1993 г. № 4328-І вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих не регламентирует, а устанавливает лишь общие условия единой системы их правовой и социальной защиты, которые конкретизированы в иных нормативных правовых актах.

В частности, Законом от 12 февраля 1993 г. № 4468-І и Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» установлен дифференцированный порядок льготного исчисления выслуги лет и трудового стажа военнослужащих, выполняющих задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах.

Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих, в том числе исчисление выслуги лет для назначения пенсии, регламентируется Законом от 12 февраля 1993 г. № 4468-І.

В ст. 1 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І перечислены лица, на которых распространяется действие данного закона, в частности лица, проходившие военную службу в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах Российской Федерации, других воинских формированиях Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, и семьи этих лиц.

В силу ст. 2 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин (ранее – действительную срочную военную службу) в вооруженных силах и воинских формированиях, указанных в п. «а» ст. 1 данного закона, и семей этих лиц осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

Согласно части третьей ст. 18 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсии лицам, указанным в ст. 1 этого закона, определяется Правительством Российской Федерации.

Абзацем первым п. 5 постановления от 22 сентября 1993 г. № 941, изданного во исполнение требований Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, установлено, что военная служба по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин (ранее – срочная военная служба), кроме периодов, подлежащих зачету в выслугу лет на льготных условиях, предусмотренных для военнослужащих воинских частей, штабов и учреждений действующей армии, военнослужащих, проходивших службу или находившихся в плену в период Великой Отечественной войны, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС либо необоснованно привлеченных к уголовной ответственности или репрессированных, засчитывается в выслугу лет для назначения пенсий в календарном исчислении.

В соответствии с п. 4 ст. 30 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации») периоды службы в воинских частях, штабах и учреждениях, входящих в состав действующей армии, в партизанских отрядах и соединениях в период боевых действий, а также время нахождения на излечении в лечебных учреждениях вследствие военной травмы, периоды военной службы в зоне отчуждения, определяемой в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-І «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», включаются в общий трудовой стаж в тройном размере.

Пунктом 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5481/1-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях

государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» указано на то, что при применении части второй ст. 2 Закона от 21 января 1993 г. № 4328-І в целях исчисления трудового стажа для назначения пенсий в соответствии со ст. 94 Закона РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-І «О государственных пенсиях в РСФСР» военнослужащие, выполняющие задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, считаются проходящими военную службу в действующей армии.

Таким образом, из содержания приведенных нормативных положений следует, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, срок службы засчитывается в выслугу лет в соответствии с Законом от 12 февраля 1993 г. № 4468-І. Военнослужащим, выполняющим аналогичные задачи по призыву в период выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, срок службы засчитывается в льготном (в тройном размере) исчислении в трудовой стаж в соответствии с Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Судебные инстанции, разрешая спор, исходили именно из такого толкования подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, которое является правильным, в связи с чем правомерно не засчитали в выслугу лет в льготном исчислении А. период его участия в контртеррористической операции.

Ссылка А. в кассационной жалобе на ст. 22 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (утратил силу с 1 января 2007 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») в обоснование довода о том, что период его службы с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике должен быть засчитан в льготном исчислении в выслугу лет, признана несостоятельной в связи со следующим.

В период с 23 декабря 1999 г. по 20 октября 2000 г. в Чеченской Республике чрезвычайное (военное) положение не вводилось, а действовал режим контртеррористической операции (раздел III приложения к Федеральному закону от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»).

Правовое регулирование проведения контртеррористических операций установлено Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 20 данного федерального закона лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства и подлежат правовой и социальной защите. К указанным лицам относятся, в частности, военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом.

При этом в силу ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О противодействии терроризму» военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, проходящим (проходившим) службу в подразделениях, непосредственно осуществляющих (осуществлявших) борьбу с терроризмом, в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсий один день службы засчитывается за полтора дня, а время непосредственного участия в контртеррористических операциях – из расчета один день службы за три дня.

Согласно ч. 2 ст. 20 Федерального закона «О противодействии терроризму» социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Подпунктом «в» п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» установлено, что в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсии засчитывается время непосредственного участия в составе специальных сил и сил Объединенной группировки в контртеррористических операциях из расчета 1 месяц службы (военной службы) за 3 месяца сотрудникам и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Таким образом, из названного постановления Правительства Российской Федерации и Федерального закона «О противодействии терроризму» следует, что в льготном исчислении в выслугу лет засчитывается время непосредственного участия в контртеррористических операциях военнослужащим, обладающим статусом лица, проходящего военную службу по контракту.

Аналогичное правовое регулирование имело место и в ранее действовавшем Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 19, ст. 22).

Довод кассационной жалобы А. о том, что Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 1054 «О льготных условиях исчисления срока военной службы (службы) в воинских (специальных) званиях» (признан утратившим силу Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2007 г. № 860) не содержит разграничения прав на льготное исчисление выслуги лет военнослужащих срочной службы по принципу прохождения службы по призыву либо по контракту, юридического значения не имеет, так как данный правовой акт не определяет порядок льготного исчисления выслуги лет для назначения пенсии.

Судом установлено, что А. проходил военную службу по призыву во внутренних войсках МВД России.

Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» также не предусматривает возможности засчитывать в выслугу лет в льготном исчислении срок военной службы военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву.

Так, согласно ст. 37 данного федерального закона:

срок военной службы, засчитываемый в выслугу лет, дающую право на пенсию, военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по контракту, исчисляется из расчета один месяц за три месяца;

срок военной службы, засчитываемый в трудовой стаж для назначения пенсии, военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву, исчисляется из расчета один месяц за три месяца.

Следовательно, в данном случае льготное исчисление периодов прохождения службы военнослужащим внутренних войск, проходящим военную службу по призыву, будет также учитываться при назначении пенсии в соответствии с Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», а не с Законом от 12 февраля 1993 г. № 4468-І.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований А. соответствующими положениям Закона от 21 января 1993 г. № 4328-І, Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І и постановления от 22 сентября 1993 г. № 941, поскольку правило о льготном исчислении выслуги лет и трудового стажа всем военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, должно применяться дифференцированно, то есть в зависимости от того, проходила военная служба по контракту или по призыву, а именно: военнослужащим, проходившим военную службу по контракту и выполнявшим задачи в

условиях чрезвычайного положения, срок такой службы засчитывается в льготном исчислении в выслугу лет, а военнослужащим, выполнявшим аналогичные задачи по призыву, – в льготном исчислении в трудовой стаж.

Определение № 83-КГ14-14

III. Разрешение споров, связанных с воспитанием детей

4. По требованиям об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей в целях всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений.

Такого рода споры между родителями разрешаются судом с учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Р. (отец несовершеннолетних детей) обратился в суд с иском к Е. (матери несовершеннолетних детей) об определении места жительства детей Д. и Н., освобождении от уплаты алиментов в отношении детей, возложении на ответчика обязанности передать детей истцу.

Е. исковые требования не признала и обратилась со встречным иском к Р., в котором просила определить место жительства детей с ней.

Как установлено судом и подтверждено доказательствами по делу, брак между Е. и Р. прекращен 21 мая 2011 г. на основании решения мирового судьи. От брака стороны имеют двух несовершеннолетних детей Д. и Н. Судебным приказом от 22 января 2013 г. с Р. в пользу Е. взысканы алименты на содержание детей Д. и Н.

Р. и Е. проживают раздельно, несовершеннолетние дети Д. и Н. с сентября 2013 года по июнь 2014 года проживали с отцом.

В соответствии с актом обследования жилищно-бытовых условий от 27 июня 2014 г. по месту жительства Р. проживает вместе с женой Т. и четырьмя несовершеннолетними детьми (три сына и дочь Т.) в двухкомнатной квартире общей площадью 41,7 кв.м. У детей имеется отдельная комната, в которой присутствуют спальные места, имеются два стола для выполнения уроков, компьютер, принтер, шкаф для детской одежды, большое количество игрушек. Д. обучается в общеобразовательной школе, посещает секцию тэквандо, Н. является воспитанником детского сада.

Согласно акту обследования жилищно-бытовых условий от 30 июня 2014 г. по месту жительства Е. на момент обследования она проживает с несовершеннолетними детьми в двухкомнатной квартире. В квартире имеется необходимая мебель для проживания, детям выделена отдельная комната 16 кв.м, где есть спальные места для детей, стол для

занятий, телевизор, компьютер, игрушки, книги и др. По месту жительства Е. созданы необходимые условия для проживания несовершеннолетних детей.

Разрешая спор и определяя место жительства несовершеннолетних детей с отцом, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 61 и 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), исходил из того, что с сентября 2013 года дети проживали и воспитывались с отцом, которым созданы надлежащие условия для их воспитания, развития и образования, у детей сложился привычный круг общения. Кроме того, суд принял во внимание заключение органа социальной защиты, согласно которому место жительства несовершеннолетних Д. и Н. возможно определить по месту жительства их отца Р.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, как принятые с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно разъяснениям, изложенным в пп. 5, 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», при решении вопроса о месте жительства несовершеннолетнего ребенка при раздельном проживании родителей следует принимать во внимание помимо указанных в п. 3 ст. 65 СК РФ обстоятельств реальную возможность родителя обеспечить надлежащее воспитание ребенка, характер сложившихся взаимоотношений родителя с ребенком, привязанность ребенка к лицам, у которых он находится, другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

По данному делу по требованиям родителей об определении места жительства детей одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств с учетом подлежащих применению норм материального права являлось выяснение вопроса о том, проживание с кем из родителей (матерью или отцом) наиболее полно будет соответствовать интересам детей.

Исходя из положений ст. 67, 71, 195–198 ГПК РФ выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости (ст. 59, 60 ГПК РФ). В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 названного кодекса.

Оценка доказательств и отражение ее результатов в судебном решении являются проявлением дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, что, однако, не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были. Перечислив доводы сторон и доказательства, суд не отразил в решении мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, а другие доказательства отвергнуты, и основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими, то есть решение суда нельзя назвать мотивированным.

Судом не учтено, что при рассмотрении дела он обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным.

Определяя местом жительства несовершеннолетних детей место жительства истца, суд первой инстанции сослался на заключение компетентного органа, согласно которому ввиду того, что дети с сентября 2003 года проживали и воспитывались ответчиком и им были созданы надлежащие условия для их воспитания, развития и образования, возможно проживание несовершеннолетних детей с их отцом.

Между тем в материалах дела содержатся заключения в отношении несовершеннолетних Д. и Н., составленные директором муниципального

бюджетного учреждения – центра психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних В., являющейся педагогом-психологом, из которых следует, что мальчики в большей степени испытывают доверительные отношения к маме и негативно относятся как к самому Р., так и к его новой семье, проживать с ними не хотят.

Суд критически отнесся к заключению органа социальной защиты, в соответствии с которым по месту жительства Е. созданы необходимые условия для проживания детей и которым рекомендовано оставить детей с матерью, тогда как по месту проживания Р. соответствующие условия для проживания четырех детей не созданы, поскольку размер выделенной для детей комнаты составляет 12 кв.м, что не соответствует нормам.

Как установлено судом и отражено в акте обследования жилищно-бытовых условий, проведенного по месту жительства Р. (отца несовершеннолетних детей), Р. проживает вместе с женой Т., детьми Д., Н., А. и К. в двухкомнатной квартире общей площадью 41,7 кв.м, жилой площадью 21,8 кв.м., $\frac{1}{2}$ доли данной квартиры принадлежит на праве собственности Т. Проживающие в одной из комнат площадью 12 кв.м четверо детей являются лицами разного пола.

Согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, должно быть обеспечено право свободно выразить эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим его, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. С этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Как указано в ст. 57 СК РФ, ребенок вправе выразить свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 названного кодекса, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

При этом мнение ребенка о том, с кем из родителей он желает проживать, выявляется, как правило, органами опеки и попечительства, составляющими акты обследования жилищно-бытовых условий и соответствующие заключения. Кроме того, мнение ребенка выявляется

также педагогами или воспитателями детских учреждений по месту учебы или нахождения ребенка, социальными педагогами школы, инспекторами по делам несовершеннолетних.

Между тем, решая вопрос о предпочтении проживания несовершеннолетних Д. и Н. с истцом, суд в нарушение приведенных норм права не учел желание старшего сына бывших супругов проживать со своей матерью по месту ее жительства.

Будучи опрошенным в судебном заседании, несовершеннолетний Д. последовательно утверждал о своем желании проживать с матерью. Мальчик указывал на то, что проживать по месту жительства мамы ему нравится больше, у него появились новые друзья, с которыми он гуляет и к которым ходит в гости, посещает спортивную секцию. По мнению ребенка, он хочет учиться в школе, находящейся в городе, мама с ним занимается домашними уроками, гуляет, покупает одежду и игрушки.

Опрошенный в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции педагог-психолог В. пояснила, что несовершеннолетний Д. выразил желание жить с матерью, что также было отражено в психолого-педагогическом обследовании ребенка от 30 июня 2014 г.

Согласно принципу 6 Декларации прав ребенка, принятой Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью.

Между тем суд не установил и не указал на такие исключительные обстоятельства разлучения с матерью малолетних Д. и Н. при решении вопроса о месте жительства детей с отцом.

Помимо изложенного выше при определении места жительства ребенка с одним из родителей юридически значимыми обстоятельствами, влияющими на правильное разрешение такого рода споров, являются: проявление одним из родителей большей заботы и внимания к ребенку; социальное поведение родителей; морально-психологическая обстановка, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей; возможность своевременного получения медицинской помощи; наличие или отсутствие у родителей другой семьи; привычный круг общения ребенка (друзья, воспитатели, учителя); привязанность ребенка не только к родителям, братьям и сестрам, но и к дедушкам, бабушкам, проживающим с ними одной семьей, приближенность места жительства родственников (бабушек, дедушек, братьев, сестер и т.д.), которые реально могут помочь

родителю, с которым остается проживать ребенок, в его воспитании; удобство расположения образовательных учреждений, спортивных клубов и учреждений дополнительного образования, которые посещает ребенок, и возможность создания каждым из родителей условий для посещения таких дополнительных занятий; цель предъявления иска.

При установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические).

Указанные вопросы не были поставлены судом на обсуждение и не исследовались, а заключение органа опеки и попечительства, на основании которого был сделан вывод о соответствии проживания детей с отцом их интересам, принято во внимание без учета всех юридически значимых по делу обстоятельств.

Определение № 45-КГ15-3

IV. Процессуальные вопросы

5. Незвещение судом лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания является существенным нарушением норм процессуального права.

Решением суда первой инстанции были удовлетворены иски К. к М. о понуждении исполнить предварительный договор и заключить основной договор купли-продажи.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил и принял по делу новое решение от отказа в удовлетворении исковых требований К.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, установила допущенное судом апелляционной инстанции существенное нарушение норм процессуального права.

Отменяя состоявшееся по делу апелляционное определение и направляя дело на новое судебное рассмотрение в суд апелляционной инстанции, Судебная коллегия, в частности, указала следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Разбирательство гражданского дела происходит в судебном заседании с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, о времени и месте заседания (ст. 155 ГПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы, представления в апелляционном порядке; суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 данного кодекса.

Частью 3 ст. 167 ГПК РФ предусмотрено, что суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины их неявки неуважительными.

Частью 1 ст. 113 ГПК РФ установлено, что лица, участвующие в деле, извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Таким образом, независимо от того, какой из способов извещения участников судопроизводства избирается судом, любое используемое средство связи или доставки должно обеспечивать достоверную фиксацию переданного сообщения и факт его получения адресатом.

Рассмотрение дела по апелляционной жалобе ответчика было назначено в суде апелляционной инстанции на 1 апреля 2014 г.

Согласно справке, находящейся в материалах дела, рассмотрение дела было перенесено на 10 апреля 2014 г. в связи с болезнью судьи. При этом документов, подтверждающих направление сторонам по делу извещений о назначении рассмотрения дела на указанную дату и их получение сторонами, в материалах дела нет.

Апелляционным определением, датированным 1 апреля 2014 г., апелляционная жалоба М. рассмотрена в отсутствие истца и ответчика.

В протоколе судебного заседания не указано, что неявившиеся лица о времени и месте рассмотрения дела надлежащим образом извещены, при этом протокол датирован 10 апреля 2014 г.

Информации о своевременном направлении извещения К. на 10 апреля 2014 г., а также данных о вручении его истцу в материалах дела не имеется.

Следовательно, извещение истца К. не может признаваться надлежащим.

Как указала Судебная коллегия, суд второй инстанции рассмотрел дело по апелляционной жалобе ответчика М. в отсутствие К., не извещенной о времени и месте судебного заседания, что сделало невозможным реализацию истцом ее процессуальных прав и является существенным нарушением норм процессуального права.

Определение № 9-КГ14-8

Изменение порядка и способа исполнения решения суда

6. Предусмотренная законом возможность оставления нереализованного на торгах заложенного имущества за взыскателем сама по себе не является основанием для отказа в пересмотре вопроса о начальной продажной цене такого имущества, установленной вступившим в законную силу решением суда.

Банк обратился в суд с заявлением об изменении порядка и способа исполнения решения суда, которым в пользу банка обращено взыскание на предмет залога – земельный участок, принадлежащий Т. В обоснование банком указано, что с момента вынесения решения суда стоимость заложенного имущества значительно снизилась, вследствие чего стала невозможной его реализация по цене, указанной в решении суда. Банк просит снизить начальную продажную стоимость земельного участка в соответствии с его действительной рыночной стоимостью.

Определением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке отменила данное апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Как следует из обжалуемых судебных постановлений, решением районного суда от 10 июня 2010 г., вступившим в законную силу 24 августа 2010 г., были удовлетворены иски банка к Т., обращено взыскание на недвижимое имущество ответчика по договору об ипотеке, заключенному между банком и Т., – земельный участок путем продажи с публичных торгов. Решением суда установлена

начальная продажная цена данного земельного участка при его реализации – 92 400 000 рублей без учета НДС.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 27 мая 2013 г., т.е. спустя более 3,5 лет после вступления решения суда в законную силу, земельный участок был передан в Росимущество для реализации на открытых торгах, проводимых в форме аукциона по цене, установленной решением суда.

Согласно протоколу торгов от 8 августа 2013 г. торги не состоялись в связи с отсутствием допущенных участников – не было подано ни одной заявки.

В обоснование требований об уменьшении начальной продажной цены заложенного имущества банком представлен отчет об оценке, согласно которому рыночная стоимость предмета залога – земельного участка – по состоянию на октябрь 2013 года определена в 72 000 000 рублей, то есть на 20 400 000 рублей меньше, чем это было установлено судом в 2010 году.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции пришел к выводу, что начальная продажная цена заложенного имущества установлена вступившим в законную силу решением суда от 10 июня 2010 г., изменение рыночной стоимости имущества приведет к изменению содержания решения суда, а следовательно, требования банка не могут быть удовлетворены в порядке, предусмотренном ст. 434 ГПК РФ.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены или изменения постановления суда первой инстанции, указав, что в случае признания повторных торгов несостоявшимися банк вправе оставить имущество за собой по цене не более чем на 25 % ниже его первоначальной продажной цены.

Судебная коллегия признала указанные выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными.

Согласно подп. 3 п. 2 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», принимая решение об обращении взыскания на заложенное имущество, суд должен определить и указать в нем способ и порядок реализации заложенного имущества, на которое обращается взыскание. Если стороны заключили соглашение, устанавливающее порядок реализации предмета ипотеки, суд определяет способ реализации заложенного имущества в соответствии с условиями такого соглашения.

Таким образом, согласно указанной норме федерального закона начальная продажная цена устанавливается в соответствии с рыночной ценой заложенного имущества.

Порядок изменения начальной продажной цены имущества в случае изменения его рыночной цены законом прямо не урегулирован.

Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона).

Применительно к данному случаю такой нормой является ст. 434 ГПК РФ, согласно которой при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 203 и 208 данного кодекса.

В соответствии с ч. 1 ст. 203 этого кодекса суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя либо исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения.

Как следует из обжалуемых судебных постановлений, действия по исполнению решения суда были начаты почти через 4 года после определения судом начальной продажной цены заложенного имущества, в связи с чем его рыночная стоимость могла значительно измениться.

Указание суда апелляционной инстанции на то, что имеется предусмотренная законом возможность оставить спорное имущество за взыскателем по цене до 25 % ниже от первоначальной, само по себе не является основанием для отказа в пересмотре вопроса о начальной продажной цене имущества, поскольку указанное судом апелляционной инстанции снижение цены оставляемого за взыскателем имущества производится исходя из начальной продажной цены, определяемой судом в соответствии с рыночной стоимостью имущества.

Допущенные судом нарушения норм процессуального права являются существенными и привели к необоснованному отказу в удовлетворении заявления банка об изменении порядка и способа исполнения решения суда.

Определение № 45-КГ14-11

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

1. При отсутствии в многоквартирных домах общедомовых приборов учета сточных вод ресурсоснабжающая организация не может начислять плату за услугу по водоотведению в отношении общедомовых нужд.

Общество поставляло в многоквартирные дома холодную воду и оказывало услуги по водоотведению сточных бытовых вод.

Многоквартирные дома не были оборудованы общедомовыми приборами учета сточных вод.

В квитанциях на оплату услуг, предъявляемых жильцам, общество включало плату за услуги по водоотведению на общедомовые нужды. Расчет платы осуществлялся на основе объема водоотведения, равного объему водопотребления, который определялся по нормативам потребления коммунальных услуг по водоснабжению (формула 12 приложения № 2 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354).

По результатам проверки государственной жилищной инспекцией субъекта Российской Федерации (далее – инспекция) обществу выдано два предписания о необходимости перерасчета размера платы за водоотведение и об исключении из нее платы за водоотведение, начисленной на общедомовые нужды.

Общество обратилось в суд с заявлением к инспекции о признании незаконными указанных предписаний.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что правоотношения по предоставлению коммунальных услуг в жилых домах в приоритетном порядке регулируются жилищным законодательством, в соответствии с которым с 1 июня 2013 г. коммунальная услуга по водоотведению для общедомовых нужд не оказывается и плата за нее не взимается. При отсутствии общедомового и квартирных приборов учета сточных вод объем услуг по водоотведению рассчитывается как сумма объемов горячей и холодной воды, потребленных в жилых и нежилых помещениях многоквартирного

дома, определенных по приборам учета (при наличии таковых) или по нормативам потребления коммунальных услуг.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и признал незаконными оспариваемые предписания. Суд пришел к выводу, что при отсутствии общедомового прибора учета сточных вод допускается осуществление коммерческого учета расчетным способом: объем отведенных абонентом сточных вод принимается равным объему воды, поданной этому абоненту из всех источников централизованного водоснабжения (п. 11 ст. 20 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон о водоснабжении)). Объем воды, поступившей в многоквартирные дома, определен по показаниям общедомовых приборов учета.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 5 ст. 1 Закона о водоснабжении и ч. 2 ст. 5, п. 10 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ следует, что правила определения объема коммунальных услуг регулируются, в первую очередь, нормами ЖК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Закон о водоснабжении в этой части к данному спору не применим.

Порядок определения размера платы за коммунальные услуги определяется Правилами № 354. При этом порядок определения размера платы за коммунальную услугу, предоставленную на общедомовые нужды, зависит от наличия коллективного прибора учета коммунального ресурса.

При отсутствии коллективного (общедомового) прибора учета сточных вод размер платы за коммунальную услугу по водоотведению, предоставленную на общедомовые нужды, равен произведению тарифа на водоотведение и объема (количества) коммунального ресурса, предоставленного за расчетный период на общедомовые нужды и приходящийся на конкретное жилое или нежилое помещение. Согласно п. 48 Правил № 354, пп. 10, 17 и формулам 10 и 15 приложения № 2 к этим правилам указанный объем рассчитывается как произведение доли в общей площади помещений, входящих в состав общего имущества многоквартирного дома, и норматива потребления коммунальной услуги по водоотведению, предоставленной на общедомовые нужды за

расчетный период в многоквартирном доме, установленного в соответствии с Правилами установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2006 г. № 306 (далее – Правила № 306).

Правилами № 306 не предусмотрен расчет норматива потребления коммунальной услуги по водоотведению на общедомовые нужды. Ранее действовавшие нормы, которые предусматривали такой норматив, исключены из этих правил.

Таким образом, ввиду того, что в многоквартирных домах отсутствовали общедомовые приборы учета сточных вод, законных оснований для начисления обществом платы за услугу по водоотведению в отношении общедомовых нужд не имелось.

Определение № 310-ЭС14-5955

2. Если собственниками помещений в многоквартирном доме заключен договор с управляющей организацией, последняя является надлежащим ответчиком по иску ресурсоснабжающей организации о взыскании расходов на установку общедомового прибора учета.

Размер обязательства управляющей организации по возмещению этих расходов не должен превышать совокупный размер обязательств собственников помещений многоквартирного дома.

Ресурсоснабжающая организация на основании п. 12 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об энергосбережении) установила в многоквартирном доме за свой счет общедомовой прибор учета тепловой энергии и ввела его в эксплуатацию.

Поскольку собственники помещений в многоквартирном доме не возместили ресурсоснабжающей организации расходы на установку, последняя обратилась с иском в суд к управляющей организации многоквартирным домом о выплате указанных расходов.

В возражениях на иск управляющая организация ссылалась на то, что оплачивать спорные расходы должны непосредственно собственники помещений. Кроме того, управляющая организация не должна за счет собственных средств одновременно оплачивать расходы

на установку приборов учета, поскольку собственникам помещений законом предоставлена рассрочка на пять лет.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иски удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации поддержала вывод судов нижестоящих инстанций о том, что управляющая организация является надлежащим ответчиком по данному иску, поскольку собственники помещений заключают с ней договор именно для решения всех вопросов управления многоквартирным домом.

Исходя из системного толкования ст. 162 ЖК РФ, п. 20 Правил осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416, пп. 24, 26 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491, управляющая организация в силу своего статуса имеет исчерпывающую информацию о доле каждого собственника в праве общей собственности на общее имущество и наделена полномочиями по получению платежей от собственников за оказываемые управляющей организацией услуги и расчету с ресурсоснабжающими организациями.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно п. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении граждане – собственники помещений в многоквартирном доме оплачивают расходы по установке общедомовых приборов учета равными долями в течение пяти лет с даты их установки, если ими не выражено намерения оплатить такие расходы единовременно или с меньшим периодом рассрочки.

Поскольку управляющая организация в отношениях по возмещению расходов на установку общедомового прибора учета является представителем собственников помещений и лишена возможности получать денежные средства на эти цели иначе, чем от указанных лиц, она не должна отвечать в большем объеме, чем совокупный объем денежных обязательств собственников помещений по возмещению расходов на день вынесения судебного решения.

В этом деле у судов не было оснований для удовлетворения иска в полном объеме, так как пятилетний срок с момента введения в эксплуатацию общедомового прибора учета не истек и в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о том, что собственники помещений приняли решение оплатить расходы единовременно или с меньшим периодом рассрочки.

3. В случае, если к договору аренды земельного участка подлежит применению регулируемая арендная плата, порядок определения ее размера, утвержденный нормативным правовым актом уполномоченного органа, по общему правилу применяется для таких договоров с момента вступления в силу данного акта, даже если в момент заключения договора аренды такой порядок еще не был установлен.

Утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы подлежат применению только при передаче в аренду земель, находящихся в собственности Российской Федерации.

В 2006 году администрацией муниципального образования (арендодатель) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка из земель, государственная собственность на которые не разграничена, с целью строительства.

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение арендатором обязанности по уплате арендной платы, администрация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности, образовавшейся в 2013 году.

Размер платы был определен истцом на основании методики исчисления арендной платы за расположенные на территории субъекта Российской Федерации земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, утвержденной нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. При этом формула расчета предусматривала умножение кадастровой стоимости участка на ряд коэффициентов, в том числе коэффициент индексации и коэффициент, установленный для случаев, когда объекты недвижимости не введены в эксплуатацию по истечении трех лет с даты заключения договора аренды земельного участка.

Отказывая в удовлетворении иска в части, суды признали необоснованным расчет платы с учетом коэффициента индексации, применив к спорным правоотношениям п. 9 Правил определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы из земель, находящихся в собственности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 (далее – постановление № 582), согласно которому при расчете арендной платы на основании

кадастровой стоимости в тех случаях, когда утверждена новая кадастровая стоимость, применяемая с 1 января следующего года, индексация размера платы на коэффициент уровня инфляции при расчете платы за этот год не проводится.

Суды также исключили из расчета коэффициент, увеличивающий размер арендной платы при нарушении трехлетнего срока введения объекта недвижимости в эксплуатацию, поскольку этот коэффициент был введен в формулу расчета нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации с 1 января 2013 г., посчитав, что по правилам статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации указанный нормативный акт не распространяется на договоры, заключенные до его принятия.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

С учетом того, что спорный договор аренды был заключен после вступления в силу Земельного кодекса Российской Федерации, п. 3 ст. 65 которого предусматривает государственное регулирование размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в публичной собственности, к нему подлежит применению порядок определения размера арендной платы, установленный уполномоченным органом субъекта Российской Федерации, даже если в момент его заключения такой порядок еще не был установлен. Изменения регулируемой арендной платы, в том числе изменение формулы расчета путем введения нового коэффициента, по общему правилу применяются к отношениям, возникшим после таких изменений. Арендодатель по договору, к которому подлежит применению регулируемая арендная плата, вправе требовать ее внесения в размере, установленном на соответствующий период регулирующим органом без дополнительного изменения договора аренды.

Таким образом, изменение методики определения регулируемой арендной платы путем введения с 1 января 2013 г. нормативным актом субъекта нового коэффициента подлежит применению к спорному договору с момента вступления в силу этого акта и не требует заключения сторонами дополнительного соглашения.

Судебная коллегия также признала неправомерным применение к спорным правоотношениям п. 9 постановления № 582, поскольку в силу прямого указания закона (действовавших до 1 марта 2015 г. положений п. 3 ст. 65 Земельного кодекса Российской Федерации и п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»), а также положений самого постановления № 582 утвержденные им Правила

определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы подлежат применению только при расчете платы за аренду земель, находящихся в собственности Российской Федерации, и не применяются в отношении земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена.

С учетом того, что коэффициент индексации включен в формулу расчета арендной платы нормативным правовым актом уполномоченного публичного органа субъекта Российской Федерации, не признанным в данной части недействующим путем оспаривания в установленном законом порядке, у судов не имелось оснований для исключения его при расчете размера платы.

Определение № 306-ЭС14-6558

II. Процессуальные вопросы

4. Если из обстоятельств дела следует, что заявление ответчика об оставлении иска без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка урегулирования спора направлено на необоснованное затягивание разрешения возникшего спора, суд на основании ч. 5 ст. 159 АПК РФ отказывает в его удовлетворении.

Общество (заказчик) обратилось в суд с иском к компании (подрядчику) о взыскании сумм неотработанного аванса по нескольким договорам подряда.

Определением суда от 29 марта 2012 г. иск принят к производству.

Впоследствии компания обратилась в суд с несколькими ходатайствами о выделении в отдельное производство требований по разным договорам подряда и об объединении требований по данному делу с требованиями по другому делу по иску общества к компании, о проведении дополнительных экспертиз, предъявила встречный иск к обществу о взыскании задолженности за выполненные работы, представила проект мирового соглашения, которое не было заключено. В связи с разрешением указанных процессуальных вопросов рассмотрение дела по существу неоднократно откладывалось.

В судебном заседании 27 ноября 2013 г. компания заявила о необходимости оставления иска общества без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного договорами подряда.

Определением суда первой инстанции заявление компании удовлетворено в связи с непредставлением истцом доказательств, свидетельствующих о соблюдении досудебного порядка урегулирования

спора, встречный иск также оставлен без рассмотрения по тому же основанию.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции в части оставления первоначального иска без рассмотрения отменено, вопрос в указанной части отправлен на новое рассмотрение. В остальной части определение суда первой инстанции оставлено без изменения. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что настоящий иск рассматривался в суде первой инстанции с марта 2012 года, компания не возражала против рассмотрения дела, представляя суду свои доводы по существу спора и активно реализуя свои процессуальные права. До начала судебного разбирательства компания не заявила о несоблюдении истцом претензионного порядка урегулирования спора и не обосновала невозможность своевременного оформления ходатайства об оставлении требований истца без рассмотрения по уважительным причинам.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции, дело направил на новое рассмотрение. Арбитражный суд округа отметил, что суд апелляционной инстанции не опроверг выводы суда первой инстанции и не обосновал отмену определения суда первой инстанции в части требований истца, оставляя это же определение без изменения в части встречных исковых требований ответчика.

При новом рассмотрении дела постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов нижестоящих инстанций о том, что несоблюдение претензионного порядка урегулирования спора является безусловным основанием для оставления иска без рассмотрения.

Частью 5 ст. 159 АПК РФ предусмотрено, что арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам.

По смыслу п. 8 ч. 2 ст. 125, ч. 7 ст. 126, п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, претензионный порядок урегулирования спора в судебной практике рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно без

дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы. Такой порядок урегулирования спора направлен на его оперативное разрешение и служит дополнительной гарантией защиты прав.

Из поведения ответчика не усматривалось намерения добровольно и оперативно урегулировать возникший спор во внесудебном порядке, поэтому оставление иска без рассмотрения привело к необоснованному затягиванию разрешения возникшего спора и ущемлению прав одной из его сторон.

Однако поскольку Судебной коллегией установлено, что 12 января 2015 г. суд первой инстанции принял исковое заявление общества к компании о том же предмете и по тем же основаниям, а следовательно, судебная защита нарушенных прав и законных интересов общества возможна в ином порядке, Судебная коллегия оставила указанные судебные акты без изменения.

Определение № 306-ЭС15-1364

5. Для лиц, привлеченных к участию в деле судом первой инстанции, срок подачи апелляционной жалобы в любом случае не может быть восстановлен по истечении шести месяцев со дня принятия решения суда первой инстанции.

Если после удовлетворения ходатайства о восстановлении пропущенного срока будет установлено отсутствие оснований для восстановления, суд апелляционной инстанции либо суд кассационной инстанции прекращает производство по апелляционной жалобе.

Комитет по управлению имуществом муниципального образования (далее – комитет) обратился в арбитражный суд с иском к кооперативу о взыскании задолженности по арендной плате.

Решением суда первой инстанции от 27 сентября 2013 г. исковые требования удовлетворены.

Кооператив 6 мая 2014 г. подал апелляционную жалобу с ходатайством о восстановлении пропущенного срока на обжалование.

Суд апелляционной инстанции определением от 13 мая 2015 г. удовлетворил ходатайство кооператива о восстановлении пропущенного срока, поскольку признал причины пропуска срока уважительными.

В отзыве на апелляционную жалобу комитет указал на то, что производство по делу подлежит прекращению, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 259 АПК РФ срок на обжалование не может быть восстановлен по истечении шести месяцев с момента принятия решения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 17 июля 2014 г. решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Арбитражный суд округа постановлением от 10 ноября 2014 г. постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и прекратила производство по апелляционной жалобе кооператива по следующим основаниям.

Положения ч. 2 ст. 259 АПК РФ не предусматривают возможности восстановления пропущенного срока на обжалование, если ходатайство подано за пределами шестимесячного пресекающего срока, даже при наличии уважительных причин.

Действующее процессуальное законодательство не допускает произвольный, не ограниченный по времени пересмотр судебных решений. Вводя сроки для обжалования, процессуальный закон устанавливает баланс между принципом правовой определенности, обеспечивающим стабильность правоотношений в сфере предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности, и правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим возможность исправления судебных ошибок.

Судом апелляционной инстанции нарушена указанная императивная норма, поскольку срок был восстановлен спустя 7 месяцев с момента принятия решения судом первой инстанции.

Системное толкование ст. 117, ч. 2 ст. 259, ч. 2 ст. 276 и ч. 2 ст. 291² АПК РФ предполагает, что компетентный суд должен оценить обоснованность доводов лица, заявившего ходатайство о восстановлении срока на обжалование как при разрешении ходатайства, так и после восстановления срока при последующем рассмотрении дела в соответствующей инстанции. Если впоследствии будет установлено отсутствие оснований для восстановления срока, производство по жалобе подлежит прекращению.

Следовательно, суд апелляционной инстанции, с учетом доводов комитета в отзыве на апелляционную жалобу должен был вернуться к вопросу о восстановлении пропущенного срока и в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ прекратить производство по апелляционной жалобе.

Нарушив ст. 188 и 286 АПК РФ, арбитражный суд округа ошибочно пришел к выводу, что восстановление срока на обжалование не относится к числу тех процессуальных действий суда, которые могут быть обжалованы.

Определение № 307-ЭС15-661

III. Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных отношений

6. При отсутствии в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных платежей и налогов, к указанному требованию применяется трехлетний срок исковой давности.

В августе 2012 года таможенным органом при выпуске товара со счета общества списаны излишние таможенные платежи.

В ноябре 2013 года общество обратилось в таможенный орган с заявлением о возврате излишне взысканных сумм таможенных платежей, в удовлетворении которого таможенным органом было отказано в связи с пропуском установленного ч. 2 ст. 148 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 311-ФЗ) годового срока на обращение.

Ссылаясь на наличие права вернуть излишне уплаченные таможенные платежи в судебном порядке в пределах общего трехлетнего срока исковой давности, общество обратилось в суд с требованием к таможенному органу о возврате указанных денежных средств.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд исходил из того, что годичный срок, установленный ч. 2 ст. 148 Закона № 311-ФЗ, является сроком обращения с соответствующим требованием как в таможенный орган, так и в суд.

Постановлением суда апелляционной инстанции отменено решение суда первой инстанции и удовлетворены требования общества. Суд пришел к выводу о том, что к заявленному имущественному требованию не применяются специальные сроки, установленные таможенным законодательством, а по аналогии со ст. 21, 28 НК РФ по имущественным требованиям пределом судебной защиты является общий трехгодичный срок исковой давности.

Арбитражный суд округа своим постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции, оставил в силе решение суда первой инстанции. Суд указал на то, что установление таможенным законодательством специального срока для возврата излишне уплаченных таможенных платежей не нарушает каких-либо прав, поскольку для заинтересованных лиц не исключается возможность произвести их возврат в установленный законом срок.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа, постановление суда апелляционной инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

Законом № 311-ФЗ установлена административная процедура возврата таможенных платежей, налогов в случае их излишней уплаты (излишнего взыскания), а также уплаты в отсутствие законных оснований и предусмотрены сроки на реализацию лицами своих прав во внесудебной процедуре, то есть путем обращения с соответствующим заявлением в таможенный орган.

Вместе с тем закрепление в ст. 147 и 148 данного закона сроков для возврата таможенных пошлин, налогов не препятствует лицу в случае пропуска указанных сроков обратиться в суд с иском о возврате из бюджета излишне уплаченной суммы в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства.

В этом случае в отсутствие в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате излишне уплаченных или излишне взысканных таможенных платежей и налогов, такое требование подлежит рассмотрению с применением общих правил исчисления срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ) и продолжительности срока исковой давности в три года (ст. 196 ГК РФ).

Определение № 310-КГ14-8046

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Назначение наказания

1. Совершение преступления организованной группой является квалифицирующим признаком преступления и в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться при назначении наказания.

Непризнание подсудимым своей вины не предусмотрено законом в качестве отягчающего наказание обстоятельства и ссылка на это обстоятельство является нарушением закона.

Согласно приговору Р. (ранее судимый) осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, то есть за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, организованной группой.

Решая вопрос о наказании, суд сослался как на отягчающие обстоятельства на то, что Р. вину не признал и преступление совершил в составе организованной группы.

Между тем согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Кроме того, непризнание подсудимым своей вины не предусмотрено законом в качестве отягчающего наказание обстоятельства и поэтому не может учитываться при его назначении в качестве такового.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключила из приговора указание на совершение Р. преступления организованной группой и непризнание им своей вины как на обстоятельства, отягчающие наказание.

Определение № 20-УД15-1

2. Один лишь факт признания лицом своей вины не может расцениваться в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Активное содействие расследованию преступления состоит в активных действиях виновного, направленных на сотрудничество с органами следствия и совершенных добровольно, а не под давлением имеющихся улик.

По приговору суда К. осужден по пп. «а», «б», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 18 годам лишения свободы, по пп. «в», «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ к 6 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ к 3 годам лишения свободы и по другим статьям УК РФ. На основании чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 24 года.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил изменить приговор ввиду чрезмерной мягкости назначенного К. наказания, полагая, что судом первой инстанции незаконно учтено в качестве смягчающих обстоятельств признание обвиняемым вины на досудебной стадии и активное содействие расследованию преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, мотивировав свое решение следующим.

Как следует из приговора, признавая в соответствии с п. «и» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ смягчающими наказание К. обстоятельствами признание вины на досудебной стадии и активное способствование расследованию преступлений, суд исходил из того, что на начальном этапе предварительного следствия К. заявил о признании своей вины в содеянном и при даче показаний, изложенных в приговоре в качестве доказательств его виновности, добровольно рассказал не только о деталях своих преступных действий, но и объяснил причины, мотивы их совершения, сообщил другие значимые для уголовного дела обстоятельства, что содействовало его расследованию и способствовало соответствующей юридической оценке деяний подсудимого.

Однако с таким выводом суда первой инстанции нельзя согласиться.

По смыслу закона, активное способствование расследованию преступления состоит в активных действиях виновного, направленных на сотрудничество с органами следствия, и может выражаться в том, что он представляет указанным органам информацию об обстоятельствах совершения преступления, дает правдивые и полные показания, способствующие расследованию, представляет органам следствия информацию, до того им неизвестную. При этом данные действия должны быть совершены добровольно, а не под давлением имеющихся улик, направлены на сотрудничество с правоохранительными органами.

По настоящему делу таких обстоятельств не имеется.

Судом первой инстанции в приговоре не приведено убедительных мотивов, по которым он пришел к выводу о том, что К. именно активно, как того требует уголовный закон, способствовал расследованию преступлений.

Как установлено приговором и следует из дела, преступления были совершены 9 февраля 2014 г. в 14 часов 20 минут.

Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству было вынесено 9 февраля 2014 г. в 14 часов 50 минут. На этот момент уже была установлена личность К., и уголовное дело было возбуждено именно в отношении его. В 15 часов был начат осмотр места происшествия, в 16 часов 06 минут произведена выемка видеорегистратора, который полностью запечатлел действия К. в храме.

К. был задержан на основании п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, предусматривающего, что лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него.

При допросах в качестве подозреваемого К. признавал свою вину и давал показания о мотивах совершения им преступлений, заявив, что в содеянном не раскаивается, это его твердые убеждения. В дальнейшем

К. также признал вину, подтвердил ранее данные показания, заявив, что больше не желает говорить, а затем отказался от пояснений.

Какие именно «другие значимые для уголовного дела обстоятельства» сообщил К., «что содействовало его расследованию и способствовало соответствующей юридической оценке деяний подсудимого», судом в приговоре не указано.

Таким образом, с учетом того, что К. совершил преступление в условиях очевидности, был задержан на месте преступления и изобличен совокупностью доказательств: показаниями потерпевших и свидетелей – очевидцев преступления, записями видеорегистратора, файлами, хранившимся в ноутбуке, – вывод суда о том, что он активно способствовал раскрытию преступления, не соответствует требованиям закона.

Вместе с тем при назначении К. наказания судом не в полной мере были учтены положения ст. 6 УК РФ.

К. совершил ряд преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, с использованием оружия, в религиозном сооружении, в отношении значительного числа граждан, двоим из которых он причинил смерть, а двоим тяжкий вред здоровью, в результате его действий были повреждены предметы религиозного культа, представляющие культурную ценность.

В силу изложенного Судебная коллегия пришла к выводу о том, что характер, степень общественной опасности и фактические обстоятельства совершенных К. преступлений, данные о личности К., убежденного в правильности своих действий, свидетельствуют о его исключительной опасности для общества.

Судебная коллегия исключила из приговора указание о признании в качестве смягчающего обстоятельства активного способствования К. расследованию преступлений и усилила ему наказание по пп. «а», «б», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ до пожизненного лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно к отбытию назначила К. пожизненное лишение свободы.

Определение № 64-АП/15-6

III. Процессуальные вопросы

3. Поводом для возбуждения уголовного дела послужило сообщение о совершенном преступлении, поступившее на телефон органа полиции, что не противоречит положениям ст. 140 УПК РФ.

По приговору суда К. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 215-ФЗ), по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ (4 преступления) (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ).

Согласно приговору К. в период с 1 ноября 2006 г. по 31 марта 2010 г. совершил насильственные действия сексуального характера в отношении потерпевшего Г. (1 апреля 1998 года рождения).

В апелляционных жалобах осужденный К. и его адвокаты просили об отмене приговора, указывая, что уголовное дело возбуждено с нарушением закона, поскольку рапорт следователя не мог служить основанием для возбуждения уголовного дела и в силу этого все доказательства, полученные в ходе расследования, являются недопустимыми.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

В соответствии с положениями ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат заявление о преступлении, сообщение о нем и другие обстоятельства.

Согласно материалам уголовного дела поводом для возбуждения уголовного дела 29 января 2014 г., как это видно из рапорта следователя, послужило сообщение гражданки Х. по «телефону доверия» Управления МВД 22 января 2014 г. о совершенном К. преступлении в отношении потерпевшего.

Из протокола допроса свидетеля Х., показания которой оглашены с согласия сторон, следует, что А. рассказала ей о совершении осужденным в отношении потерпевшего действий сексуального характера. Данные сведения она сообщила в Управление внутренних дел города.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела в отношении К. нарушений уголовно-процессуального закона не допущено.

Определение № 48-АПУ15-9

4. В случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, и при наличии ходатайства осужденного приговор, вынесенный заочно, подлежит отмене и судебное разбирательство проводится в обычном порядке.

По приговору суда 3 июля 2012 г. К. осуждена по ч. 3 ст. 33, ч.4 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по ч. 4 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) и по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Судебное разбирательство по уголовному делу в отношении К. проведено в отсутствие подсудимой на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

В кассационной жалобе осужденная К. просила об отмене приговора, поскольку он был постановлен в ее отсутствие.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговора, а дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

В соответствии с чч. 5 и 7 ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

В случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УК РФ, приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяются в порядке, предусмотренном гл. 48 УПК РФ. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке.

Из материалов уголовного дела усматривается, что в связи с тем, что подсудимая К., обвинявшаяся в совершении тяжких преступлений, нарушила ранее избранную ей меру пресечения в виде подписки о невыезде и скрылась от суда, постановлением суда от 5 марта 2008 г. уголовное дело в отношении К. было выделено в отдельное производство.

27 марта 2012 г. постановлением суда возобновлено производство по уголовному делу в отношении К. и назначено предварительное слушание на 9 апреля 2012 г.

Постановлением суда от 9 апреля 2012 г., вынесенным по итогам предварительного слушания, уголовное дело по обвинению К. было назначено к слушанию на 19 апреля 2012 г. Судебное разбирательство по уголовному делу в отношении К., обвинявшейся в совершении тяжких преступлений, проведено в отсутствие подсудимой на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ в связи с ее уклонением от явки в суд.

30 ноября 2012 г. К. была задержана на территории Греческой Республики и в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии УФСИН России по Республике Мордовия.

Исходя из положений ч. 7 ст. 247 УПК РФ приговор, вынесенный в отношении лица заочно, отменяется по ходатайству осужденного или его защитника в том случае, если такое лицо в результате розыска задержано либо прекратило скрываться и добровольно явилось в суд.

Согласно ч. 2 ст. 401¹⁵ УПК РФ устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, при наличии ходатайства осужденного является основанием отмены приговора при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке.

Определение № 19-УД15-18

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Факт расходования денежных средств в налоговом периоде сам по себе не подтверждает получение в этом же периоде дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц, в сумме, равной израсходованным средствам.

Налоговый орган обратился в суд с заявлением о взыскании с Д. недоимки и пени по налогу на доходы физических лиц.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявление налогового органа удовлетворено.

Суд исходил из того, что Д. получил за 2013 год лишь доход от продажи автомобиля и пенсию по инвалидности. Приобретение им в этом же году автомобиля стоимостью свыше 1 000 000 рублей свидетельствует о получении иного дохода, с которого подлежит уплате налог на доходы физического лица, а также пеня в связи с его неуплатой. Непредставление налоговой декларации об указанном доходе является основанием для исчисления налоговым органом дохода Д. расчетным путем в соответствии с положениями ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Кроме того, Д. не представил доказательства, подтверждающие приобретение автомобиля на денежные средства членов его семьи, от продажи продуктов подсобного хозяйства и заемных денежных средств.

С таким выводом согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации обжалуемые судебные акты отменила и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении заявления налогового органа, по следующим основаниям.

В соответствии с положениями ст. 208 и 209 НК РФ объектом налогообложения налога на доходы физических лиц, являющихся

налоговыми резидентами Российской Федерации, признается доход, полученный налогоплательщиками от источников в Российской Федерации и (или) от источников за пределами Российской Федерации.

Как следует из ст. 41 названного кодекса, доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в какой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц» и «Налог на прибыль организаций» данного Кодекса.

Лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица (п. 6 ст. 108 НК РФ).

Основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу (п. 3 ст. 108 НК РФ).

Таким образом, приобретение налогоплательщиком в налоговом периоде имущества подтверждает лишь то, что налогоплательщиком в этом периоде понесены расходы на его приобретение. Факт расходования денежных средств в налоговом периоде сам по себе не подтверждает получение в этом же периоде дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц, в сумме, равной израсходованным средствам.

Следовательно, сумма израсходованных Д. в 2013 году на приобретение автомобиля денежных средств не может рассматриваться в качестве объекта налогообложения по налогу на доходы физических лиц.

Доказательства, подтверждающие факт получения Д. помимо пенсии и задекларированного им дохода от продажи автомобиля каких-либо иных доходов, облагаемых налогом на доходы физических лиц, налоговый орган в суд не представил.

В силу подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе определять суммы налогов, подлежащие уплате налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, расчетным путем на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках в случаях отказа

налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, непредставления в течение более двух месяцев налоговому органу необходимых для расчета налогов документов, отсутствия учета доходов и расходов, учета объектов налогообложения, ведения учета с нарушением установленного порядка, приведшего к невозможности исчислить налоги, или непредставления налогоплательщиком – иностранной организацией, не осуществляющей деятельность на территории Российской Федерации через постоянное представительство, налоговой декларации по налогу на имущество организаций.

Вместе с тем названные в данной норме основания для определения суммы налога расчетным путем ни в заявлении налогового органа при обращении в суд, ни в решении суда об удовлетворении заявления не указаны.

Кроме того, налоговым органом фактически была проведена проверка соблюдения законодательства о налогах и сборах, по результатам которой должен быть составлен акт проверки, подлежащий рассмотрению руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, проводившего проверку, с вынесением соответствующего решения.

Между тем акт проверки и решение должностными лицами налогового органа суду представлены не были, данных, свидетельствующих о том, что такие документы принимались, в материалах дела не имеется.

Таким образом, налоговым органом допущено нарушение процедуры взыскания недоимки и пени, включающей в том числе обжалование принятых по результатам проверки решений.

Учитывая, что судами допущены ошибки в применении и толковании норм материального права, которые повлияли на исход рассмотрения дела, Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявления налогового органа.

Определение № 57-КГ15-8

2. Не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не производятся регистрационные действия с транспортными средствами, имеющими скрытую, поддельную, измененную или уничтоженную идентификационную маркировку, а также транспортными средствами, изготовленными в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного

оборудования, запасных частей и принадлежностей, без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

К. является собственником автомобиля марки ГАЗ (грузовой фургон цельнометаллический) 2011 года выпуска. Данный автомобиль при его эксплуатации был поврежден в результате дорожно-транспортного происшествия, и К. было принято решение о замене кузова. Для этой цели он приобрел кузов автомобиля ГАЗ 2705 «Газель» 2013 года выпуска, который был заменен индивидуальным предпринимателем, имеющим сертификат соответствия на услуги по техническому обслуживанию и ремонту автотранспортных средств.

К. обратился в уполномоченный орган с заявлением о совершении регистрационных действий в связи с изменением регистрационных данных, не связанных с изменением конструкции, однако ему было отказано со ссылкой на то, что не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не производятся регистрационные действия с транспортными средствами, имеющими скрытую, поддельную, измененную или уничтоженную идентификационную маркировку. Указано на невозможность идентифицировать первоначальное транспортное средство, указанное в ПТС и регистрационных документах, так как автомобиль утратил основные элементы базового транспортного средства и получил технические характеристики, схожие с другим транспортным средством, имеющим иной идентификационный номер и иную маркировку кузова.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворено заявление К. о признании незаконными действий уполномоченного органа, выразившихся в аннулировании регистрации автомобиля, введении карточки учета в АБД «Ограничение», введении регистрационных знаков, свидетельства о регистрации и ПТС в АБД «Розыск», а также решения об отказе в совершении регистрационных действий.

Суды исходили из того, что оспариваемые действия препятствуют осуществлению К. правомочий собственника, поскольку замена кузова транспортного средства на аналогичный не является самостоятельной сборкой транспортного средства и относится к капитальному ремонту; внесение изменений в конструкцию транспортного средства не производилось, единичное транспортное средство не создавалось.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила и вынесла

новое решение об отказе в удовлетворении заявления К. по следующим основаниям.

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» определены правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения.

В соответствии с п. 3 ст. 15 данного закона допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов. Регистрация транспортных средств без документа, удостоверяющего его соответствие установленным требованиям безопасности дорожного движения, запрещается.

Таким документом является паспорт транспортного средства, подтверждающий техническую безопасность автомобиля, номерные обозначения узлов и агрегатов которого указаны в этом паспорте.

Порядок регистрации автотранспортных средств в органах ГИБДД установлен Правилами регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации, утвержденными приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001 (далее – Правила).

В соответствии с п. 3 Правил не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не принимаются к производству регистрационных действий транспортные средства, изготовленные в Российской Федерации, в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования, запасных частей и принадлежностей, или ввозимые на ее территорию сроком более чем на шесть месяцев, без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 51 приложения № 1 к Правилам при установлении органом внутренних дел, проводящим проверку, обстоятельств, указанных в п. 3 Правил, регистрация транспортного средства прекращается (аннулируется) регистрационным подразделением по месту регистрации транспортного средства.

Транспортные средства, как правило, имеют несущий кузов или рамную конструкцию, где кузов или рама являются основным элементом базового транспортного средства, соответствие которого требованиям безопасности подтверждается выданным на него паспортом транспортного средства. В результате замены кузова автомобиль утрачивает основные элементы базового транспортного средства, допущенного к участию в дорожном движении, и фактически

получает технические характеристики, схожие с другим транспортным средством.

Соответствие идентификационной маркировки транспортного средства представленным документам устанавливается сотрудником Госавтоинспекции при проведении визуального осмотра транспортного средства в процессе производства регистрационного действия в соответствии с требованиями пп. 39–41 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним, утвержденного приказом МВД России от 7 августа 2013 г. № 605.

Таким образом, кузов автомобиля является основным элементом транспортного средства, на котором нанесен его уникальный идентификационный номер, указываемый в документах на транспортное средство. Приобретение лицом права на транспортное средство не порождает обязанность органов ГИБДД допустить данное транспортное средство к участию в дорожном движении и зарегистрировать его при наличии обстоятельств, препятствующих регистрации транспортных средств.

Поскольку такие обстоятельства в данном случае были установлены, у уполномоченного органа имелись основания для отказа в регистрации принадлежащего К. транспортного средства.

Определение № 19-КГ15-3

3. Решение о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судом.

Территориальным органом Росздравнадзора в ходе внеплановой выездной проверки соблюдения областным наркологическим диспансером законодательства выявлены нарушения Порядка оказания медицинской помощи по профилю «Наркология», утвержденного приказом Министра здравоохранения Российской Федерации от 15 ноября 2012 г. № 929н (далее – Порядок оказания медицинской помощи по профилю «Наркология»), в части штатного обеспечения и материально-технического оснащения, а также Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утвержденного приказом Министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 5 мая 2012 г. № 502н (далее – Порядок создания и деятельности врачебной комиссии), поскольку приказом главного врача областного наркологического диспансера на врачебную комиссию стационара возложена функция принятия решения

о недобровольной госпитализации больного в стационар в соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи). Проверкой установлено, что больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) помещались в стационар в принудительном порядке без судебного решения на длительное время.

Не согласившись с результатами проверки, областной наркологический диспансер обратился в суд.

Решением районного суда заявление об оспаривании акта проверки и предписания территориального органа Росздравнадзора удовлетворено частично. Признаны незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что в нарушение п. 4 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии врачебная комиссия областного наркологического диспансера принимает решение о недобровольной госпитализации пациентов.

При этом суд исходил из того, что принудительная госпитализация лиц, страдающих тяжелыми расстройствами, вызванными употреблением психоактивных веществ, соответствует конституционным целям ограничения прав и свобод граждан, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку в настоящее время процедура госпитализации в наркологический диспансер больного наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией) без его согласия законом не урегулирована. Процедура обращения в суд с соответствующим заявлением для получения судебного решения о принудительной госпитализации требует времени и не может применяться для больных наркоманией (алкоголизмом, токсикоманией), поскольку, как правило, таким лицам требуется немедленное оказание медицинской помощи со стороны врачей-наркологов. В связи с этим принудительная госпитализация больных наркоманией и алкоголизмом по решению врачебной комиссии без получения судебного решения является разумной и законной.

Соглашаясь с такими выводами, суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, признал незаконными акт проверки и предписание в части указания на то, что Порядок оказания медицинской помощи по профилю «Наркология» областным наркологическим диспансером не соблюдается применительно к штатному обеспечению и материально-техническому оснащению. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной

инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Статья 41 Конституции Российской Федерации гарантирует право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что предполагает не только обязанность лечебных учреждений оказывать медицинскую помощь при обращении за ней, но и право граждан свободно принимать решение об обращении за медицинской помощью и о прохождении курса лечения. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в определенных случаях, установленных федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). Одним из таких случаев является наличие у лица тяжелого психического расстройства, представляющего непосредственную опасность для окружающих.

В силу ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или законного представителя допускается судом в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, в случаях и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации.

Статьей 29 Закона о психиатрической помощи определено, что лицо, страдающее психическим расстройством, может быть недобровольно (принудительно) госпитализировано в психиатрический стационар до постановления судьи, если его психиатрическое обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает его непосредственную опасность для себя или окружающих, или его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

В соответствии с ч. 1 ст. 33 Закона о психиатрической помощи вопрос о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке по основаниям, предусмотренным ст. 29 данного закона, решается в суде по месту нахождения медицинской организации.

Часть 2 названной статьи предусматривает, что заявление о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке подается в суд представителем медицинской организации, в которой находится лицо. К заявлению, в котором должны быть указаны предусмотренные законом основания для госпитализации в

медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, прилагается мотивированное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости дальнейшего пребывания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Решение о принудительной госпитализации больного в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судом (ст. 33–35 Закона о психиатрической помощи, ст. 274–280 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Статья 54 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» не устанавливает иной порядок и не предоставляет основания для принудительной госпитализации названных лиц без судебного решения.

Согласно п. 13 Порядка оказания медицинской помощи по профилю «Наркология» бригада скорой медицинской помощи доставляет пациентов с признаками тяжелой интоксикации или психотических расстройств в медицинские организации, оказывающие круглосуточную помощь по профилям «анестезиология и реанимация», «токсикология», «психиатрия» и «наркология».

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает возможности недобровольной госпитализации граждан, страдающих синдромом зависимости от алкоголя, наркотических или токсических средств. Сами по себе такие заболевания, как алкоголизм, наркомания и токсикомания, к категории тяжелых психических расстройств не относятся и не могут служить основанием для принудительной госпитализации. Больные алкоголизмом (наркоманией, токсикоманией) подлежат недобровольной госпитализации только при наличии тяжелого психического расстройства, а не в связи с их нуждаемостью в лечении как таковом.

Недобровольная госпитализация гражданина, страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможна только по решению суда и в случаях, предусмотренных ст. 29 Закона о психиатрической помощи, но не на основании решения врачебной комиссии, которая лишь представляет в суд мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

***Практика применения Кодекса Российской Федерации об
административных правонарушениях***

4. Размер административного штрафа, назначенного в порядке ч.1 ст. 20.25 КоАП РФ, исчисляется исходя из суммы неуплаченного административного штрафа и не может превышать его двукратную величину.

Вступившим в законную силу постановлением должностного лица Управления Федеральной миграционной службы России по Ростовской области от 7 февраля 2014 г. юридическое лицо (общество) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 400 000 рублей.

В установленный срок данный административный штраф обществом не уплачен, отсрочка или рассрочка не предоставлялась, в связи с чем принятыми по настоящему делу постановлением мирового судьи от 26 января 2015 г., оставленным без изменения решением судьи районного суда от 11 марта 2015 г. и постановлением заместителя председателя областного суда от 4 июня 2015 г., общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа в размере 800 000 рублей.

В ходе рассмотрения дела по жалобе, поданной законным представителем общества, в Верховном Суде Российской Федерации установлено, что общество обоснованно привлечено мировым судьей к административной ответственности, установленной ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, вместе с тем судья Верховного Суда Российской Федерации усмотрел основания для изменения состоявшихся по делу судебных актов в части назначенного обществу административного наказания.

В указанной жалобе общество ссылалось на то, что постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ, размер назначенного обществу административного штрафа, за неуплату которого в отношении общества было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, снижен с 400 000 рублей до 200 000 рублей.

В нарушение требований ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ данные доводы общества не получили надлежащей оценки судебных инстанций.

Между тем размер административного штрафа, назначенного в порядке ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, исчисляется исходя из суммы неуплаченного административного штрафа и не может превышать его двукратную величину.

В рассматриваемом случае с учетом изменений, внесенных постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации по другому делу в постановление должностного лица Управления Федеральной миграционной службы России по Ростовской области от 7 февраля 2014 г., неуплаченный обществом административный штраф составляет 200 000 рублей.

При таких обстоятельствах судебные акты, вынесенные в отношении общества по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, были изменены путем снижения назначенного обществу наказания в виде административного штрафа до 400 000 рублей.

Постановление № 41-АД15-9

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Опоздание заявителя из отпуска, обусловленное его личной недисциплинированностью, обоснованно расценено командованием как невыполнение военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы.

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 2 июля 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 16 сентября 2014 г., удовлетворено заявление Д. в той части, в какой он просил признать незаконными приказ командира воинской части от 14 марта 2014 г. в части объявления заявителю дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и приказ от 25 марта 2014 г. в части его досрочного увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава части.

В кассационной жалобе врид командира воинской части указывал на отсутствие заявителя в течение суток на службе в связи с опозданием из отпуска, что является грубым дисциплинарным проступком, ставил вопрос об отмене судебных постановлений и принятии по делу нового решения об отказе в удовлетворении заявления в полном объеме.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению ввиду существенного нарушения судами норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Д. несвоевременно, с опозданием на одни сутки, прибыл из первой части ежегодного основного отпуска за 2014 год, в связи с чем приказом от 14 марта 2014 г. ему объявлено дисциплинарное взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, после чего приказом от 25 марта 2014 г. он был уволен в запас по названному основанию.

В обоснование правомерности требований заявителя суд первой инстанции в решении указал, что командование, которому было известно о проведении заявителем отпуска за пределами места дислокации воинской части, в нарушение требований закона не предоставило ему дополнительные сутки, необходимые для проезда к месту проведения отпуска в город Хабаровск и обратно, а при применении дисциплинарного взыскания не в полной мере соотнесло степень тяжести совершенного заявителем проступка с наложенным взысканием.

Соглашаясь с этими выводами, окружной военный суд также указал, что совершение Д. проступка было обусловлено действиями командования, которое указало в отпускном билете, что в случае проведения отпуска по месту дислокации части заявитель обязан вернуться к месту прохождения военной службы 12 марта 2014 г., чем тот был введен в заблуждение относительно срока явки в воинскую часть с учетом проведения отпуска в городе Хабаровске.

Между тем такие выводы не соответствуют материалам делам и основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что Д., общая продолжительность военной службы которого в 2014 году в льготном исчислении составляла менее 10 лет, проходил военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в рабочем поселке Эльбан Хабаровского края, который на основании приложения № 2 к постановлению Правительства Российской Федерации от 5 июня 2000 г. № 434 отнесен к местности, на территории которой военнослужащим увеличивается продолжительность ежегодного основного отпуска на 10 суток.

Следовательно, с учетом положений п. 5 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», согласно которым военнослужащим при общей продолжительности военной службы в льготном исчислении менее 10 лет

продолжительность основного отпуска устанавливается в размере 30 суток, Д. в 2014 году имел право на отпуск в размере 40 суток.

Согласно п. 5 ст. 11 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» по просьбе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, основной отпуск может быть предоставлен им по частям с предоставлением в этом случае времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, один раз.

Из материалов дела следует, что 10 февраля 2014 г. Д. обратился по команде с рапортом о предоставлении ему первой части ежегодного основного отпуска в количестве 25 суток, который был ему предоставлен по приказу командира воинской части от 17 февраля 2014 г. Поскольку заявитель в рапорте не просил об увеличении отпуска на количество суток, необходимое для проезда к месту его использования и обратно, в отпускном билете было указано, что сутки на дорогу заявителю не предоставляются, а дата возвращения из отпуска установлена 12 марта 2014 г. Между тем из отпуска он прибыл только 13 марта 2014 г., то есть с опозданием на сутки.

Как пояснил в судебном заседании представитель командира воинской части, согласно графику на 2014 год основной отпуск заявителя планировался к предоставлению по частям: первая часть количеством 25 суток и вторая часть – 15 суток, которую тот собирался провести с выездом за пределы Хабаровского края с предоставлением времени на дорогу.

Эти показания Д. в судебном заседании подтвердил, пояснив, что планировал использовать воинские перевозочные документы в другой раз, а в первую часть отпуска поехал на личном автомобиле. При этом он показал, что был осведомлен о том, что право на проезд в отпуск предоставляется только один раз.

Кроме того, из письменных объяснений заявителя, данных им в ходе служебного разбирательства, усматривается, что несвоевременное прибытие из отпуска он объяснил забывчивостью.

При таких данных материалами дела подтверждено, что Д. была предоставлена первая часть отпуска за 2014 год количеством 25 суток без предоставления времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, а опоздание из отпуска обусловлено не действиями командования, а личной недисциплинированностью заявителя.

В связи с этим вывод суда первой инстанции о нарушении прав заявителя на предоставление ему времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно, не основан на законе и материалах дела.

Обоснованность привлечения Д. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного увольнения с военной службы сомнений не вызывает.

Согласно п. 1 ст. 28⁵ Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» при назначении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность.

При этом в соответствии со ст. 52 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, при совершении военнослужащим дисциплинарного проступка командир (начальник) должен учитывать, что применяемое взыскание как мера укрепления воинской дисциплины и воспитания военнослужащих должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины, установленным командиром (начальником) в результате проведенного разбирательства.

Из материалов дела следует, что основанием для досрочного увольнения Д. с военной службы явилось его опоздание из отпуска на одни сутки, что в соответствии с п. 2 ст. 28⁵ Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» по своему характеру относится к грубым дисциплинарным проступкам и указывает на нарушение заявителем условий контракта о прохождении военной службы, которые включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В суде установлено, что принятию решения о привлечении Д. к дисциплинарной ответственности предшествовало разбирательство, в ходе которого было установлено, что причиной опоздания заявителя из отпуска явилась его личная недисциплинированность, обстоятельств, смягчающих его дисциплинарную ответственность, не выявлено. При этом исследовались характеризующие заявителя данные, согласно которым тот после истечения испытательного срока и назначения на вышестоящую должность изменил отношение к службе, стал допускать нарушения регламента служебного времени.

Из изложенного следует, что при применении к Д. дисциплинарного взыскания командир воинской части учел характер

дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность заявителя, отсутствие обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность, как это предусмотрено законом.

При таких данных вывод судов первой и апелляционной инстанций о явном несоответствии примененного к Д. взыскания тяжести совершенного им проступка основан на неправильном толковании закона.

Таким образом, приказы командира воинской части в части объявления заявителю дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, досрочного увольнения с военной службы по указанному основанию и исключения в связи с этим из списков личного состава воинской части являются законными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих решение Хабаровского гарнизонного военного суда от 2 июля 2014 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 16 сентября 2014 г. по заявлению Д. отменила в части удовлетворенных требований и приняла по делу новое решение, которым отказала Д. в удовлетворении заявления в указанной части.

Определение № 208-КГ15-5

2. Проживание военнослужащего в качестве члена семьи в жилом помещении по договору социального найма по установленным нормам указывает на отсутствие оснований для признания его нуждающимся в жилом помещении.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 28 августа 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г., удовлетворено заявление Б. в той части, в какой она просила признать незаконным утвержденное начальником решение жилищной комиссии федерального казенного учреждения «Центр заказчика-застройщика внутренних войск МВД России» (далее – Центр заказчика-застройщика) от 21 июля 2014 г. об отказе в признании заявителя нуждающейся в жилом помещении в г. Москве, на жилищную комиссию возложена обязанность по повторному рассмотрению вопроса о признании заявителя нуждающейся в жилом помещении и в ее пользу с Центра заказчика-застройщика взысканы судебные расходы.

В удовлетворении заявления в части возложения на жилищную комиссию обязанности по принятию Б. на жилищный учет судом отказано.

В кассационной жалобе представитель начальника Центра заказчика-застройщика, указывая на отсутствие предусмотренных ч. 1 ст. 51 ЖК РФ оснований для признания заявителя нуждающейся в жилом помещении ввиду обеспеченности жильем по установленным нормам, просит об отмене судебных постановлений и о принятии по делу нового решения.

Рассмотрев материалы административного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Б. в марте 1991 года вселилась в качестве члена семьи в трехкомнатную квартиру общей площадью жилого помещения 55,8 кв. м, расположенную в г. Химки, мкр-н Сходня, Московской области. Квартира была предоставлена в октябре 1971 года отцу мужа заявителя исполнительным комитетом Химкинского Совета депутатов трудящихся Московской области и в настоящее время в ней проживают помимо Б. ее сын и брат умершего мужа.

В сентябре 1993 года заявитель призвана Химкинским военным комиссариатом на военную службу, которую с декабря 2008 года проходит в Центре заказчика-застройщика, дислоцированном в г. Москве.

В июне 2014 года Б. обратилась в жилищную комиссию Центра заказчика-застройщика с заявлением о признании ее нуждающейся в жилом помещении в г. Москве, однако решением жилищной комиссии от 21 июля 2014 г., утвержденным в тот же день начальником Центра, получила отказ ввиду обеспеченности жильем по установленным нормам.

Признавая отказ незаконным, суды исходили из того, что заявитель по месту военной службы в г. Москве жилым помещением не обеспечена, а вопрос наличия жилья в Московской области подлежит выяснению при предоставлении жилого помещения для постоянного проживания.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно абзацу тринадцатому п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Федеральный закон «О статусе военнослужащих») военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором

федеральным законом предусмотрена военная служба, нуждающимся в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимся в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Постановлением главы муниципального образования «Химкинский район» Московской области от 29 июля 2005 г. № 118 учетная норма площади жилого помещения в г. Химки Московской области установлена в размере 10 кв. м общей площади на одного члена семьи.

Следовательно, заявитель проживает в качестве члена семьи в жилом помещении по договору социального найма по установленным нормам, что указывает на отсутствие оснований для признания ее нуждающейся в жилом помещении.

По данному делу юридически значимым также является установление формы собственности жилищного фонда, в котором проживает заявитель.

Согласно ч. 2 ст. 19 ЖК РФ в зависимости от формы собственности жилищный фонд подразделяется на частный, государственный и муниципальный жилищные фонды, при этом непосредственно государственный жилищный фонд есть совокупность жилых помещений, принадлежащих на праве собственности Российской Федерации (жилищный фонд Российской Федерации), и жилых помещений, принадлежащих на праве собственности субъектам Российской Федерации (жилищный фонд субъектов Российской Федерации).

В соответствии со ст. 6 ЖК РСФСР, действовавшего до 1 марта 2005 г., к государственному жилищному фонду относились жилые помещения, находившиеся в ведении местных Советов народных депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд).

По этой причине в случае получения жилого помещения из государственного жилищного фонда, а до 1 марта 2005 г. – из фонда местных Советов народных депутатов и ведомственного жилищного фонда гражданин считается обеспеченным жильем за счет государства.

Как следует из материалов дела, Б. в качестве члена семьи проживает с марта 1991 года в жилом помещении, полученном от исполнительного комитета Химкинского Совета депутатов трудящихся

Московской области, что указывает на ее обеспеченность жильем за счет государства.

При таких данных заявитель поставила вопрос о предоставлении ей жилого помещения в порядке, установленном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», то есть за счет государства, при обеспеченности жильем из государственного жилищного фонда и без его сдачи, что противоречит положениям п. 5 ст. 15 «О статусе военнослужащих», согласно которому в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

Кроме того, Б. при назначении в декабре 2008 года в Центр заказчика-застройщика в другую местность не переводилась, а осталась проживать в близлежащем от г. Москвы населенном пункте, из которого она ежедневно может прибывать на военную службу без ущерба для исполнения своих служебных обязанностей, боевой готовности и повседневной деятельности Центра заказчика-застройщика.

Таким образом, основания для признания Б. нуждающейся в жилом помещении по договору социального найма по месту военной службы в г. Москве также отсутствуют.

В связи с этим начальник и жилищная комиссия Центра заказчика-застройщика правомерно отказали Б. в признании ее нуждающейся в жилом помещении.

Допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита охраняемых законом публичных интересов, что в силу ст. 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов в части удовлетворенных требований и принятия по делу нового решения об отказе Б. в удовлетворении заявления.

Определение № 201-КГ15-21

3. Жилищная субсидия с поправочным коэффициентом 2,375 устанавливается исключительно гражданам, уволенным с военной службы и не обеспеченным на момент увольнения жилищной субсидией или жилым помещением.

Решением Полярнинского гарнизонного военного суда от 5 декабря 2014 г. удовлетворено заявление А., в котором он просил признать

незаконным предварительное решение начальника отдела жилищного органа об установлении заявителю поправочного коэффициента для расчета жилищной субсидии в размере 2,25 и возложить на него обязанность по установлению названного коэффициента в размере 2,375.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 4 февраля 2015 г. решение отменено и по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе А., утверждая об отнесении его в силу закона к категории граждан, которым поправочный коэффициент при расчете жилищной субсидии подлежит установлению в размере 2,375, что не было учтено флотским военным судом, просит апелляционное определение отменить, оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия не нашла оснований для удовлетворения жалобы по следующим основаниям.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений судом апелляционной инстанции не допущено.

Из материалов дела следует, что А., на весь период военной службы обеспечиваемый служебным жилым помещением и имеющий общую продолжительность военной службы более 16 лет, в связи с увольнением с военной службы по состоянию здоровья обратился к начальнику отдела жилищного органа с заявлением об обеспечении его жилищной субсидией. Одновременно в рапорте и в ходе беседы заявитель просил не увольнять его с военной службы до обеспечения названной субсидией.

Предварительным решением от 27 ноября 2014 г. размер жилищной субсидии был рассчитан А. с применением поправочного коэффициента 2,25.

Полагая, что при расчете субсидии ему должен быть установлен поправочный коэффициент 2,375, А. оспорил названное решение в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, гарнизонный военный суд в решении указал, что, по смыслу закона, при увольнении военнослужащих по состоянию здоровья, имеющих календарную выслугу 10 лет и более, не обеспеченных жильем по месту военной службы и возражавших в связи с этим против увольнения, выплата жилищной субсидии осуществляется

до издания приказа об их увольнении с военной службы с поправочным коэффициентом 2,375.

Отменяя решение и принимая новое об отказе в удовлетворении заявления, флотский военный суд свое решение обосновал тем, что жилищная субсидия с поправочным коэффициентом 2,375 устанавливается исключительно гражданам, уволенным с военной службы и не обеспеченным на момент увольнения жилищной субсидией или жилым помещением.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на правильном толковании закона.

Право на жилищную субсидию установлено Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Федеральный закон «О статусе военнослужащих»), согласно пп. 1, 16 ст. 15 которого государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений, в том числе жилищной субсидии, либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, которые установлены названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Применительно к жилищной субсидии утверждение порядка ее расчета в силу п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» возложено на Правительство Российской Федерации.

Во исполнение предписаний закона Правительство Российской Федерации постановлением от 3 февраля 2014 г. № 76 утвердило Правила расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (далее – Правила).

Согласно п. 2 Правил расчет субсидии осуществляется федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, с применением поправочного коэффициента с учетом общей продолжительности военной службы (далее – поправочный коэффициент), устанавливаемого в соответствии с пп. 7 – 9 Правил.

Пункт 7 Правил, как следует из его содержания, устанавливает размеры поправочных коэффициентов военнослужащим, проходящим военную службу, в том числе при ее общей продолжительности от 16 до 20 лет, то есть для категории военнослужащих, к которой относится заявитель.

При этом увеличение поправочного коэффициента до 2,375 в силу п. 9 Правил производится лицам, общая продолжительность военной службы которых составляет от 10 лет до 20 лет и которые указаны в п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

К таким лицам в соответствии с п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» относятся граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что нахождение перечисленных в ней лиц на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы ясно и недвусмысленно определяет их правовой статус как лиц, уволенных с военной службы.

Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Таким образом, А. в период прохождения военной службы не вправе претендовать на получение жилищной субсидии с поправочным коэффициентом до 2,375.

Иное толкование п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», как обоснованно указал флотский военный суд, делает неприменимыми положения п. 7 Правил.

В связи с изложенным суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что право А. на жилищную субсидию с установленным в предварительном решении начальника отдела жилищного органа от 27 ноября 2014 г. поправочным коэффициентом 2,25 нарушено не было, в связи с чем правомерно отказал в удовлетворении его заявления, отменив решение гарнизонного военного суда.

Определение № 210-КГ15-4

4. Надбавка за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением, установлена для тех воинских должностных лиц, исполнение

обязанностей которых связано с руководством подразделениями на постоянной основе.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 26 ноября 2014 г. отменено решение Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 11 июня 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления командира вертолета Ш., в котором он просил обязать командира воинской части представить в финансовый орган сведения для установления и выплаты ему с 1 января 2012 г. ежемесячной надбавки за особые условия службы – за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением (далее – надбавка за командование). По делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе представитель командира воинской части, указывая на то, что в силу закона надбавка за командование устанавливается дифференцированно в зависимости от нахождения у соответствующих категорий командиров в подчинении определенного количества военнослужащих на постоянной основе, просил об отмене апелляционного определения и оставлении в силе решения гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое решение об удовлетворении заявления, указал, что правовые основания для установления Ш. надбавки за командование определены законодательными и нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и Министра обороны Российской Федерации, а в его подчинении находятся трое военнослужащих, входящих в состав экипажа вертолета.

Этот вывод основан на неправильном применении норм материального права.

Согласно п. 32 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы определяются Правительством Российской Федерации в зависимости от условий прохождения военной службы соответствующими категориями военнослужащих.

Во исполнение предписаний закона Правительство Российской Федерации постановлением от 21 декабря 2011 г. № 1073 утвердило Правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной

службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, согласно подп. «г» п. 3 которых надбавка за командование выплачивается военнослужащим, проходящим военную службу на воинских должностях руководителей, командиров (начальников) воинских частей, учреждений и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и их структурных подразделений, а также на воинских должностях, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями.

Аналогичные положения закреплены в подп. «д» п. 53 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 (далее – Порядок).

Содержание названных правовых норм указывает на то, что надбавка за командование установлена для тех воинских должностных лиц, исполнение обязанностей которых связано с руководством подразделениями на постоянной основе.

Между тем из материалов дела следует, что заявитель, проходящий военную службу с 1 декабря 2010 г. в воинской должности командира вертолета, личного состава в подчинении не имеет.

Это обстоятельство сомнений в своей достоверности не вызывает, поскольку подтверждено исследованными в судебном заседании выпиской из штатно-должностной книги и справкой воинской части.

Нахождение в подчинении заявителя состава экипажа вертолета в период выполнения полетов не может служить основанием для выплаты надбавки за командование, поскольку такое руководство обусловлено выполнением полетного задания по плану боевой подготовки и организацией постоянного дежурства расчетов службы оперативных дежурных на командном пункте.

Кроме того, в соответствии с полномочиями, установленными подп. 44 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Министр обороны Российской Федерации утверждает перечни должностей военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил, осуществляющих отдельные виды деятельности, участие в которых дает право на получение социальной поддержки в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Применительно к надбавке за командование такой перечень установлен Министром обороны Российской Федерации в приказе от

2 июня 2014 г. № 391, которым были внесены изменения в Порядок, а ранее – Указаниями, утвержденными 27 декабря 2013 г. № 205/2/721дсп. В Указаниях и Порядке должность командира вертолета отсутствует.

При таких данных, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, оснований для выплаты Ш. ежемесячной надбавки за особые условия военной службы – за исполнение обязанностей по воинской должности, которая связана с руководством подразделением, не имеется.

В связи с изложенным вывод гарнизонного военного суда о правомерности отказа заявителю в выплате надбавки за командование соответствует обстоятельствам дела и основан на правильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 26 ноября 2014 г. и оставила в силе решение Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 11 июня 2014 г. по заявлению Ш.

Определение № 205-КГ15-13

По уголовным делам

5. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 14 апреля 2015 г. с участием присяжных заседателей Х. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 30 и ст. 295, ч. 3 ст. 222 УК РФ, в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за его непричастностью к совершению данных преступлений, а также оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ст. 317 УК РФ, в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за неустановлением события преступления.

Рассмотрев материалы дела по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор отменила в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства, приведя в обоснование следующие доводы.

Согласно ч. 1 ст. 389²⁵ УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов.

Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определены ст. 335 УПК РФ, в соответствии с требованиями которой в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается исследовать данные, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей, обсуждать вопросы, связанные с применением права, либо вопросы процессуального характера, в том числе о недопустимости доказательств, нарушении УПК РФ при получении доказательств, их истребовании, вызове дополнительных свидетелей, о якобы оказанном давлении во время предварительного следствия и т.п., задавать наводящие вопросы, в какой-либо форме оценивать доказательства во время судебного следствия, выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных лиц, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу, ссылаться в обоснование своей позиции на не исследованные в присутствии присяжных заседателей или недопустимые доказательства и др.

С учетом данных требований закона, а также положений ст. 73, 243 и 252 УПК РФ председательствующий должен обеспечить проведение судебного разбирательства только в пределах предъявленного подсудимому обвинения, принимать необходимые меры, исключающие возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами, а также возможность исследования вопросов, не входящих в их компетенцию, и своевременно реагировать на нарушения порядка в судебном заседании участниками процесса, принимать к ним меры воздействия, предусмотренные ст. 258 УПК РФ.

Прения сторон в суде с участием присяжных заседателей проводятся в соответствии со ст. 292 и 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела по данной форме судопроизводства и лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными

заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей.

Обеспечение соблюдения процедуры прений сторон возложено на председательствующего судью.

Ввиду этого в случае, если сторона в обоснование своей позиции ссылается на обстоятельства, которые подлежат разрешению после провозглашения вердикта, либо на доказательства, признанные недопустимыми или не исследованные в судебном заседании, судья, в соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ, должен остановить такого участника процесса и разъяснить присяжным заседателям, что они не должны принимать во внимание данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Такое же разъяснение председательствующий судья должен сделать и при произнесении напутственного слова, излагая позиции сторон.

Между тем эти требования закона при рассмотрении данного уголовного дела не были соблюдены.

Из протокола судебного заседания усматривается, что в ходе судебного разбирательства, прений сторон, при произнесении реплик, последнего слова подсудимого и напутственного слова председательствующего подсудимым Х. и его защитником систематически допускались нарушения требований ст. 252, 335, 336 УПК РФ, на что председательствующий не всегда реагировал, а в некоторых случаях позволял стороне защиты выходить за рамки закона.

Так, в ходе судебного разбирательства Х. в присутствии присяжных заседателей неоднократно заявлял о том, что доказательства в отношении его сфабриковали сотрудники правоохранительных органов и предварительного следствия.

При допросе в судебном заседании ранее осужденных и отбывающих наказание участников преступного сообщества «Вилайт Галгайче» Д.З., Д.Ю., Д.У., а также оглашении показаний Д.Ю. и исследовании стенограмм телефонных разговоров Х. с различными лицами подсудимый, вопреки требованиям закона, в присутствии присяжных заседателей доводил до их сведения, в том числе путем выкриков с места недопустимых фраз, свое мнение относительно правдивости показаний данных лиц и представленных присяжным доказательств, заявлял о том, что показания свидетели дали под пытками, требовал не осквернять имя его убитого брата, в некорректной форме пытался выяснить у председательствующего судьи процедуру допроса свидетеля Д., высказывался о том, что оглашенные государственным обвинителем стенограммы его телефонных разговоров с различными абонентами являются «враньем следствия», а следствие не

все разговоры им представило, в связи с чем председательствующим в порядке ст. 258 УПК РФ ему объявлялись замечания и он предупреждался о недопустимости нарушений закона.

Несмотря на неоднократность имевших место нарушений закона, подсудимый во время своего допроса и исследования признанных полученными с соблюдением требований УПК РФ доказательств в присутствии присяжных заседателей вновь допустил высказывания, порочащие доказательства по делу: что он хотел «остановить беспредел»; допрошенные по делу и ранее осужденные соучастники инкриминируемых ему преступлений его оговорили под воздействием сотрудников правоохранительных органов; во время задержания ему надели пакет на голову и сделали какой-то укол, от чего он потерял сознание и очнулся через полтора часа уже в г. Владикавказе, а потому обнаруженные у него пистолет с глушителем и мобильный телефон ему «подсунули» сотрудники правоохранительных органов, когда он был без сознания; они же вырвали у него клочок волос и положили их в карту г. Владикавказа, чтобы сфабриковать доказательства; записную книжку и другие изъятые в его доме предметы и документы, в том числе самодельное взрывное устройство в виде «пояса смертника», ему подкинули сотрудники правоохранительных органов. Также подсудимый допускал выкрики с места и доводил до сведения присяжных заседателей информацию, не входящую в их компетенцию.

Однако на допущенные со стороны подсудимого нарушения закона председательствующий не всегда реагировал, что, как справедливо указано в апелляционном представлении, оказало незаконное воздействие на присяжных заседателей и в дальнейшем на формирование их мнения по предложенным вопросам.

Во время допроса в присутствии присяжных заседателей свидетеля Ц. подсудимый комментировал показания свидетеля, высказывая сомнения в их правдивости, а также допускал выкрики с места: «Война и взрывы будут всегда, так как государство поддерживает несправедливость...», пререкался с председательствующим, на что председательствующий в очередной раз ограничился только замечанием подсудимому и разъяснением о недопустимости такого поведения.

В свою очередь, адвокат подсудимого во время исследования признанных судом допустимых доказательств в присутствии присяжных заседателей высказывал сомнения относительно представляемых доказательств, пытаясь их опорочить, когда заявил о том, что в протоколе обыска от 8 февраля 2013 г. по месту жительства Х. отсутствует слово «опечатано», которое является «выдумкой прокурора», в связи с чем председательствующий вынужден был разъяснить присяжным заседателям, что они не должны принимать во

внимание эти заявления защитника, а также предупредил защитника о недопустимости такого поведения в суде с участием присяжных заседателей.

Во время допроса свидетелей Х.М. и Х.И., которые не являлись подсудимыми по настоящему уголовному делу, адвокат поставил перед первым вопросы о его причастности к поджогу кафе «Тушоле» и являлся ли он членом организованной вооруженной группы «Магас», а перед вторым – вопросы относительно его роли в вовлечении Х. в преступное сообщество «Вилайят Галгайче» и давал ли свидетель указания подсудимому на поджог кафе «Тушоле».

В нарушение требований ст. 252, 334, чч. 7 и 8 ст. 335 УПК РФ защитник во время допроса свидетеля Х.И. и подсудимого Х.Я. в присутствии присяжных заседателей выяснял у свидетеля вопрос о наличии личного бизнеса у подсудимого и что тот строил, а у подсудимого – давал ли тот деньги Х.В. на обучение в Египте, хотя эти обстоятельства не входили в предмет доказывания по делу, на что председательствующий реагировал несвоевременно и не всегда снимал с обсуждения заданные вопросы, а поначалу лишь ограничился разъяснениями: присяжным заседателям – чтобы те не принимали во внимание ответы свидетеля, адвокату – о недопустимости выяснения данных обстоятельств.

Кроме того, защитник в присутствии присяжных заседателей допускал выкрики с места, комментируя действия председательствующего, в связи с чем председательствующим за допущенные со стороны защитника нарушения порядка судебного заседания и нетактичное поведение объявлялись предупреждения.

Имели место нарушения закона со стороны подсудимого и его защитника и в ходе выступления в прениях.

Так, вопреки требованиям законодательства, предъявляемым к содержанию и порядку выступления в прениях в суде с участием присяжных заседателей, адвокат в ходе своего выступления в присутствии присяжных заседателей приводил нормы права, процессуальные документы и доказательства, оценка которых не входила в полномочия присяжных заседателей и которые не исследовались с их участием, ставил под сомнение допустимость доказательств, представленных присяжным заседателям, обсуждал вопросы процедуры предварительного следствия, анализировал положения ст. 167 УК РФ, которая не вменялась его подзащитному, утверждая, что следствие не считает преступным и уголовно наказуемым поджог кафе «Тушоле», поэтому прекратило уголовное дело; заявлял о том, что это «...следствие взяло и вооружило таким оружием» Х.; присяжным заседателям демонстрировали не тот телефон,

который был обнаружен 8 февраля 2013 г. у Х. под матрасом в его доме; по делу не провели почерковедческую экспертизу относительно авторства рукописных записей, обнаруженных в домовладении Х.; записка, обнаруженная в домовладении у Д.Ю., написана не им и не Х.; анализировал обстоятельства уголовного дела в отношении Д.Ю., не являющегося подсудимым по данному делу; ставил под сомнение происхождение обнаруженных в доме Х. карты г. Владикавказа с маршрутами движения сотрудников конвойного подразделения, листов формата А4 с печатными и рукописными записями, блокнотов с записями, фотографий и других предметов, признанных вещественными доказательствами по делу, утверждая, что государственное обвинение наряду с названными вещественными доказательствами не предъявило присяжным заседателям сведения о биллинговых соединениях, в связи с чем председательствующий неоднократно останавливал защитника и разъяснял ему вопрос о недопустимости нарушений закона, а также доводил до сведения присяжных заседателей, что они не должны учитывать приведенные обстоятельства при вынесении вердикта.

Пороча исследованные доказательства по делу и нарушая требования законодательства, защитник в ходе выступления в прениях затрагивал вопросы процессуального характера, когда анализировал представленный присяжным заседателям телефон и полученные в ходе его исследования доказательства, упоминал о наличии запроса следователя в ОАО «Мегафон» от 18 февраля 2013 г. и ответа на него, которые присяжным заседателям не предъявлялись, фактически сформулировав вывод о том, что предметом исследования на предварительном следствии являлся телефон, не принадлежащий Х. и изъятый у него в ходе обыска, а принадлежащий другому лицу, в котором и были обнаружены видеофайлы наблюдения за маршрутом передвижения сотрудников конвойного подразделения, осуществлявших конвоирование Х.И. и других обвиняемых, а также съемки верховных судов Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия – Алания.

В нарушение требований ч. 8 ст. 335 и ст. 336 УПК РФ защитник в своем выступлении приводил также данные о личности подсудимого, которые не входили в предмет доказывания по делу и не являлись необходимыми для установления отдельных признаков инкриминируемых ему преступлений.

Однако на эти нарушения председательствующий не отреагировал, тем самым позволив стороне защиты довести до сведения присяжных заседателей недопустимую информацию и заронить в них сомнения относительно законности получения доказательств по делу.

Кроме того, защитник, обращаясь к присяжным заседателям, заявил: «Вы, присяжные заседатели, пистолет, изъятый 8 февраля 2013 г.

у Х., не видели, так как он не был представлен государственным обвинителем как вещественное доказательство», - а когда председательствующий остановил защитника и предупредил его о недопустимости упоминания доказательств, которые с участием присяжных заседателей не исследовались, адвокат повышенным тоном высказался о необходимости возобновления судебного следствия и исследования пистолета.

Но и после очередного предупреждения председательствующего о недопустимости обсуждения процессуальных вопросов в прениях адвокат стал приводить размерные характеристики изъятого у Х. пистолета, после чего сформулировал вывод о том, что с таким пистолетом, помещенным за пояс брюк, невозможно управлять автомобилем, хотя какого-либо следственного действия, подтверждающего или опровергающего эти доводы защитника, в том числе следственного эксперимента, по делу не проводилось и доказательств этому присяжным заседателям не демонстрировалось.

Игнорируя требования законодательства и неоднократные разъяснения председательствующего о недопустимости нарушений закона в присутствии присяжных заседателей, защитник в ходе своего выступления, пороча исследованные с их участием доказательства и тем самым оказывая незаконное воздействие на присяжных заседателей, неоднократно предлагал им самим сделать выводы о том, как у Х. при себе, в его автомобиле и дома соответственно оказались пистолет, взрывчатое вещество, карта, рукописные записи, «пояс смертника» и принадлежат ли они ему, если он в момент задержания находился в бессознательном состоянии, и что все обвинение Х. основано только на домыслах государственного обвинителя; а в реплике заявил, что «...обвинение как хотело вывернуть показания Л., так их и построило...», высказав в очередной раз сомнение в законности изъятия у Х. пистолета.

В свою очередь, Х. в ходе выступления в прениях, в нарушение требований ст. 292 и 336 УПК РФ, анализировал общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, а также допускал непозволительные высказывания, в том числе повышенным тоном: «...следствию и обвинению проще что-нибудь подкинуть и очернить человека»; что у него «...главное в этой жизни – быть верующим человеком»; пистолет ему «подсунули»; «...в Республике Ингушетия идет дешевый беспредел»; данное дело имеет политическую подоплеку, поскольку его преследуют из-за старшего брата Х.С., который являлся оппозиционером и который ни в чем не виноват; что М. его оговорил, так как его заставил начальник; что шариатский суд лучше разбирается в конфликтных ситуациях; Л., Х.В. и Д.А. почему-то не ответили за дачу

выгодных следствию заведомо ложных показаний; за свои 45 лет он ни одного человека «...пальцем не тронул»; «...в Республике Ингушетия принято, когда большой отряд забегает в дом и всю семью выгоняют на улицу, когда производят обыск»; а в реплике заявил, что следствие просило его «взять на себя пистолет, а все, что у брата нашли дома, сказать, что это его вещи», обещая выпустить его после проведения Олимпиады, в связи с чем председательствующий вынужден был неоднократно его останавливать и предупреждать о недопустимости такого рода высказываний, а также доводить до сведения присяжных заседателей, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Однако подсудимый Х. не внял этим разъяснениям председательствующего и в своем последнем слове в присутствии присяжных заседателей в очередной раз заявил, что уголовное дело в отношении его «придумано обвинением», чтобы остановить брата и его оговорить, что его усыпили с помощью укола, привезли в изолятор временного содержания, где пытали, а при произнесении председательствующим напутственного слова допускал выкрики с места.

Несмотря на многочисленные и систематические нарушения требований законодательства и порядка в судебном заседании, допущенные подсудимым и его защитником в присутствии присяжных заседателей, председательствующий не принял к ним всех предусмотренных ст. 258 УПК РФ мер воздействия, исключаящих возможность ознакомления присяжных заседателей с недопустимыми доказательствами и обсуждения вопросов, не входящих в их компетенцию, ограничившись лишь прерыванием речи подсудимого и его защитника уже после того, как они довели до сведения присяжных заседателей недозволенную информацию.

Таким образом, приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что, хотя председательствующий в большинстве случаев неоднократно прерывал речь адвоката и его подзащитного Х. и призывал присяжных заседателей не принимать во внимание высказывания стороны защиты, однако из-за множества нарушений, допущенных Х. и его защитником в судебном заседании, которые Судебная коллегия признает существенными, на присяжных заседателей было оказано незаконное воздействие, которое, как справедливо утверждается в апелляционном представлении, повлияло на формирование мнения присяжных заседателей, их беспристрастность и отразилось на содержании ответов на поставленные перед ними вопросы при вынесении вердикта, который не может быть признан законным, объективным и справедливым.

Обоснованным является утверждение автора апелляционного представления о несоответствии напутственного слова председательствующего требованиям ст. 340 УПК РФ, поскольку в приобщенном к материалам дела письменном тексте данного напутственного слова отсутствует изложение позиции защиты по делу, разъяснение присяжным заседателям, какие из обстоятельств, доведенных до их сведения в нарушение требований уголовно-процессуального закона, они не должны учитывать при вынесении вердикта, а также не разъяснено право на отдых присяжных, предусмотренное ч. 3 ст. 341 УПК РФ, и порядок внесения поправок и исправлений в вопросный лист в случае их наличия.

По этим причинам в связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона оправдательный приговор подлежит отмене, а дело – направлению на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства.

Определение № 205-АПУ15-4сп

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи несоизмеренно совершенным судьей нарушениям.

Решением квалификационной коллегии судей Курганской области представление исполняющего обязанности председателя Курганского областного суда и постановление совета судей Курганской области удовлетворены. Судья районного суда Курганской области Р. за совершение дисциплинарного проступка привлечена к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением седьмого квалификационного класса.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей, Дисциплинарная коллегия в решении отметила, что дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников

процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П указал, что взаимосвязанные положения пп.1 и 2 ст. 3, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 12¹ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за сам факт принятия незаконного и необоснованного судебного акта, если оно обусловлено судебной ошибкой, явившейся следствием в том числе неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения нормы права, и если допущенные судьей нарушения закона не носят систематического характера, не обусловлены намеренным отступлением от общепризнанных морально-этических норм и не дискредитируют судебную власть.

Досрочное прекращение полномочий судьи как наиболее суровая мера дисциплинарной ответственности, влекущая значительные негативные последствия для судьи, который лишается всех гарантий, связанных со статусом судьи, включая полагающееся ему при удалении в отставку ежемесячное пожизненное содержание, может иметь место в тех случаях, когда исчерпаны все иные средства воздействия на судью, направленные на предупреждение дальнейших нарушений с его стороны, либо когда допущенное судьей нарушение подрывает доверие к судебной власти и не дает оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение им обязанностей судьи в будущем. Соответственно, такая санкция, как предупреждение, призванная оказывать дисциплинирующее воздействие на судью с целью сохранения баланса между ответственностью судей и их несменяемостью и обеспечением стабильности судейского корпуса, позволяет использовать досрочное прекращение полномочий судьи лишь в качестве исключительной меры воздействия.

Квалификационной коллегией судей Курганской области дисциплинарным проступком, послужившим основанием для наложения на Р. дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, признаны следующие нарушения:

вручение копии приговора осужденным Щ. и Щ. с нарушением установленного ст. 312 УПК РФ срока, а также передача уголовного дела в отношении Щ. и Щ. в отдел судебного делопроизводства с нарушением установленных сроков;

изготовление определения об оставлении искового заявления М. без движения с нарушением срока, установленного ст. 134 ГПК РФ;

необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины при подаче исковых заявлений и необоснованное возвращение в связи с этим исковых заявлений;

предоставление недостаточного срока для устранения недостатков при подаче исковых заявлений В. и Е.;

изготовление противоречивых судебных решений по гражданскому делу по иску Б. к Б. об определении места жительства ребенка в части немедленного исполнения решения, в связи с чем Б. необоснованно привлекался к административной ответственности;

необоснованная отмена постановления мирового судьи о привлечении Л. к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ в связи с истечением срока давности.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что в данном случае имело место грубое, систематическое и сознательное несоблюдение судьей Р. процессуальных и материальных норм права, сделан без учета обстоятельств и характера совершенных нарушений, их последствий, степени нарушения прав и свобод граждан, является необоснованным.

Дисциплинарная коллегия в решении также отметила, что действительно судьей Р. в отношении Щ. и Щ. вынесен обвинительный приговор 15 июня 2015 г., копия которого вручена осужденным, находящимся под стражей, с нарушением положений ст. 312 УПК РФ 30 июня 2015 г. При этом квалификационной коллегией не учтено, что нарушение срока вручения копии приговора является незначительным (восемь суток), с учетом положений ч. 2 ст. 128 УПК РФ копия приговора должна быть вручена не позднее 22 июня 2015 г. Установив, что Р., в нарушение требований Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, передала уголовное дело в отношении Щ. в отдел делопроизводства суда 10 июля 2015 г., квалификационная коллегия не отметила, что при этом были нарушены права осужденных или других лиц.

Указав, что определение об оставлении искового заявления М. без движения с предложением в срок до 1 июля 2015 г. устранить недостатки изготовлено судьей Р. 22 июня 2015 г., то есть с нарушением установленного законом срока, квалификационная коллегия оставила

без внимания то обстоятельство, что М. в указанный в определении срок, то есть до 1 июля 2015 г., недостатки были устранены и исковое заявление принято к производству суда.

Вынесение судьей Р. определений об отказе в удовлетворении ходатайств В. и К. о снижении размера государственной пошлины и определений о возврате исковых заявлений указанным лицам не противоречит нормам гражданского процессуального закона. Они вынесены в пределах судейского усмотрения, мотивы принятых решений в них изложены.

Тот факт, что названные определения отменены судом апелляционной инстанции в связи с иной оценкой обстоятельств, имеющих значение для дела, не может служить основанием для вывода о совершении судьей дисциплинарного проступка.

Что касается определений об оставлении исковых заявлений В. и Е. без движения и о предоставлении срока для устранения недостатков, то они также вынесены в пределах судейского усмотрения. Доводы Р. о том, что она при вынесении определений считала предоставленные сроки разумными с учетом места жительства заявителей, характера недостатков, подлежащих устранению, а сроки пересылки нарушены не по ее вине, не опровергнуты.

По гражданскому делу по иску Б. к Б. об определении места жительства ребенка по окончании рассмотрения дела была изготовлена резолютивная часть судебного решения, в которой указано на обращение решения к немедленному исполнению. В материалах гражданского дела имеется мотивированное судебное решение, где содержится аналогичная запись о немедленном исполнении решения. В то же время к материалам дисциплинарного производства приобщена копия судебного решения, в которой нет указания об этом. Как пояснила Р., это произошло в результате технической ошибки, которая была исправлена в тот же день.

Таким образом, при отправлении правосудия Р. действительно допускались случаи неправильного применения и нарушения норм материального и процессуального права, однако они были единичными, не носили системного характера.

Наличие приведенных судебных ошибок и других нарушений норм права, не относящихся к грубым, не свидетельствует о пренебрежительном отношении судьи Р. к своим должностным обязанностям и о невозможности осуществления ею полномочий судьи в дальнейшем.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что судьей Р. совершен дисциплинарный проступок, влекущий применение

исключительной меры воздействия в виде досрочного прекращения полномочий судьи, обоснованным признать нельзя.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи в данном случае несоразмерно совершенным судьей Р. нарушениям.

С учетом приведенных обстоятельств Дисциплинарная коллегия пришла к выводу о том, что применение дисциплинарного взыскания в отношении Р. в виде досрочного прекращения полномочий судьи является необоснованным. В связи с этим решение квалификационной коллегии судей Курганской области подлежит отмене.

Решение № ДК15-62

2. Полномочия действующего судьи могут быть досрочно прекращены лишь за совершение дисциплинарного проступка, который носит исключительный характер.

Указом Президента Российской Федерации П. назначена на должность судьи Верховного Суда Республики Хакасия без ограничения срока полномочий, ей был присвоен четвертый квалификационный класс судьи.

С представлением о досрочном прекращении полномочий судьи в квалификационную коллегию судей обратился и.о. председателя Верховного Суда Республики Хакасия Д.

Поводом для внесения представления явилась справка Верховного Суда Республики Хакасия о проведенной служебной проверке по жалобам Р., поступившим председателю Верховного Суда Республики Хакасия и в квалификационную коллегию судей Республики Хакасия.

В обоснование своей просьбы автор представления сослался на то, что при рассмотрении апелляционной жалобы Р. в составе судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия в нарушение положений п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ участвовала судья П. Она должна была заявить самоотвод по той причине, что одной из сторон в гражданском деле было ЗАО «С», учредителем которого был отец Ч., с которым судья П. на период рассмотрения апелляционной жалобы состояла в зарегистрированном браке.

Кроме того, в представлении указано, что Ч. (свекор) был руководителем первичной профсоюзной организации АОЗТ «С».

По мнению и.о. председателя Верховного Суда Республики Хакасия Д., при указанных выше обстоятельствах гражданское дело в апелляционной инстанции было рассмотрено незаконным составом суда.

Квалификационная коллегия судей пришла к выводу, что изложенные выше доводы представления нашли свое подтверждение, они свидетельствуют о совершении судьей П. дисциплинарного проступка.

При этом квалификационная коллегия судей указала, что допущенные судьей П. нарушения закона являются грубыми, они подтверждены постановлением президиума Верховного Суда Республики Хакасия и свидетельствуют о ее небрежности при осуществлении правосудия, пренебрежительном отношении к своим служебным обязанностям.

При наложении на П. данного вида дисциплинарного взыскания квалификационная коллегия судей наряду с тяжестью дисциплинарного проступка учла данные, характеризующие судью П., в том числе осуждение ее родного брата П. по приговору городского суда и работу ее мужа Ч. и отца Ч. в коммерческих структурах.

В жалобе П. просила отменить решение квалификационной коллегии судей, полагая, что оно является незаконным и необоснованным.

По ее мнению, квалификационная коллегия судей Республики Хакасия неправомерно пришла к выводу, что при рассмотрении апелляционной жалобы она должна была заявить самоотвод.

В то же время она указала на отсутствие у нее осведомленности о том, что на период рассмотрения гражданского дела в апелляционной инстанции судом, в составе которого она принимала участие, Ч. (свекор) был соучредителем ЗАО «С», которое было лицом, участвующим в гражданском деле, и руководителем юридического лица – первичной профсоюзной организации АОЗТ «С».

Эти обстоятельства стали ей известны после рассмотрения гражданского дела в апелляционной инстанции в ходе проведенной в отношении нее служебной проверки.

Когда она участвовала в составе суда апелляционной инстанции, ей достоверно было известно лишь о том, что Ч. (свекор) работал в ЗАО «С» до 2003 года. Впоследствии он продолжил работать в ООО «У». Последнее обстоятельство и участие ее мужа Ч. в коммерческих структурах она указала в анкетах, заполненных ею в 2010 и 2011 годах, когда решался вопрос о назначении ее на должность судьи городского суда и судьи Верховного Суда Республики соответственно.

П. в жалобе сослалась также на то, что у нее нет никаких взаимоотношений с осужденным братом.

Отменяя решение квалификационной коллегии, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в своем решении указала, что нельзя согласиться с доводами, на которые в решении

ссылается квалификационная коллегия судей Республики Хакасия в обоснование вывода о совершении судьей П. дисциплинарного проступка. В решении указано, что при рассмотрении гражданского дела в апелляционной инстанции она должна была заявить самоотвод в силу требований п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, так как Ч. (свекор) был соучредителем ЗАО «С», которое было лицом, участвующим в гражданском деле. При этом квалификационная коллегия судей Республики Хакасия не приняла во внимание доводы П. о том, что она не знала о наличии акций у Ч. (свекор) в ЗАО «С» и о его работе в профсоюзной организации в настоящее время.

По мнению квалификационной коллегии судей Республики Хакасия, судья П. должна была принять разумные меры в целях получения информации об имуществе и материальных интересах членов своей семьи в соответствии с положениями части 4 статьи 6 Кодекса судейской этики. Дисциплинарная коллегия считает несостоятельным данный вывод.

Согласно статье 3 Кодекса судейской этики к членам семьи судьи относятся супруг, супруга, родители, дети, любой другой близкий родственник, проживающий совместно с судьей. Таким образом, Ч. (свекор) не является родственником П. он не проживал совместно с ней и не являлся членом ее семьи.

Из копии трудовой книжки Ч. (свекор) следует, что он с 2003 года по настоящее время является работником ООО «У». Эти же сведения П. указала в анкете претендента на должность судьи. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что ООО «У» не являлось стороной в гражданском деле.

Вместе с тем П. признала, что она достоверно знала о работе Ч. (свекор) в ЗАО «С» до 2003 года.

При более тщательной оценке данного обстоятельства с учетом осведомленности о работе Ч. (свекор) в ООО «У» при рассмотрении гражданского дела в суде апелляционной инстанции коллегиальным составом суда П. должна была предполагать, что имеется возможность возникновения конфликта интересов.

Учитывая все обстоятельства, Дисциплинарная коллегия полагает, что дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи П. необходимо признать несоразмерным характеру и тяжести содеянного.

П. не была докладчиком по делу и председательствующим коллегии, в которой она принимала участие при рассмотрении гражданского дела в апелляционной инстанции. Она не имела никакой заинтересованности в исходе дела.

При этом Дисциплинарная коллегия учла, что П. положительно характеризуется по работе.

Дисциплинарная коллегия посчитала необходимым оставить без внимания иные данные – судимость брата и работу мужа и свекра в коммерческих структурах, – на что сослалась дополнительно в своем решении квалификационная коллегия судей Республики Хакасия, так как эти обстоятельства находятся за пределами представления, они не относятся к решению вопроса о наличии либо отсутствии дисциплинарного проступка и его тяжести с точки зрения исключительности.

Коллегия в своем решении отметила также, что согласно п. 5 ст. 12¹ Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» полномочия действующего судьи могут быть досрочно прекращены лишь за совершение дисциплинарного проступка, который носит исключительный характер.

Решение № ДК15-55

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Ответ на вопрос исключен

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г.)

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст. 3–33). Согласно п. «в» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых

обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *К. против Дании*. Сообщение № 2001/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: отказ в предоставлении гражданства посредством натурализации.

Вопрос существа: право на равную защиту закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что ст. 26 Пакта предусматривает отдельное право запрещать дискриминацию по закону или на практике в любой области, которая регулируется и защищается государственными органами, и что применение закрепленного в ст. 26 Пакта принципа недискриминации не ограничивается предусмотренными Пактом правами². При принятии своего законодательства государство-участник должно соблюдать

¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

² См. Замечание общего порядка № 18, п. 12.

требование ст. 26 Пакта о том, что его содержание не должно быть дискриминационным³ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает, что ни Пакт, ни международное право в целом не содержат конкретных критериев предоставления гражданства посредством натурализации и что государства свободны самостоятельно выносить решение по таким критериям⁴. Однако, принимая и применяя законодательство, власти государств-участников должны соблюдать права заявителей, закрепленные в ст. 26 Пакта. Комитет напоминает в связи с этим, что ст. 26 Пакта требует разумного и объективного обоснования, а также законной цели проведения различий в связи с особенностями того или другого лица, которые перечислены в ст. 26 Пакта⁵, включая «иное обстоятельство», как, например, инвалидность (п. 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитету предстоит решить вопрос о том, нарушило ли государство-участник ст. 26 Пакта в результате отказа в предоставлении автору освобождения от выполнения требования в отношении аттестации по датскому языку для целей его натурализации. Комитет отмечает, что автор не оспаривает требование о подтверждении владения языком для целей натурализации в целом, но лишь в части его применения произвольным или дискриминационным образом. ... В контексте данного сообщения это означает, что Комитет должен изучать вопрос о том, производилось ли рассмотрение заявления автора на предоставление ему исключения компетентными датскими органами таким образом, который гарантировал право автора на равенство перед законом и равную защиту закона без какой-либо дискриминации (п. 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что жалоба автора на то, что отказ обращаться с ним как с лицом, страдающим психическими расстройствами и не способным к обучению, и тем самым признать необходимость освобождения его от выполнения требования о владении языком, которое предусмотрено в законе, является дискриминационным актом. Комитет отмечает, что автор ходатайствовал об освобождении его от требования в отношении представления доказательств владения датским языком на основе п. 3 раздела 24 «Руководящих принципов натурализации». К его заявлению прилагались медицинские заключения, свидетельствовавшие о том, что в то время он страдал острым психозом со слуховыми галлюцинациями и параноидными идеями, повреждением

³ См. сообщение № 172/1984, *Брекс против Нидерландов*, соображения от 9 апреля 1987 г., п. 12.4.

⁴ См. сообщение № 1136/2002, *Борзов против Эстонии*, соображения от 26 июля 2004 г., п. 7.4.

⁵ См. Замечание общего порядка № 18, п. 13, и *Борзов против Эстонии*, пункт 7.3.

головного мозга, эпизодами умеренной и тяжелой депрессии, посттравматическим стрессовым расстройством, проявлявшимся в изменении личности, а также различными физическими патологиями в форме болей в обоих коленях, респираторных проблем, искривления позвоночника и врожденного гемипареза. После получения первоначального отказа 5 октября 2007 г. заявление и сопроводительная документация были переданы Министерством в Комитет по натурализации датского Парламента, который отклонил это заявление 22 мая 2008 г. Однако Комитет отмечает, что письмо Министерства, в котором автору сообщалось о решении Комитета по натурализации, не содержит никаких сведений о принципиальных причинах такого отказа. В последующих письмах, которые Министерство направляло в ответ на просьбы автора пересмотреть принятые по нему решения, также отсутствовало какое-либо обоснование отказа в просьбе об освобождении его от выполнения требования, прописанного в «Руководящих принципах натурализации» (п. 7.4 Соображений).

Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало, что отказ в предоставлении освобождения был основан на разумных и объективных причинах. Министерство не смогло подробно изложить причины решения Комитета по натурализации отказать в просьбе автору, поскольку работа Комитета велась в закрытом режиме. В соответствии с представлением самого государства-участника положение об освобождении от выполнения установленного требования открыто для толкования, а практика его применения определялась большинством голосов членов Комитета по натурализации в любой данный момент времени. Кроме того, отсутствие мотивов упомянутого решения и транспарентности процедуры его принятия крайне ограничивало возможности автора в плане представления дополнительной документации в поддержку его просьбы, так как он не знал истинных причин отказа и общих тенденций в отношении принятия решений Комитетом по натурализации в порядке применения п. 3 раздела 24 «Руководящих принципов натурализации». По мнению Комитета, тот факт, что Комитет по натурализации является частью законодательной власти, не освобождает государство-участника от принятия мер для информирования пусть даже в краткой форме автора о принципиальных причинах решения Комитета по натурализации. В отсутствие такого обоснования государство-участник не доказало, что его решение не принимать к сведению психическое расстройство автора в качестве основания для освобождения от выполнения требования в отношении владения языком, которое предусмотрено в законодательстве, и требовать от автора документального подтверждения владения языком,

несмотря на его неспособность к обучению, было основано на разумных и объективных причинах (п. 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет пришел к выводу о том, что предоставленная ему информация свидетельствует о нарушении статьи 26 Пакта (п. 8 Соображений).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективные средства правовой защиты, включая выплату компенсации, и пересмотреть его просьбу о выполнении требования в отношении владения языком в рамках такой процедуры, которая учитывает выводы Комитета. Государство-участник также должно избегать подобных нарушений в будущем (п. 8 Соображений).

Комитет по правам инвалидов⁶

Сообщение: «Ф» против Австрии. Сообщение № 21/2014. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 21 августа 2015 г.

Тема сообщения: доступ к актуальной информации на общественном транспорте наравне с другими.

Вопросы существа: доступ к информационно-коммуникационным технологиям; объекты и услуги, открытые для населения на равноправной основе; право на индивидуальную мобильность и самостоятельный образ жизни.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что «понятие доступности касается групп, в то время как понятие разумного приспособления касается отдельных лиц. Это означает, что обязанность предоставлять доступность является обязанностью *ex ante*.⁷ Таким образом, государства-участники обязаны обеспечивать доступность до получения индивидуальных запросов на вход в какое-либо место или использование какой-либо услуги»...Комитет напоминает, что «обязательство по осуществлению доступности является безоговорочным, т.е. субъект, обязанный обеспечивать доступность, не может оправдывать невыполнение этой задачи ссылками на бремя предоставления доступа инвалидам» (п. 8.4 решения).

Инвалиды сталкиваются с техническими и средовыми барьерами, такими как отсутствие информации в доступном формате. В

⁶ Комитет ООН по правам инвалидов действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

⁷ Ожидаемый, предполагаемый.

соответствии с п. 1 ст. 9 Конвенции «государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы». Согласно подп. f) п. 2 ст. 9 Конвенции, «государства-участники принимают ... надлежащие меры к тому, чтобы развивать другие надлежащие формы оказания инвалидам помощи и поддержки, обеспечивающие им доступ к информации»... Комитет напоминает, что значимость информационно-коммуникационных технологий заключается в их способности создавать возможности для оказания самых разных услуг, видоизменять существующие услуги и повышать спрос на доступ к информации и знаниям особенно применительно к недостаточно охваченным или социально изолированным группам населения, таким как инвалиды. С этой точки зрения новые технологии можно использовать для поощрения всестороннего и равного участия инвалидов в жизни общества, но лишь при том условии, что они разработаны и изготовлены таким образом, чтобы обеспечить их доступность. Новые инвестиции, исследования и производство должны способствовать ликвидации неравенства, а не созданию новых барьеров, поэтому в подп. h) п. 2 ст. 9 Конвенции содержится обращенный к государствам-участникам призыв поощрять проектирование, разработку, производство и распространение изначально доступных информационно-коммуникационных технологий и систем так, чтобы доступность этих технологий и систем достигалась при минимальных затратах. Далее Комитет напоминает, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Конвенции «государства-участники запрещают любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве» и что отказ в доступе к физическому окружению, транспорту, информации и связи, равно как и к услугам, открытым для населения, должен прямо определяться как запрещенный акт дискриминации (п. 8.5 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению решение Окружного суда от 2 мая 2013 г., подтвержденное Региональным судом 15 июля 2013 г., о том, что отсутствие цифровой аудиосистемы не является препятствием для пользования транспортом слабовидящими людьми; что информация, предоставленная визуально, размещена также в Интернете и доступна для слабовидящих людей, имеющих программное обеспечение для распознавания речи, и что автор может пользоваться трамваем без информации, предоставляемой зрячим пассажирам (п. 8.2 решения).

Комитет отмечает аргумент государства-участника по поводу того, что аудиосистема «ни в коей мере не является предварительным

условием для пользования общественным транспортом»; что автор определенно может достигнуть «цели повседневного использования» одного из видов общественного транспорта без аудиосистемы; что аудиосистема не предоставляет информацию, которая абсолютно необходима пассажирам, поэтому ее существование всего лишь влияет на «способ пользования трамваем»; что визуальная информационная система была расширена в рамках усилий по обеспечению того, чтобы слабослышащие люди могли беспрепятственно пользоваться трамваями в Линце; что Конвенция не налагает обязательство оснастить общественный транспорт всеми мыслимыми средствами для облегчения пользования им и что выбор между равными альтернативами остается за поставщиком услуг... Комитет констатирует, что в первую очередь аудиосистема была установлена на основных пересадочных пунктах с несколькими трамвайными линиями и что «тем временем» все остальные остановки были оснащены системой линейного оповещения, которая позволяет пассажирам, ожидающим на остановке, активировать переносной передатчик, с тем чтобы слепые люди могли получить информацию о номере маршрута и направлении движения прибывающего или находящегося на остановке средства общественного транспорта.... Комитет принимает во внимание предоставленную государством-участником информацию о том, что общие сведения о времени движения и о прогнозируемых или планируемых нарушениях сообщения все пассажиры трамвайного маршрута 3 могут найти в Интернете с помощью системы распознавания речи... Комитет отмечает ... аргументы автора по поводу того, что отсутствие цифровой аудиосистемы на трамвайном маршруте 3 не позволяет ему найти остановку, получить актуальную информацию, необходимую ему при поездке на трамвае, и, следовательно, самостоятельно пользоваться трамвайным маршрутом 3 наравне с другими (п. 8.3 решения).

Комитет отмечает, что информация, визуальна доступная на остановках маршрута 3, является дополнительной услугой, направленной на упрощение пользования трамвайным маршрутом, и что как таковая она представляет собой неотъемлемую часть предоставляемого транспортного обслуживания. Таким образом, перед Комитетом стоит задача оценить, приняло ли государство-участник достаточные меры для обеспечения того, чтобы информация об услугах транспорта, предоставляемая лицам, не имеющим инвалидности, на равноправной основе предоставлялась также и слабовидящим людям (п. 8.6 решения).

Комитет отмечает, что компания «Линц линиен ГмбХ» начала оснащать трамвайные остановки города цифровыми аудиосистемами в марте 2004 года. В августе 2011 года она продлила трамвайную линию

маршрута 3. Тем не менее ни одна из остановок на продленной линии маршрута 3 не была оснащена цифровой аудиосистемой, которая была уже известна поставщикам услуг и могла бы быть установлена при ограниченных издержках в момент строительства новой линии... Комитет отмечает аргумент автора по поводу того, что аудиосистема позволила бы ему и другим слабовидящим людям немедленно получать актуальную информацию, предоставляемую визуально, наравне с другими, тогда как существующие альтернативы, в частности различные приложения, доступные через Интернет и мобильный телефон, а также система линейного оповещения, не дают такой возможности. Таким образом, неустановка государством-участником аудиосистемы при продлении трамвайной линии привела к отказу в доступе к информационно-коммуникационным технологиям и к объектам и услугам, открытым для населения, наравне с другими и поэтому является нарушением п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 9 и подп. f) и h) п. 2 ст. 9 Конвенции (п. 8.7 решения).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства в соответствии с п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 9 и подп. f) и h) п. 2 ст. 9 Конвенции (п. 9 решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) по жалобе по жалобе № 41418/04 *«Хорошенко против России»* (вынесено и вступило в силу 30 июня 2015 г.)

Заявитель жаловался на то, что в течение первых десяти лет отбывания наказания в исправительной колонии особого режима возможность свиданий с женой и другими членами семьи была существенно ограничена.

Европейский Суд подчеркнул, что «...существенной частью права заключенного на уважение семейной жизни является обеспечение ему государственными органами возможности, или, в случае необходимости, содействия в поддержании контактов с близкими родственниками...некоторые меры контроля контактов заключенных с внешним миром требуются и сами по себе не являются несовместимыми с Конвенцией... Такие меры могут включать в себя ограничения числа семейных свиданий, надзор во время указанных свиданий, если это обосновано характером преступления и особыми характеристиками личности заключенного, введение особого режима в отношении заключенного или особых условий проведения свиданий» (п. 123 постановления).

Суд отметил, что «... следует проводить различие между введением особого режима или особых условий свиданий во время предварительного расследования, когда эти меры могут обоснованно считаться необходимыми для достижения преследуемой правомерной цели, и длительным действием такого режима» (п. 124 постановления).

Европейский Суд уточнил, что «...введение таких мер, как физическое разделение, может быть оправдано соображениями безопасности учреждения или опасностью взаимодействия заключенного с преступными организациями через семейные каналы... Однако длительный запрет непосредственного контакта может быть обоснован только в случае подлинной и непрерывной угрозы такого рода» (п. 125 постановления).

Суд отметил, что «...отправной точкой регулирования свиданий заключенных, включая лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, на европейском уровне является тот факт, что национальные органы власти имеют обязательство предупреждать разрыв семейных связей и обязаны обеспечивать таким лицам обоснованно хороший уровень контакта с их семьями, с максимально возможной периодичностью свиданий в обычном порядке» (п. 134 постановления).

Европейский Суд напомнил, что «...в странах-участниках минимальная периодичность свиданий в исправительном учреждении лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы...составляет не менее одного посещения каждые два месяца...большинство государств-участников не проводит различия в этой области между лицами, приговоренными к пожизненному лишению свободы, и другими видами заключенных, и что в таких странах общепринятый минимум периодичности свиданий составляет не менее одного раза в месяц... Россия, по-видимому, является единственной юрисдикцией в рамках Совета Европы, которая регламентирует свидания всех приговоренных к пожизненному лишению свободы лиц как группы путем сочетания крайне низкой периодичности свиданий в исправительном учреждении и длительности действия такого ограничения» (п. 135 постановления).

Суд установил, что «...все формы одиночного заключения без соответствующего психологического или физического стимулирования, вероятно, в долгосрочной перспективе оказывают вредное воздействие, приводя к ухудшению умственных способностей и утрате социальных навыков... у заявителя могло быть не более одного сокамерника в течение всего соответствующего периода, и он относился к группе лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, которые отбывали наказание отдельно от других заключенных» (п. 140 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...указанная мера не обеспечивает соблюдения справедливого равновесия между правом

заявителя на защиту частной и семейной жизни, с одной стороны, и целями, на которые ссылается государство-ответчик, с другой стороны, а также к выводу о том, что государство-ответчик превысило пределы усмотрения в указанном отношении... Отсюда следует, что имеет место нарушение права заявителя на уважение его личной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции, в результате применения строгих условий в исправительной колонии особого режима в настоящем деле» (пп. 148–149 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25435/06 «*Беленко против России*» (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 12440/04 «*Шехов против России*» (вынесено 19 июня 2014 г., вступило в силу 17 ноября 2014 г.).

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *У. против Канады*. Сообщение № 2280/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 22 июля 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Шри-Ланку.

Вопрос существа: право на жизнь; запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; право быть свободным от произвольного задержания.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Международного Пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт), в котором он указывает на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотренного в ст. 6

и 7 Пакта⁸ (п. 12 Замечания общего порядка № 31 (2004)). Комитет ... отметил, что опасность должна существовать лично для человека⁹ и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности причинения невозмездимого вреда применяется высокий порог¹⁰. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение с правами человека в стране происхождения автора¹¹ (п. 7.2 Соображений).

Комитет напоминает свои решения, согласно которым проведенной государством-участником оценке следует придавать весомое значение, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии¹² и что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников¹³ (п. 7.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что, если он будет выслан в Шри-Ланку, ему будут угрожать преследования как молодому тамилу из северных районов Шри-Ланки, подозреваемому в связях с организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама» (далее – ТОТИ), и

⁸ Предусмотренное в ст. 2 Пакта обязательство государств-участников уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их контролем лицам признаваемые Пактом права влечет за собой обязательство не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотренного в ст. 6 и 7 Пакта, будь то в страну, в которую планируется выдворить данное лицо, или в любую страну, в которую данное лицо может быть выслано впоследствии. Соответствующие судебные и административные власти должны быть поставлены в известность о необходимости обеспечения соблюдения устанавливаемых Пактом обязательств в подобных вопросах.

⁹ См. сообщения № 2007/2010, *X. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, решение, принятое 7 ноября 2006 г., п. 7.2; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, решение, принятое 15 ноября 2010 г., п. 7.3; № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение, принятое 12 ноября 2010 г., п. 7.2; и № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6.6.

¹⁰ См. сообщения № 2007/2010, *X. против Дании*, п. 9.2; и № 1833/2008, *X. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

¹¹ См. сообщения № 2007/2010, п. 9.2; и № 1833/2008, п. 5.18.

¹² См. там же.

¹³ См. сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 11.4; и № 1957/2010, *Лиин против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., п. 9.3.

как получившему отказ просителю убежища; и что власти государства-участника произвольно проигнорировали документальные доказательства, которые подтверждают его утверждения о преследованиях, и не придали должного веса тому факту, что до отъезда из страны происхождения он, как сообщается, трижды арестовывался военными по подозрению в членстве в ТОТИ, что, находясь под стражей, он подвергался пыткам и жестокому обращению и что его семья продолжала подвергаться запугиваниям со стороны военных после того, как он покинул страну (п. 7.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что его власти рассмотрели все представленные им документальные доказательства; что объективные и надежные сообщения показывают, что в Шри-Ланке имеют место серьезные нарушения прав человека; что не все молодые тамилы из северных районов Шри-Ланки сталкиваются с реальной и личной угрозой преследования со стороны властей, а только те, кто подозревается в связях с ТОТИ; и что автор не продемонстрировал, что он является лицом, которое подозревается в наличии существенных и конкретных связей с ТОТИ (п. 7.4 Соображений).

Комитет отмечает, что утверждения автора в основном касаются оценок документальных доказательств, проведенных властями, причем он заявляет, что доказательства были недостаточным образом приняты во внимание и что как минимум некоторые сообщения, как представляется, приводят к выводу о том, что даже минимальная или всего лишь предполагаемая связь с ТОТИ является достаточной причиной, чтобы лицо попало под угрозу преследования в Шри-Ланке. Комитет отмечает, что согласно сообщениям о положении с правами человека в Шри-Ланке, несмотря на имевшие место изменения, нарушения прав человека, включая пытки, продолжаются и что, среди прочего, некоторые лица тамильского этнического происхождения, которые подозреваются в связях с ТОТИ, могут нуждаться в международной защите. Комитет ... отмечает, что автор не утверждает, что он был членом ТОТИ или что он каким-либо образом участвовал в деятельности ТОТИ, поддерживал ТОТИ или был связан с деятельностью ТОТИ. Вместо этого он заявляет, что три его задержания военными, его тамильское этническое происхождение и тот факт, что он является получившим отказ просителем убежища, составляют достаточные основания для того, чтобы он воспринимался как лицо, имеющее связи с ТОТИ. В данной ситуации Совет по делам иммиграции и беженцев и Федеральный суд отклонили ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, поскольку они посчитали, что автор не показал, что он связан с ТОТИ. Впоследствии в ходе процедуры

оценки риска до высылки иммиграционные власти заключили, что автор не показал, что у него есть предполагаемые связи с ТОТИ. Изучая эти ходатайства, власти рассмотрели утверждения автора, учитывая также сообщения, полученные от нескольких государств и неправительственных государств касательно положения тамиллов в Шри-Ланке. Автор не согласен с принятыми решениями. Тем не менее он не объяснил, почему эти решения являются явно неразумными или произвольными, в частности потому, что при их принятии не был учтен соответствующий фактор риска (п. 7.6 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека, действуя в соответствии с п. 4 ст. 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, делает вывод о том, что высылка автора в Шри-Ланку не будет нарушением ст. 6 и 7 Пакта (п. 8 Соображений).

Сообщение: *М. Дж. К. против Австралии.* Сообщение № 1875/2009. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 марта 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Соединенные Штаты Америки.

Вопрос существа: произвольное задержание, высылка иностранцев, находящихся на территории на законных основаниях; равенство состязательных возможностей и справедливое разбирательство; произвольное вмешательство в семейную жизнь; наилучшие интересы ребенка.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что понятие произвольности не равнозначно понятию противоправности, однако должно толковаться расширительно и включать элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащих процессуальных гарантий. Содержание под стражей во время судебного разбирательства в интересах контроля над иммиграцией само по себе не является произвольным, однако оно должно быть обосновано как разумное, необходимое и соразмерное в свете сложившихся обстоятельств, и с течением времени решение о его применении должно пересматриваться. Последующее содержание иммигрантов под стражей во время рассмотрения их жалоб было бы произвольным при отсутствии свойственных конкретному лицу особенностей, в частности склонности скрыться от правосудия, опасности совершения преступления против других лиц или посягательств на национальную безопасность¹⁴. При принятии решения следует учитывать соответствующие факторы по каждому конкретному делу и не основывать его на каком-либо

¹⁴ См. Замечание общего порядка № 35 по ст. 9 (свобода и безопасность лиц), п. 18.

обязательном правиле более широкого характера; решение должно приниматься посредством рассмотрения мер по достижению искомых целей, носящих менее принудительный характер, например практики отмечаться в полиции, гарантий или других механизмов, не позволяющих лицу скрыться, и должно периодически переоцениваться и подлежать судебному пересмотру¹⁵ (п. 11.5 Соображений).

Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 16, согласно которому понятие семьи должно толковаться широко¹⁶. Оно охватывает не только семейный дом состоящих в браке или совместно проживающих лиц, но и в целом отношения между родителями и детьми¹⁷. Комитет не может исключать, что автор и его сын имели семейные отношения помимо биологической связи между ними, поскольку по постановлениям Федерального суда магистратов автору было разрешено поддерживать с ним контакты, но они не были реализованы по ряду причин, в том числе из-за натянутых отношений автора с его бывшей партнершей и его содержания в иммиграционном изоляторе (п. 11.8 Соображений).

Комитет напоминает, что даже предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Пакта и должно быть целесообразным в конкретных обстоятельствах¹⁸ (п. 11.9 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его задержание по иммиграционным соображениям было произвольным, необоснованно продолжительным и что он не мог оспорить его законность. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что автор был задержан в соответствии с процедурами, предусмотренными законом о миграции; что задержание незаконно находящихся в стране неграждан по истечении срока уголовного наказания в виде лишения свободы может быть необходимо для обеспечения наличия лица, не имеющего действующей визы на пребывание в Австралии, для его высылки, если только не будут найдены причины для его дальнейшего законного

¹⁵ См. Замечание общего порядка № 35 (см сноску 21), п. 18. См. также сообщения № 2136/2012, *М. М. М. др. против Австралии*, п. 10.3; и № 1014/2001, *Бабан против Австралии*, Соображения от 6 августа 2003 г., п. 7.2.

¹⁶ См. Замечание общего порядка № 16 (см. сноску 14), п. 5. См. также сообщение № 1959/2010, *Варсаме против Канады*, Соображения от 21 июля 2011 г., п. 8.7.

¹⁷ См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании* (см. сноску 7), п. 10.2.

¹⁸ См. сообщение № 2243/2010, *Хуссейни против Дании*, Соображения от 24 октября 2014 г., пп. 9.3–9.4

проживания в Австралии, и что автор продолжал оставаться под стражей, когда в течение трехлетнего периода подавал апелляционные жалобы на первоначальное решение Трибунала о том, что его виза была аннулирована законно (п. 11.2 Соображений).

Комитет принимает во внимание, что содержание автора под стражей и его последующая высылка были произведены в соответствии с австралийским законодательством, предусматривающим возможность аннулирования визы по ст. 501 Закона о миграции вследствие наличия судимостей; что он был взят под стражу согласно Закону о миграции как «незаконно находящийся в стране негражданин»¹⁹, и что он был выслан по ст. 198 (6) по завершении его заключительной попытки остаться на территории Австралии путем подачи заявления о предоставлении ему защитной визы. Вне зависимости от этих соображений Комитет должен определить, являлось ли такое задержание, пусть даже произведенное в соответствии с австралийским законодательством, произвольным, как это утверждает автор (п. 11.3 Соображений).

Комитет отмечает тот неоспоримый факт, что в июне 2004 года автор был освобожден по решению Совета по вопросам исправительных учреждений Квинсленда, согласно которому он мог быть выпущен на свободу для жизни в австралийском обществе. Он ... отмечает, что автор был освобожден условно-досрочно и предположительно в течение года отмечался в полиции и не имел замечаний до принятия представителем Министра решения об аннулировании его визы вследствие наличия судимостей. Автор был помещен в иммиграционный изолятор спустя год после его условно-досрочного освобождения 20 октября 2005 г. Он оставался под стражей до его высылки 8 мая 2009 г., состоявшейся через три с половиной года (п. 11.4 Соображений).

Согласно полученной Комитетом информации автор стал «незаконно находящимся в стране негражданином» в результате аннулирования его визы и, согласно закону о миграции 1958 года, был автоматически помещен в иммиграционный изолятор до его высылки, которая в итоге произошла через три с половиной года. В течение этого времени власти государства-участника не произвели индивидуальной оценки потребности в дальнейшем содержании автора в иммиграционном изоляторе. Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало на индивидуальной основе, что непрерывное и длительное содержание автора под стражей было обоснованно с точки зрения его продолжительности²⁰. Государство-участник ... не доказало,

¹⁹ См. раздел 189 закона о миграции.

²⁰ См. сообщение № 2094/2011, *Ф. К. А. Д. и др. против Австралии*, Соображения от 26 июля 2013 г., п. 94.

что для достижения поставленной цели, т.е. для удовлетворения потребности государства-участника в обеспечении явки автора для высылки, не могли быть использованы иные, менее жесткие меры (см. п. 6.3 выше). Кроме того, автор был лишен возможности оспорить по существу решение о его бессрочном содержании под стражей. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой судебный пересмотр законности заключения под стражу не ограничивается проверкой соответствия содержания под стражей внутреннему законодательству, и должен включать также возможность освобождения лица в случае несовместимости содержания его под стражей с требованиями Пакта²¹. По всем указанным причинам Комитет считает, что в сложившихся обстоятельствах содержание автора под стражей нарушало его права по п. 1 ст. 9 Пакта (п. 11.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его высылка представляет собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь по смыслу ст. 17 и 23 Пакта. Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника о том, что автор и его сын не образуют семью согласно ст. 17 и 23 Пакта, поскольку контакты между ними носили минимальный характер (п. 11.7 Соображений).

Комитет считает, что решение государства-участника депортировать автора, которое могло оказать долговременное воздействие на его отношения со своим сыном, в сочетании с полным запретом на въезд в Австралию следует считать вмешательством в жизнь семьи (п. 11.8 Соображений).

В свете представленной ему информации Комитет считает, что решение государства-участника аннулировать визу автора было построено на объективных и разумных основаниях, в частности учитывало судимости автора, хотя семейные обстоятельства автора принимались во внимание при вынесении решений представителем Министра и Трибуналом по обжалованию административных решений. В данных обстоятельствах Комитет полагает, что личное семейное положение автора было тщательно проанализировано компетентными органами и что произошедшее вмешательство в семейную жизнь автора не является произвольным по смыслу ст. 17 Пакта. Комитет заявляет, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении ст. 17 и 23 Пакта (п. 11.9 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении ст. 9 Пакта (п. 12 Соображений).

²¹ См., в частности, сообщения № 2094/2011, *Ф. К. А. Д. и др. против Австралии*, (см. сноску 23), п. 9.6; и № 1014/2001, *Бабан против Австралии* (см. сноску 22), п. 7.2.

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные и надлежащие средства правовой защиты, включая выплату компенсации. Государство-участник ... обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем. В связи с этим государство-участник должно пересмотреть свое миграционное законодательство для обеспечения его соответствия требованиям ст. 9 Пакта (п. 13 Соображений).

Сообщение: *Мансур Лигаэй и другие против Австралии.* Сообщение № 1937/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 марта 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Исламскую Республику Иран.

Вопрос существа: важные соображения национальной безопасности; сведения о выдворении; дискриминация по признаку национального происхождения; дискриминация по признаку иного обстоятельства; необоснованное вмешательство в семейную жизнь; приоритетные интересы ребенка.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правоприменительную практику, согласно которой отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица²². ...Комитет считает, что если решение государства-участника подразумевает обязательный выезд из страны отца семейства, в составе которого имеется несовершеннолетний ребенок, а также вынуждает семью выбирать, следует ли ей сопровождать отца или оставаться в государстве-участнике, то оно должно рассматриваться в качестве вмешательства в дела семьи, по меньшей мере в обстоятельствах, когда, как в данной ситуации, в любом случае будут иметь место существенные изменения в давно установившейся семейной жизни²³. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что приведшее к данной ситуации решение государства-участника отказать автору в выдаче визы является вмешательством по смыслу ст. 17 Пакта (п. 10.3 Соображений).

Комитет напоминает, что понятие «произвольность» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры²⁴. Комитет считает, что нарушение давно установившейся семейной жизни накладывает на

²² См., среди прочего, дело *Вината против Австралии*, п. 7.1; дело *Мадаффери против Австралии*, п. 9.7; и дело *Варсаме против Канады*, п. 8.7.

²³ См. дело *Мадаффери против Австралии*, п. 9.8.

²⁴ См., среди прочего, сообщение № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, п. 7.4 Соображений, принятых 23 июля 2014 г.

государство-участника дополнительное бремя с точки зрения процедуры, ведущей к такому нарушению (п. 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора, согласно которому отказ государства-участника выдать ему визу, повлекший за собой вынужденный отъезд из страны, явился произвольным вмешательством в его семейную жизнь по смыслу ст. 17 и 23 Пакта и нарушил права его дочери, предусмотренные в ст. 24 Пакта, поскольку в момент отъезда она была несовершеннолетней и ей не была оказана та защита, на которую она имела право в соответствии с этим положением. Комитет отмечает довод государства-участника, согласно которому решение о том, поедут члены семьи вместе с автором в Исламскую Республику Иран или останутся в Австралии, является сугубо внутрисемейным делом и действия государства никакого разлучения членов семьи не спровоцировали. Комитет ... отмечает утверждение государства-участника о том, что при принятии решения, повлекшего за собой отъезд автора из страны, интересам несовершеннолетнего ребенка было уделено должное внимание, но возобладали в деле императивные соображения национальной безопасности (п. 10.2 Соображений).

В настоящем деле автор сообщения прожил со своей семьей в Австралии 16 лет, и местные органы никогда ничего не вменяли ему в вину и не выносили ему предупреждений относительно его личного поведения. Два его старших сына начиная с 2003 года являются гражданами Австралии, его младшая дочь родилась и пошла в школу в Австралии, завязав здесь свои социальные связи. Рассмотрев заявку автора на получение постоянной визы, государство-участник приняло решение не выдавать ее автору по имевшимся с его точки зрения «императивным соображениям безопасности», предоставив в то же время остальным членам семьи возможность и дальше пребывать на своей территории. В конечном итоге жена автора не захотела жить в разлуке со своим мужем, они вместе решили, что их несовершеннолетней дочери лучше остаться с ними, и, поскольку автору было отказано в праве оставаться в стране, 27 июня 2010 г. они покинули Австралию (п. 10.3 Соображений).

В данном случае на момент отъезда автор прожил на территории государства-участника на законных основаниях более 16 лет и, судя по всему, без всяких юридических ограничений, причем государство-участник этот факт не отрицает. Автору так ни разу официально и не сообщили, на чем основывался отказ в выдаче визы, из-за которого он был вынужден покинуть страну; ему только в общих словах объяснили, что он представляет угрозу национальной безопасности, о чем свидетельствуют справки о его неблагонадежности, с которыми его не

ознакомили даже в виде резюме. При этом его юридическим представителям дали возможность ознакомиться с имеющимися против него сведениями, но постановлением судьи им было запрещено сообщать автору любую информацию, благодаря которой он мог бы дать им в ответ указания и оспорить заключение, согласно которому он представляет угрозу национальной безопасности (п. 10.4 Соображений).

С учетом того, что автор прожил в Австралии 16 лет на законных основаниях и все это время имел устоявшуюся семейную жизнь, а также в силу отсутствия какого-либо объяснения со стороны государства-участника тех причин, по которым его лишили права на дальнейшее пребывание в стране, ограничившись заявлением общего порядка, что это делается по «императивным соображениям национальной безопасности», Комитет делает вывод о том, что должная процедура в действиях государства-участника отсутствовала. Соответственно, государство-участник не представило автору обоснованное и объективное оправдание своего вмешательства в его устоявшуюся семейную жизнь (п. 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении положений ст. 17 в совокупности с положениями ст. 23 Пакта в отношении автора и его семьи (п. 11 Соображений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное и должное средство правовой защиты, включая реальную возможность оспорить отказ в выдаче ему постоянной визы и выплату компенсации. Государство-участник обязано также не допускать подобных нарушений в будущем (п. 12 Соображений).

Сообщение: *Н.С. против Российской Федерации.* Сообщение № 2192/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: автору угрожает высылка в Кыргызстан, где, по его утверждениям, он будет подвергнут пыткам.

Вопрос существа: пытки, произвольное содержание под стражей, а также недопущение принудительного возвращения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что утверждение автора сообщения о том, что он будет подвергнут пыткам в случае высылки в Кыргызстан, было рассмотрено Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца, а также в российских судах в ходе процедуры экстрадиции, в результате чего был сделан вывод о том, что он не обосновал свое

утверждение о том, что он подвергался пыткам в прошлом, а также о том, что ему будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Кыргызстан. Кроме того, Комитет отмечает, что большая часть доказательств, представленных автором, касается общего положения в области прав человека в его стране происхождения, а не его конкретного случая. Комитет ... отмечает отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих, что решения органов государства-участника были явно необоснованными в том, что касается утверждений автора (п. 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: В свете вышеизложенного Комитет не может прийти к заключению, что предоставленная ему информация свидетельствует о том, что автору в случае его высылки в Кыргызстан будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему ст. 7 Пакта (п. 10.4 Соображений).

Сообщение: *А.Х.Г. против Канады.* Сообщение № 2091/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 25 марта 2015 г.

Тема сообщения: депортация из Канады на Ямайку.

Вопрос существа: право на эффективное средство правовой защиты; право на жизнь; запрещение применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения; право на свободу и безопасность человека; право всех лишенных свободы лиц на гуманное обращение и на уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на личную и семейную жизнь и репутацию; защита семьи.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что положения ст. 7 Пакта призваны обеспечить защиту как достоинства, так и физической и психологической неприкосновенности личности²⁵ (п. 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что автор переехал в Канаду в возрасте 18 лет и прожил в ней непрерывно 31 год вплоть до его высылки на Ямайку 29 августа 2011 г.; что в 1993 году у него была диагностирована параноидная шизофрения – серьезное психическое расстройство, из-за которого он провел полтора года на лечении в стационаре и затем регулярно проходил амбулаторное психиатрическое лечение; что в 2005 году, после того, как его выселили из его квартиры и он стал жить в приютах, у него начались трудности с

²⁵ См. п. 2 Замечания общего порядка № 20 (1992 год) о запрете пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

соблюдением режима медикаментозного лечения и периодические обострения психотического состояния; что 23 марта 2006 г. состоялось решение о том, что он не может проживать на территории Канады в соответствии с п. 1 ст. 44 Закона об иммиграции и защите беженцев в связи с его выраженными уголовными наклонностями и, в частности, в связи с тем, что в июне 2005 года он был признан виновным в нападении с применением оружия и был приговорен к 1 дню тюремного заключения в дополнение к тем 80 дням, которые он уже провел в режиме досудебного содержания под стражей. Комитет ... отмечает, что в решении от 22 апреля 2011 г., касавшемся ходатайства автора о применении соображений гуманности и сочувствия, была признана причинная связь между его уголовными наклонностями и болезнью (п. 10.3 Соображений).

Учитывая обстоятельства данного дела и признавая законное стремление государств-участников обеспечить защиту общества, Комитет тем не менее считает, что применение к такому психически больному и нуждающемуся в особой защите человеку, как автор, который прожил в Канаде большую часть своей жизни, решения о его высылке на Ямайку по причине совершения им уголовных деяний, связь которых с его психическим расстройством установлена и признана, в результате чего тут же прекратились медицинская помощь и помощь со стороны семьи, необходимые лицу в таком уязвимом положении, представляет собой нарушение государством-участником его обязанностей в соответствии со ст. 7 Пакта (п. 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что высылка автора на Ямайку явилась нарушением его прав по смыслу ст. 7 Пакта (п. 11 Соображений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные средства правовой защиты. Государство-участник обязано восстановить справедливость в отношении автора и позволить ему вернуться в Канаду, если таким будет его пожелание, а также предоставить автору надлежащую компенсацию. Государство-участник обязано предпринять шаги для недопущения аналогичных нарушений в будущем (п. 12 Соображений).

Комитет против пыток²⁶

²⁶ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц,

Сообщение: *Е. С. против Швейцарии*. Сообщение № 476/2011. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 21 апреля 2015 г.

Тема сообщения: угроза высылки заявителя в Гамбию.

Вопросы существа: угроза пыток по возвращению в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет указывает, что в жалобе заявителя речь идет об опасности того, что он подвергнется пыткам со стороны гамбийских властей, которые объявили его в розыск в связи с его предположительным участием в попытке государственного переворота в марте 2006 года. Комитет отмечает, сколько времени прошло после упомянутых событий, и напоминает, что основная цель рассмотрения жалобы заявителя заключается в том, чтобы определить, может ли он в случае возвращения в Гамбию подвергнуться пыткам²⁷. Комитет констатирует, что государство-участник усомнилось в участии заявителя в государственном перевороте в марте 2006 года, поскольку его рассказ о событиях показался недостаточно достоверным и он не представил удовлетворительных объяснений по поводу тех фактических неувязок, которые представители властей государства-участника отметили в процессе рассмотрения просьбы о предоставлении убежища. Заявитель не представил Комитету никаких иных материалов, свидетельствующих о том, что гамбийские власти разыскивали его в связи с государственным переворотом в марте 2006 года²⁸ и что они по-прежнему ищут его почти восемь лет спустя. Заявитель также не смог предложить никаких аргументированных доводов в подтверждение подлинности представленных в Комитет документов. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель не представил доказательств того, что ему лично в случае принудительного возвращения в Гамбию грозит реальная опасность быть подвергнутым пыткам со стороны агентов государства (п. 7.4 решения).

находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

²⁷ Пункт 11.2 сообщения № 61, 1996, X, Y. и Z. против Швеции, Соображения, принятые 6 мая 1998 г.

²⁸ Единственный в данном случае представленный документ является копией ордера об объявлении в розыск военными властями, выданного в апреле 2006 года (государство-участник оспаривает его подлинность); согласно этому ордеру заявитель был объявлен в розыск как дезертир, а не в связи с попыткой государственного переворота.

Вывод Комитета: Комитет заключает, что высылка государством-участником заявителя в Гамбию не будет представлять собой нарушения ст. 3 Конвенции²⁹ (п. 8 решения).

Сообщение: *Е. К. У. против Финляндии.* Сообщение № 490/2012. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 4 мая 2015 г.

Тема сообщения: угроза высылки в Демократическую Республику Конго.

Вопросы существа: угроза пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: при оценке такой опасности³⁰ Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что такая оценка имеет своей целью установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие существования постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (п. 9.3 решения).

Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 1 (1997 год), в соответствии с которым при оценке опасности применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (п. 6), такой риск должен быть личным и реальным. В связи с этим в своих предыдущих решениях Комитет постановил, что опасность применения пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной. Комитет напоминает, что согласно положениям Замечания общего

²⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

³⁰ Имеются ли существенные основания полагать, что заявителю будет лично угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Демократическую Республику Конго.

порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленного органами соответствующего государства-участника, хотя в то же время не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу. Комитет далее напоминает, что в соответствии с Замечанием общего порядка № 1 (п. 5) бремя аргументированного представления дела лежит на авторе сообщения (п. 9.4 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она была арестована солдатами ВСДРК³¹ во время проведения семинара для женщин в Донго³² в 2009 году и что она была подвергнута солдатами жестокому обращению и пыткам, включая неоднократные изнасилования. Комитет принимает во внимание представление государства-участника, согласно которому государственные органы получили только одно медицинское заключение от 2 июня 2010 г., которое они не считают достаточным доказательством пыток. Комитет, однако, отмечает, что в заключении указывается на то, что шрамы на теле заявителя и наблюдаемые у нее психиатрические симптомы соответствуют представленным заявителем данным о пытках. Комитет приходит к выводу о том, что заявитель представил достаточные доказательства того, что в прошлом она подвергалась пыткам (п. 9.5 решения).

Комитет ... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она стала жертвой изнасилования и других пыток со стороны военнослужащих ВСДРК, которые являются официальными вооруженными силами государства-участника, а также присутствуют и ведут активную деятельность на всей его территории, и что, как она утверждает, она совершила побег из-под стражи в ВСДРК. Комитет учитывает представление государства-участника относительно достоверности рассказа заявителя о ее политической деятельности и членстве в оппозиционной партии, а также об обстоятельствах ее побега и выезда из страны. Комитет... напоминает, что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности сообщаемой ими информации и что несоответствия в изложении заявителем фактов не вызывают сомнения в общей правдивости ее утверждений, особенно поскольку подтверждено, что она страдает посттравматическим стрессовым расстройством³³.

³¹ Вооруженные силы Демократической Республики Конго.

³² Один из районов Демократической Республики Конго.

³³ См. также *Тала против Швеции* (примечание 8 выше), п. 10.3.

Комитет ... отмечает, что во время ареста заявитель носила предметы одежды, указывающие на ее принадлежность к сторонникам оппозиционной партии, и имела при себе членский билет, а также подчеркивает, что это является достаточным основанием для формирования представления о том, что она была членом и активистом партии (п. 9.6 решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в Демократической Республике Конго насилие в отношении женщин является широко распространенным явлением. В связи с этим Комитет напоминает свои ранее принятые решения и свои мнения по делу *Нжамба и Баликоса против Швеции*³⁴, в рамках которых он не смог определить конкретный район Демократической Республики Конго, который мог бы считаться безопасным для заявителей. Комитет отмечает, что в недавно полученных достоверных сообщениях, а именно в докладе Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека и о деятельности ее Управления в Демократической Республике Конго за 2013 год (А/HRС/24/33) и в заключительных замечаниях Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Демократической Республики Конго (CEDAW/C/COD/CO/6-7), указывается, что широкое распространение насилия в отношении женщин, включая изнасилования членами национальных вооруженных групп, сил безопасности и обороны, наиболее свойственно затрагиваемым конфликтами и сельским районам страны, особенно в ее восточной части. Комитет, однако, обеспокоен тем, что согласно этим сообщениям подобное насилие происходит и в других частях страны (п. 9.7 решения).

Вывод Комитета: по данному конкретному делу существуют достаточные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае ее возвращения в Демократическую Республику Конго (п. 9.8 решения).

Сообщение: *Г.А.Б. против Швейцарии*. Сообщения № 440/2010. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 4 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка в Гвинею.

Вопросы существа: угроза применения пыток.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет указывает, что в Гвинее действительно сохраняется вызывающее тревогу положение, поскольку по-прежнему отмечаются применение

³⁴ Сообщение № 322/2007, решение от 14 мая 2014 г., п. 9.5.

пытках, в том числе в местах лишения свободы, и в частности в жандармских участках и в военных лагерях для заключенных³⁵, а также тайное содержание под стражей и атмосфера безнаказанности, которые становятся возможными, среди прочего, из-за того, что внутреннее законодательство не приведено в соответствие с положениями Конвенции³⁶. Но все же надлежит убедиться, действительно ли у заявителя есть основания опасаться, что в случае его возвращения в эту страну против него могут быть направлены действия, запрещенные Конвенцией (п. 7.3 решения).

Все представленные заявителем свидетельства, подтверждающие такую возможность, были изучены национальными органами власти, которые пришли к тому выводу, что утверждения заявителя не достаточно достоверны, поскольку ни одно из представленных им свидетельств не доказывает, что он приезжал в Гвинею в период между подачей своего первого и второго ходатайств о предоставлении убежища, что новые материалы, такие как повестки и решение об объявлении в розыск, были без какой-либо видимой причины представлены лишь на позднем этапе процедуры рассмотрения ходатайств и вызвали сомнение в их подлинности и что заявитель ни разу не упомянул о жестоком обращении с ним в то время, когда он, по его словам, пребывал под стражей (в октябре 2009 года). Комитет отмечает, что жалоба по поводу применения пыток впервые была представлена не в национальные органы власти, а в Комитет и к тому же не была подкреплена подробным описанием случившегося. С учетом перечисленного Комитет считает, что материалы дела не дают оснований полагать, что швейцарские власти, занимавшиеся этим делом в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища и пересмотре дела, не изучили детально все жалобы заявителя (п. 7.4 решения).

Вывод Комитета: в деле, находящемся на рассмотрении Комитета, нет никаких других материалов, позволяющих установить, что в отношении заявителя в стране его происхождения существует предсказуемая, реальная и личная угроза применения пыток (п. 7.4 решения).

Сообщение: *Z. против Швейцарии*. Сообщение № 556/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 5 мая 2015 г.

Тема сообщения: депортация в Российскую Федерацию.

³⁵ См. CAT/C/GIN/CO/1, п. 9.

³⁶ Там же, пп. 8, 11, 12 и 15.

Вопросы существа: опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник обращает внимание на несоответствия и противоречия в утверждениях и представлениях заявителя как национальным органам власти, занимающимся вопросами убежища, так и Комитету, которые подрывают общее доверие к нему и ставят под сомнение правдивость его утверждений. В частности, заявитель представил копию своего паспорта с указанием его официально зарегистрированного адреса в селе Серноводск, Чечня, однако в водительском удостоверении указана его регистрация по адресу в Назрани, Ингушетия. В результате сохраняются сомнения относительно его реального места жительства. Кроме того, Комитет отмечает скудность информации о брате заявителя, который, как утверждается, принимал активное участие в повстанческих группировках и в связи с этим был арестован и подвергнут пыткам, в частности отсутствие его имени, описания и каких-либо личных данных. Заявитель предоставляет мало фактической информации о конкретных обвинениях против его брата, не дает сведений о предполагаемом жестоком обращении, которому подвергся его брат со стороны правоохранительных органов, и не указывает никакой информации о его нынешнем местонахождении. Аналогичным образом заявитель не приводит исчерпывающей информации в связи с тем, что его брат был освобожден, отбыв лишь шестимесячный срок тюремного заключения, учитывая, что российское уголовное законодательство предусматривает гораздо больший срок за такую деятельность. Комитет ... отмечает, что заявитель представил очень поверхностную информацию в связи с утверждением о том, что дом его родителей был сожжен (п. 8.6 решения).

Комитет отмечает, что заявитель просто сообщил Миграционному совету и Миграционному суду, что опасается подвергнуться пыткам в случае возвращения в Российскую Федерацию, утверждая, что он подвергался пыткам в прошлом и станет их жертвой снова. При этом заявитель не представил никаких подробностей о применении пыток или жестоком обращении, которым он, по его словам, неоднократно подвергался со стороны правоохранительных органов...например, данных о личности или количестве виновных лиц, а также о конкретных формах жестокого обращения или видах пыток. Комитет отмечает отсутствие каких-либо медицинских справок, документов или показаний свидетелей, которые могли бы подтвердить слова заявителя. Комитет ... отмечает, что в связи с неконкретными утверждениями заявителя о пытках ни одна из сторон не провела медицинскую или судебно-

медицинскую экспертизу. Вместе с тем Комитет отмечает, что из материалов дела следует, что, несмотря на неопределенность утверждений заявителя по данному делу, органы государства-участника, занимающиеся вопросами предоставления убежища, тщательно проанализировали все доказательства, представленные заявителем в обоснование своего ходатайства, и пришли к выводу об их недостаточной достоверности в целом (п. 8.7 решения).

Выводы Комитета: заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу ст. 3 Конвенции (п. 8.8 решения).

Сообщение: *Z. против Швейцарии*. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 5 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Алжир.

Вопросы существа: опасность подвергнуться жестокому обращению.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель ссылается на защиту, предоставляемую ст. 3 Конвенции, на том основании, что ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению в Алжире, поскольку алжирские власти считают его дезертиром и подозревают в сотрудничестве с террористами. В связи с этим Комитет отмечает, что, по утверждениям заявителя, в период прохождения обязательной военной службы он имел доступ к секретной информации. Комитет считает, что владение такой информацией могло бы представлять собой повышенную опасность применения жестокого обращения в том случае, если заявителя подозревали бы в поддержании контактов с террористами. Тем не менее Комитет полагает, что заявитель не представил достаточного количества доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что он подозревается в таких контактах. Комитет ... отмечает, что заявитель ни разу не упоминал о применении к нему пыток в Алжире и что он не представил никаких доказательств в обоснование утверждения, согласно которому он мог бы подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в страну происхождения³⁷. Аналогичным образом в отношении замечаний государства-участника о противоречивом характере показаний заявителя, данных им в ходе внутренних процедур, Комитет считает, что заявитель не представил никаких элементов,

³⁷ См. сообщение № 154/2000, *M.C. против Австралии*, решение от 23 ноября 2001 г., п. 6.5.

позволяющих придать вес его ответам на упомянутые замечания. Комитет полагает, что, даже если исходить из возможности ареста заявителя после его возвращения в Алжир на основании постановления об объявлении его в розыск, один только факт, что он может вновь быть взят под стражу и считаться дезертиром, не является веским основанием считать, что ему угрожает опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (п. 7.4 решения).

Выводы Комитета: предоставленная заявителем информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить его утверждения о том, что в случае его возвращения в Алжир он лично подвергнется прогнозируемой и реальной опасности применения пыток или жестокого обращения (п. 7.4 решения).

Сообщение: *Хайрулло Турсунов против Казахстана*. Сообщение № 538/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявителя в Узбекистан.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что, руководствуясь своим Замечанием общего порядка № 1, он будет в значительной степени опираться на заключения, к которым приходят органы соответствующего государства-участника, но что при этом Комитет не связан такими заключениями и в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу³⁸ (п. 9.9 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение адвоката о том, что пытки и жестокое обращение особенно в отношении экстрадированных просителей убежища по всей видимости применяются в Узбекистане систематически. Он отмечает далее подробно изложенные утверждения о том, что в прошлом, до отъезда в Казахстан, заявитель подвергался преследованиям по религиозным мотивам и жестокому обращению со стороны узбекских властей. Он...принимает к сведению тот аргумент защитника, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по итогам которого было принято решение о высылке заявителя, не являлось справедливым, поскольку заявителю не были обеспечены услуги переводчика; что суды не рассмотрели по существу утверждений заявителя о том, что в случае

³⁸ См. Замечание общего порядка № 1 и, в частности, сообщение № 356/2008 по делу *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 г.

экстрадиции ему грозят пытки, и не рассмотрели в порядке судебного надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Он далее отмечает утверждения государства-участника, будто заявитель и его адвокат были поставлены в известность о праве просить об услугах переводчика, но не сделали это; что УВКБ³⁹, поначалу не согласившись с решением по итогам рассмотрения ходатайства, позднее оставило за государством-участником право принять решение по вопросу об экстрадиции заявителя. Помимо этого государство-участник выразило то мнение, что процедура экстрадиции соответствовала и внутренним, и международным нормам и что суды, рассматривавшие апелляционные жалобы заявителя по поводу решения об экстрадиции, не правомочны рассматривать в порядке надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства об убежище. Комитет надлежащим образом принимает во внимание заявление государства-участника о полученных от узбекских властей заверениях в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по соображениям расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он... отмечает предоставленную адвокатом информацию о том, что после экстрадиции в Узбекистан заявитель был приговорен там к 16 годам тюремного заключения, при том что в ходе уголовного следствия он, предположительно, подвергался давлению и жестокому обращению, что стало причиной вынужденного признания заявителем вины за преступления и его молчания в ходе судебных слушаний. И, наконец, Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что существо уголовного дела согласуется с обвинениями против заявителя, указанными в запросе об экстрадиции, и что вынесенный приговор не ставил целью подвергнуть его репрессиям или пыткам (п. 9.5 решения).

Комитет отмечает, что заявитель, по имеющимся сообщениям, исповедует свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Он... отмечает, что заявитель был экстрадирован по запросу Узбекистана, в котором содержались обвинения в тяжких преступлениях, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что он может представлять угрозу его интересам и безопасности. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Казахстана

³⁹ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

обеспокоенность в связи с принудительным возвращением людей в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также в связи с отсутствием информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении (см. САТ/С/КАЗ/СО/2, п. 15). Он...отмечает, что принцип невысылки, закрепленный в ст. 3 Конвенции, носит абсолютный характер и что возможная угроза безопасности не освобождает государство-участника от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать («*refouler*») лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток⁴⁰ (п. 9.7 решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как исходя из его собственных заключительных замечаний, так и в свете предоставленной ему в данном случае информации существование в Узбекистане практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и серьезной угрозы применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов, является в достаточной мере доказанным. В связи с этим он отмечает утверждения заявителя о том, что до отъезда в Казахстан он был объектом преследований по религиозным мотивам, включая помещение под стражу и пытки (п. 9.8 решения).

В данном случае Комитет отмечает, что заявитель, который ранее подвергался преследованиям в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений и был обвинен в создании в стране экстремистской организации и терроризме и экстрадирован государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировал наличие для него предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В этих условиях суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проанализировать вероятность применения пыток в отношении заявителя, руководствуясь положениями как национального законодательства (п. 5 ст. 532 Уголовно-процессуального кодекса), так и международными нормами (например, ст. 3 Конвенции). Поэтому Комитет приходит к заключению о том, что власти государства-участника не выполнили своего долга – не повели

⁴⁰ См., *mutatis mutandis*, сообщения № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*; № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 г.; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 г., п. 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, решение, принятое 16 ноября 2007 г.

индивидуальную оценку риска перед возвращением заявителя в Узбекистан (п. 9.9 решения).

Касаясь дипломатических заверений, полученных государством-участником от узбекских властей в качестве достаточной защиты от этой явной угрозы, Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдение принципа невысылки. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, ведет ли оно мониторинг в той или иной форме в период после выдворения и предпринимает ли оно какие-либо меры, призванные обеспечить объективность, беспристрастность и достаточную убедительность этого мониторинга (п. 9.10 решения).

Выводы Комитета: экстрадиция государством-участником заявителя в Узбекистан является нарушением ст. 3 Конвенции⁴¹ (п. 9.9 решения).

Сообщение: *И. И. И. против Швейцарии.* Сообщение № 491/2012. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: высылка заявительницы в Эфиопию.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: заявительница утверждает, что была сторонницей ФОО⁴², что участвовала в деятельности «Меча-тулема» в Эфиопии, что в мае 2004 года провела 25 часов в полицейском участке, где сотрудники полиции избивали ее, и что позднее встретила арестовавшего ее полицейского, который заявил, что знает о ее членстве в ФОО. Комитет ... принимает к сведению замечания государства-участника относительно неубедительности доводов заявительницы, в том числе относительно того, что она делала противоречивые заявления о своих отношениях с ФОО и «Меча-тулема» и принадлежности к этим организациям, что она прожила в Эфиопии более двух лет после ее предполагаемого задержания в мае 2004 года и не имела никаких проблем с властями, что она законным путем и с паспортом на руках покинула страну и что во время собеседования при рассмотрении ее первого ходатайства о предоставлении убежища она заявила, что покинула страну, чтобы вырваться из нищеты (п. 7.4 решения).

⁴¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

⁴² Фронт освобождения оромо.

Комитет отмечает, что заявительница не представила никаких объективных доказательств, подтверждающих ее рассказ о событиях, предположительно произошедших в Эфиопии до ее отъезда. В своих комментариях к замечаниям государства-участника она утверждает, что государство-участник не провело независимой медицинской оценки ее утверждений о пытках, хотя во время собеседования 30 августа 2007 г. она в разговоре с властями упомянула о наличии у нее шрама, ставшего следствием жестокого обращения, которому она подверглась, находясь под стражей в Эфиопии. Комитет изучил все имеющиеся у него материалы и отмечает, что во время первого собеседования, связанного с ее первым прошением о предоставлении убежища, заявительница упомянула, что, когда она находилась под стражей в Эфиопии, сотрудник полиции ударил ее в грудь, а затем, когда она лежала на полу, наступил ей на спину сапогами, в результате чего у нее остался шрам; врач в центре временного размещения беженцев спросил ее об этом шраме, но она не стала ему рассказывать о его происхождении; для определения его причин в центре должно было быть проведено дополнительное медицинское обследование. Заявительница не сообщала Комитету об отказе государства-участника провести такое обследование. Она также не называла никаких причин, которые могли бы помешать ей обратиться с просьбой о проведении подобного обследования, не объяснила, почему она не упомянула об этом в своей апелляции или во втором прошении о предоставлении убежища⁴³. В материалах дела не содержится никакой информации о том, требовались ли дополнительные медицинские обследования заявительницы. Тем не менее Комитет напоминает, что факт жестокого обращения в прошлом является лишь одним из элементов, подлежащих учету, и поэтому Комитету надлежит решить, угрожает ли в настоящее время заявительнице опасность применения пыток в случае ее возвращения в Эфиопию⁴⁴. Комитет считает, что, даже если предположить, что заявительница подвергалась в прошлом жестокому обращению со стороны полиции, из этого не следует вывод, что почти десять лет спустя после предполагаемых событий ей по-прежнему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению по возвращении в Эфиопию⁴⁵ (п. 7.5 решения).

⁴³ См. сообщение № 458/2011, *Кс. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., п. 9.4.

⁴⁴ См., например, сообщения № 61/1996, *Х.У. и Z. против Швеции*, решение, принятое 6 мая 1998 г., п. 11.2; и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, решение, принятое 14 ноября 2012 г., п. 7.7.

⁴⁵ См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, решение, принятое 21 мая 2013 г., п. 7.7.

Заявительница также утверждает, что была активным членом швейцарского отделения ФОО, что зафиксировано на фотографиях, размещенных в Интернете. Комитет также принимает к сведению утверждение заявительницы о том, что эфиопские власти пользуются современными техническими средствами для слежки за эфиопскими диссидентами за рубежом. Однако Комитет отмечает, что она не пояснила данное утверждение и не представила никаких доказательств в его подтверждение. Комитет также отмечает, что государство-участник подвергло сомнению это утверждение (п. 7.6 решения).

По мнению Комитета, заявительница не представила достаточных доказательств того, что ее политическая деятельность имеет такое значение, что не может не привлечь внимания эфиопских властей, равно как и доказательств того, что власти ее родной страны разыскивают ее и что ей лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию. Соответственно, Комитет делает вывод, что предоставленная заявительницей информация, дающая лишь смутное представление о характере ее политической деятельности в Эфиопии до ее отъезда из этой страны и свидетельствующая о невысоком уровне ее политической деятельности в Швейцарии, не является достаточным доказательством того, что ей лично угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Эфиопию. Комитет беспокоят многочисленные сообщения о нарушениях прав человека в Эфиопии⁴⁶, включая сообщения о применении пыток, в том числе в отношении представителей народности оромо, однако он напоминает, что для целей ст. 3 Конвенции угроза пыток, которым может подвергнуться соответствующее лицо в случае его возвращения, должна быть предсказуемой, реальной и личной. В данном случае Комитет считает такую угрозу недоказанной (п. 7.6 решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 72780/12 «*Мурадели против России*» (вынесено 9 апреля 2015 г., вступило в силу 9 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался в соответствии со ст. 8 и 13 Конвенции на то, что постановление об административном выдворении с территории

⁴⁶ Комитет отмечает, что Эфиопия также является государством – участником Конвенции, и ссылается на свои Заключительные замечания 2011 года (см. САТ/С/ЕТН/СО/1, пп. 10–14).

Российской Федерации нарушило его право на уважение частной и семейной жизни.

Европейским Судом обращено внимание на то, что «...статья 8 не может рассматриваться в качестве налагающей на государство общее обязательство по уважению выбора места проживания семейной парой или по разрешению воссоединения семьи на его территории. Тем не менее, в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с особыми обстоятельствами соответствующих лиц и общественной заинтересованности» (п. 70 постановления).

Суд напомнил о факторах, которые принимаются во внимание в данном контексте:

- рамки связей в государстве-участнике Конвенции;
- наличие непреодолимых препятствий в отношении пребывания семьи в родной стране соответствующего иностранного гражданина;
- вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений иммиграционного законодательства) или случаи несоблюдения общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд (п. 70 постановления).

Европейский Суд уточнил, что «...учитывая, что заявитель покинул Россию в марте 2011 года и впоследствии пытался повторно въехать в Россию, настоящая жалоба относится не к ситуации оседлого мигранта, но к ситуации иностранного гражданина, добывающегося разрешения на въезд в страну» (п. 74 постановления).

Суд установил, что «...когда в ходе проверки документов полицией... заявитель не представил документов, разрешающих его пребывание в России, он объяснил, что, полагая, что он может въехать в Россию из Республики Беларусь без визы, он приехал в Россию для решения определенных коммерческих вопросов и собирался уехать после их решения. Заявитель не упомянул свою семью в качестве причины его приезда в Россию. Также его семья не была упомянута в судебных разбирательствах в районном суде, который признал заявителя виновным в нарушении иммиграционных правил» (п. 75 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...в соответствии с утверждениями заявителя, после его выдворения из России он принял решение поселиться в Республике Беларусь. Так как русский язык является одним из двух официальных языков в Республике Беларусь, Суд не видит

непреодолимых препятствий для переезда семьи заявителя в выбранную им страну» (п.76 постановления).

Суд особо подчеркнул, что «...несмотря на неоднократные нарушения иммиграционных правил, заявителю были предоставлены широкие возможности урегулирования его пребывания в России... после того, как он не обратился за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2004 году и был признан виновным в совершении административного правонарушения на этом основании в апреле 2006 года, новое разрешение на временное проживание было предоставлено ему в августе 2006 года, несмотря на то, что его запрос о продлении срока действия был подан с опозданием на два года... После того, как заявитель вновь не обратился вовремя за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2009 году, его заявление было отклонено. Тем не менее, хотя заявителю было указано покинуть Россию по истечении срока действия его разрешения на временное проживание, иммиграционные органы власти особым образом указали, что он может повторно въехать в Россию после исполнения иммиграционных правил... Однако заявитель решил пренебречь упомянутым постановлением и остаться в России незаконно. Когда органам власти стало известно об этом и они.. признали его виновным в совершении административного правонарушения в отношении пребывания в России после истечения срока действия его разрешения на временное проживание, они не вынесли постановление об его административном выдворении, что повлекло бы пятилетний запрет на въезд, а предоставили ему транзитную визу, чтобы он мог покинуть Россию в законном порядке» (п. 78 постановления).

Суд пришел к выводу, что «... поведение заявителя говорило о постоянном пренебрежении законами, правилами и общественным порядком страны проживания... российские органы власти не несли обязательства по разрешению пребывания заявителя в России... Таким образом, нарушение статьи 8 Конвенции не было допущено» (пп. 81–83 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66373/13 «Халиков против России» (вынесено 26 февраля 2015 г., вступило в силу 6 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался, что в случае его возвращения в Узбекистан для него существует реальный риск подвергнуться пыткам и ненадлежащему обращению в нарушение ст. 3 Конвенции, что он не мог добиться судебного контроля содержания под стражей в соответствии с п. 4 ст. 5 Конвенции, а также утверждал, что содержание его в

специальном учреждении в целях выдворения нарушало подп. «б» п. 1 ст. 5 Конвенции.

Суд отметил, что заявитель «... разыскивался узбекскими властями по обвинениям в предполагаемом членстве в мусульманском экстремистском движении и угрозе государственной безопасности. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления о задержании заявителя. Таким образом, он находится в аналогичной ситуации с теми мусульманами, которые в связи с совершением богослужений вне официальных учреждений и правил обвинялись в религиозном экстремизме или членстве в запрещенных религиозных организациях и в этой связи... подвергались повышенной угрозе жестокого обращения» (п. 52 постановления).

Европейский Суд установил, что «... существование национальных законов и международных договоров, гарантирующих уважение основных прав, само по себе не является достаточным для обеспечения достаточной защиты от жестокого обращения, когда, как в настоящем деле, надежные источники сообщают о действиях, которые явно противоречат принципам Конвенции и совершаются или допускаются органами власти... дипломатические заверения также не способны сами по себе предотвратить риск подвергнуться жестокому обращению и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к заверениям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются... внутригосударственные органы власти, а также Власти в своих доводах в Суде использовали обобщенные и неконкретизированные аргументы в попытке опровергнуть заявления о риске подвергнуться ненадлежащему обращению в связи с вышеуказанными обстоятельствами» (п. 53 постановления).

Суд посчитал, что «...были представлены существенные основания, чтобы полагать, что заявитель подвергается риску обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае депортации в Узбекистан» (п. 54 постановления).

В отношении содержания заявителя в специальном учреждении в целях выдворения Европейский Суд отметил, что «...основной акцент жалобы заявителя по п. 4 ст. 5 был направлен не на первоначальное решение о помещении его под стражу, а на невозможность добиться судебного пересмотра его содержания под стражей по истечении определенного времени» (п. 64 постановления).

Суд установил, что «...российские власти должны обеспечить создание в своем внутреннем правопорядке механизма, позволяющего лицам инициировать проверку законности их содержания под стражей до выдворения исходя из течения процесса депортации... Поскольку

заявитель не имел в своем распоряжении процедуры, позволяющей произвести судебный пересмотр законности его содержания под стражей, Суд усматривает нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пп. 65–66 постановления).

В отношении нарушения подп. «f» п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с жалобой заявителя на период, в течение которого он находится под стражей в связи с его административным выдворением, Суд отметил, что «... До того как органы власти вынесли решение о помещении заявителя в специальное учреждение в целях выдворения, он уже в течение шести месяцев содержался под стражей с целью экстрадиции. При вынесении решения о помещении заявителя в специальное учреждение до выдворения суды не устанавливали точно определенного срока его содержания под стражей... Таким образом, после истечения этого срока задержанный должен быть освобожден» (п. 73 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...в российском законодательстве нет положений, которые позволили бы заявителю инициировать производство по проведению судебного пересмотра его содержания под стражей до выдворения, а также не применяется процедура автоматического пересмотра его содержания под стражей через равные промежутки времени... [соответственно] имело место нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пп. 75, 76 постановления).

В сфере гражданско-правовых и процессуальных правоотношений

Условия лишения свободы. Запрет пыток.
Компенсация вреда (ущерб)

Комитет против пыток

См. также *Хильда Мариолин Эрнандес Кольменарес и Франсиско Артуро Герреро Санчесом против Боливарианской Республики Венесуэла*. Сообщение № 456/2011. Решение принято Комитетом против пыток 15 мая 2015 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 5682/06 «*Сергей Зубарев против России*» (вынесено 5 февраля 2015 г., вступило в силу 5 мая 2015 г.).

Заявитель жаловался на нарушение ст. 6 и 13 Конвенции в связи с тем, что своим отказом в принятии его искового заявления российские суды лишили его доступа к правосудию.

Европейский Суд установил, что в данном деле «...российские суды отказались рассматривать иски заявителя в связи неприкосновенностью судей, которая ограждает их от привлечения к какой-либо ответственности за должностные действия, совершенные при отправлении правосудия» (п. 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...предоставленный судье иммунитет от привлечения к ответственности за действия, совершенные ею при осуществлении правосудия в качестве председательствующего судьи по гражданскому делу, может рассматриваться как законная цель, в частности, для защиты интересов правосудия» (п. 32 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...утверждения, которые заявитель счел порочащими его деловую репутацию, были сделаны судьей в рамках жалобы, направленной в областную коллегия адвокатов в порядке, предусмотренном российским правом. Эти утверждения не распространялись в средствах массовой информации... заявитель не указал, что данные утверждения были известны кому-либо еще, кроме органов адвокатского объединения... рассматриваемые утверждения получили распространение в очень узком кругу» (п. 34 постановления).

Суд также отметил, что «...у заявителя была возможность оспорить достоверность заявлений судьи в рамках дисциплинарного судопроизводства» (п. 35 постановления).

Таким образом, в данном деле Европейский Суд пришел к выводу о наличии разумной соразмерности между судьейской неприкосновенностью при отправлении правосудия и законной целью, преследуемой в интересах общества, и постановил, что нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции допущено не было.

См. также приводимое ниже постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25435/06 «Беленко против России» (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

В сфере социально-трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: *Мария-Луиза Юнгелин против Швеции*. Сообщение № 5/2011. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 2 октября 2014 г.

Тема сообщения: процедура трудоустройства и надлежащие усовершенствование и переоборудование рабочего места.

Вопросы существа: равенство и недискриминация; равенство перед законом; работа и занятость.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пп. а), е), g) и i) ст. 27 Конвенции государство-участник несет обязательство запретить дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; нанимать инвалидов в государственном секторе, а также обеспечивать инвалидам разумное приспособление рабочего места. Комитет далее напоминает, что в соответствии со ст. 2 Конвенции «разумное приспособление» означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод. Комитет далее отмечает, что положения пп. 1 и 2 ст. 5 налагают на государство-участника общие обязательства признавать, что все лица равны перед законом и по нему имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, а также запрещать любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантировать инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации по любому признаку (п. 10.4 решения).

Комитет полагает, что при оценке разумности и соразмерности мер приспособления государства-участники обладают определенной свободой усмотрения. Кроме того, он считает, что, как правило, оценка фактов и доказательств в конкретном случае осуществляется судами государств-участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии⁴⁷ (п. 10.5 решения).

⁴⁷ См., например, Комитет по правам человека, сообщения № 1329/2004 и № 1330/2004, *Перес Мунуэра и Эрнандес Матео против Испании*, решение о неприемлемости, принятое 25 июля 2005 г., п. 6.4; сообщение № 1540/2007, *Махмуд*

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает довод государства-участника о том, что Комитет не вправе рассматривать сообщение по существу, поскольку в нем автор стремится добиться проведения изучения *in abstracto*⁴⁸ вопроса о совместимости национального законодательства в области дискриминации с Конвенцией. Комитет напоминает, что для того, чтобы автор считался жертвой, ему недостаточно заявить, что самим фактом существования какой-либо закон нарушает его права⁴⁹. В этом случае автор полагает, что Закон 1999 года был применен не в ее пользу. Внимание Комитета, таким образом, обращено не на Закон 1999 года *in abstracto*, а на вопрос его прямого применения Судом по трудовым спорам при рассмотрении дела автора (п. 10.2 решения).

В данном случае вопрос заключается в том, является ли постановление Суда по трудовым спорам от 2010 года⁵⁰ нарушением

Валид Накраш и Лю Цифэнь против Швеции, решение о неприемлемости, принятое 30 октября 2008 г., п. 7.3.

⁴⁸ Отвлеченно, абстрактно.

⁴⁹ См. сообщение № 318/1988, *Е.Р. и другие против Колумбии*, решение о неприемлемости от 25 июля 1990 года, п. 8.2; и сообщение № 35/1978, *Омерудди-Чиффра и 19 других маврикийских женщин против Маврикия*, Соображения приняты 9 апреля 1981 г., п. 9.2.

⁵⁰ В марте 2008 года Омбудсмен подал от имени автора ходатайство в Суд по трудовым спорам. В нем утверждалось, что автор обладает необходимой квалификацией для работы на должности сотрудника по изучению/оценке и что Агентство социального страхования могло предоставить ей доступ к вспомогательным средствам и личному помощнику для снижения влияния ее нарушения настолько, что наличие у нее проблем со зрением не повлияло бы на решение о принятии ее на работу. 17 февраля 2010 г. Суд по трудовым спорам отклонил ходатайство Омбудсмена. Он пришел к заключению, что степень пригодности автора для заполнения вакантной должности должна определяться с учетом всех функций, которые работник должен выполнять на данной должности, т.е. она должна быть в состоянии обрабатывать пособия по болезни и компенсации в связи с болезнью в СОВ («система отслеживания вопросов»), а также работать с СОВ и вспомогательными системами таким образом, чтобы быть в состоянии осуществлять оценку и считывание информации в компьютеризированных системах, переключаться между программами и активно использовать их в качестве рабочих инструментов. Эти функции предполагают также работу с рукописными текстами — задачу, которая, несмотря на сокращение количества составленных от руки документов, не может считаться второстепенной на должности сотрудника по изучению и анализу документации. Суд провел оценку различных мер поддержки и адаптации, предложенных Омбудсменом, и в свете мнений свидетелей и экспертов, представленных обеими сторонами, постановил, что ее результаты свидетельствуют о нецелесообразности мер поддержки и адаптации, которые Агентству социального страхования необходимо было бы принять, с тем чтобы организовать для автора такие же рабочие условия, как и для работника без нарушения зрения. Таким

прав автора в соответствии со ст. 5 и 27 Конвенции. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что решение Суда по трудовым спорам является дискриминационным, поскольку в нем не была дана надлежащая оценка возможности Агентства социального страхования принять меры поддержки и адаптации своих внутренних компьютерных систем с учетом ее нарушений зрения, с тем чтобы она могла выполнять профессиональные обязанности, связанные с должностью сотрудника по оценке/изучению документов, на которую она подала заявление, и в нем не был принят во внимание тот факт, что адаптация компьютерной программы Агентства социального страхования была бы полезна в будущем для любых возможных сотрудников с нарушениями зрения (п. 10.3 решения).

В данном случае Комитет считает, что Суд по трудовым спорам тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Агентством социального страхования, прежде чем прийти к выводу о том, что меры поддержки и адаптации, рекомендованные Омбудсменом, будут представлять собой неоправданное бремя для Агентства социального страхования. Кроме того, Комитет считает, что автор не представила каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет не может сделать вывод о том, что на момент вынесения Судом по трудовым спорам своего постановления принятое решение не было основано на объективных и разумных соображениях. Следовательно, Комитет считает, что он не может признать факт нарушения ст. 5 и 27 Конвенции (п. 10.6 решения).

Выводы Комитета: представленные факты не представляют собой нарушения ст. 5 и 27 Конвенции (п. 11 решения).

Сообщение: *С. К. против Бразилии*. Сообщение № 10/2013. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 2 октября 2014 г.

Тема сообщения: политика работодателя, допускающая понижение в должности после длительного отпуска по медицинским показаниям.

Вопросы существа: определение инвалидности.

Правовые позиции Комитета: Комитет считает, что согласно ст. 1 Конвенции к числу инвалидов относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, но не ограничиваются ими, которые при взаимодействии

образом, автор не обладает необходимой степенью пригодности для должности сотрудника по изучению/оценке документации (пп. 2.5 и 2.8 решения).

с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими (п. 6.3 решения).

Комитет полагает, что различие между болезнью и инвалидностью заключается в степени, а не в существовании физического расстройства. Нарушение здоровья, которое изначально рассматривается как болезнь, может привести к потере трудоспособности и инвалидности вследствие его продолжительности или хронического характера. Правозащитная модель инвалидности требует учета разнообразия инвалидов (преамбула, п. «i») наряду со взаимодействием между инвалидами, а также поведенческими и экологическими барьерами (преамбула, п. «e»). Комитет также отмечает, что п. 4 ст. 4 Конвенции не ущемляет обязательства государства-участника, закрепленные в других правозащитных документах, стороной в которых оно является, в частности в Межамериканской конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении инвалидов. Комитет отмечает, что в последней Конвенции «инвалидность» определяется как физическое, психическое или сенсорное нарушение, будь то постоянное или временное, которое ограничивает способность выполнять один или более основных видов деятельности в повседневной жизни и которое может быть вызвано или обострено экономической или социальной средой (п. 6.3 решения).

Комитет считает, что дискриминация может являться следствием дискриминационных последствий какого-либо правила или меры, которые на первый взгляд являются нейтральными и не имеют своей целью дискриминацию, однако несоразмерно затрагивают инвалидов (п. 6.4 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что автор жалуется на нарушение пп. b) и e) ст. 3; пп. a), b), d) и e) ст. 4; пп. 1 и 2 ст. 5; и пп. a) и b) ст. 27 Конвенции⁵¹, утверждая, что политика «Банку ду Бразил» предусматривающая отстранение от должности сотрудника по прошествии трех месяцев нахождения в отпуске по медицинским показаниям, является дискриминационной по признаку инвалидности и стала причиной отстранения ее от должности в 2009 году, когда она оставалась в отпуске по медицинским показаниям более трех месяцев из-за травмы, в результате которой ее здоровью был нанесен устойчивый вред. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что нарушения происходили и в 2010 году, когда «Банку ду Бразил» отказал ей в просьбе о переводе в другое отделение ближе к дому вследствие ее инвалидности. Комитет отмечает утверждение

⁵¹ Конвенция о правах инвалидов.

государства-участника о том, что травма колена автора не является причиной инвалидности по смыслу ст. 1 Конвенции, поскольку при наличии рассматриваемых фактов у нее была диагностирована временная потеря трудоспособности и она не представила надлежащих доказательств о долговременной потере трудоспособности, и что поэтому ее сообщение не подпадает в сферу компетенции Комитета *ratione materiae*⁵²... В данном случае представленная сторонами информация не препятствует Комитету считать, что физические нарушения автора при взаимодействии с различными барьерами на самом деле мешали ее полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. ... Комитет также считает, что ст. 2 Факультативного протокола⁵³ не препятствует изучению им сообщения (п. 6.3 решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в просьбе автора о переводе было отказано из-за излишка сотрудников в соответствующем отделении, а не по причине ее инвалидности и что поэтому ее жалоба не является обоснованной. Комитет отмечает, что проводимая Банком политика отстранения от должности сотрудников применяется ко всем сотрудникам, которые находились в отпуске по медицинским показаниям более трех месяцев, независимо от конкретной причины. Он также принимает во внимание утверждение государства-участника о том, что отказ в переводе в другое отделение, а также проводимая Банком политика отстранения от должности применяется в целях поддержания баланса между числом сотрудников в разных отделениях... Комитет поэтому считает, что рассматриваемый им вопрос состоит в том, оказала ли политика Банка, предусматривающая отстранение от должности лиц, находившихся в отпуске по медицинским показаниям более 90 дней, несоразмерное негативное влияние на автора, и что п. е) ст. 2 Факультативного протокола не препятствует изучению им указанного сообщения (п. 6.4 решения).

Комитет принимает во внимание довод государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку она не обратилась с жалобой во внутренние суды по поводу того, что ее отстранение от должности было связано с ее инвалидностью. Комитет принимает к сведению тот факт, что автор подала в Верховный суд по трудовым спорам апелляцию в связи с жалобами по Конвенции и что эта апелляция была без рассмотрения ее

⁵² Компетенция Комитета рассматривать сообщения с учетом предмета возникшего вопроса.

⁵³ К Конвенции о правах инвалидов.

по существу отклонена, поскольку автор не была представлена адвокатом, как это предусмотрено законом. Комитет также отмечает, что Бюро государственного защитника отказало автору в просьбе о бесплатной юридической помощи за отсутствием существа в этой просьбе, автор связалась с адвокатом, который отказался ее представлять. Однако автор не обосновала отсутствие у нее каких-либо других вариантов обеспечения ее юридического представительства. В данных обстоятельствах Комитет считает, что п. d) ст. 2 Факультативного протокола⁵⁴ не позволяет ему рассматривать это сообщение (п. 6.5 решения).

Выводы Комитета: сообщение является неприемлемым по п. d) ст. 2 Факультативного протокола.

Сообщение: *А. Ф. против Италии*. Сообщение № 9/2013. Решение принято Комитетом по правам инвалидов (далее – Комитет) 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: процесс набора персонала; дискриминация в процессе применения национального законодательства о праве инвалидов на трудоустройство.

Вопросы существа: труд и занятость.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии со ст. 27 Конвенции государства-участники несут обязанность запрещать дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе, и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; принимать на работу инвалидов в государственном секторе; обеспечивать инвалидам разумное приспособление для рабочего места (п. 8.3 решения).

Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному случаю осуществляется судами государств-участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии⁵⁵ (п. 8.4 решения).

⁵⁴ В силу указанного положения «Комитет считает сообщение неприемлемым, когда: ... исчерпаны не все имеющиеся внутренние средства защиты. Это правило не применяется, когда применение средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет действенный эффект».

⁵⁵ См. *Юнгелин против Швеции*, п. 10.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в 2006 году автор работал в качестве интерна в Техническом департаменте Университета Модены и Реджо-Эмилии. 2 мая 2006 г. Университет опубликовал конкурсные экзамены в категории С для заполнения должности научно-технического эксперта в инженерно-техническом отделе. Учитывая, что эта должность соответствовала его квалификации и опыту работы, автор решил сдать экзамен. В преамбуле конкурсных экзаменов Университета дана ссылка на закон № 68/1999. По словам автора, согласно этому закону при равных результатах инвалиды должны иметь приоритет по сравнению с другими кандидатами. Результаты открытых экзаменов были официально опубликованы в соответствии с указом от 22 сентября 2006 г. № 595; автор занял третье место с результатом 50,5 из 60⁵⁶. В приеме на работу ему было отказано, так как вакантной была только одна должность. 17 апреля 2008 г. Университет объявил второй открытый конкурсный экзамен на аналогичную должность научно-технического эксперта категории С. Поскольку этот экзамен проводился для кандидатов из числа бывших военнослужащих, автор не смог принять в нем участие (п. 2.2 решения).

Автор утверждает, что, несмотря на то, что он показывал хорошие результаты во всех открытых конкурсных экзаменах, которые он сдавал, ни один из них не увенчался для него успехом, так как установленная в п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999 квота ни в одном из случаев не была соблюдена. 17 февраля 2007 г. автор подал жалобу в Региональный административный суд Болоньи, требуя приостановления и отмены открытого экзамена из-за нарушения положений п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999. Он также потребовал, чтобы в случае, если суд подтвердит результаты конкурсного экзамена, ему была предоставлена эквивалентная должность, поскольку он был признан подходящим кандидатом для данной должности, но не получил ее в силу ненадлежащего толкования закона. 7 мая 2007 г. Административный суд отклонил иск автора и постановил, что Университет имел право действовать в рамках соглашения со службой занятости провинции Модена о заполнении 7-процентной квоты, подписанного им 20 декабря 2005 г., но это соглашение не гарантирует автору выбор его кандидатуры и назначение на должность. 4 июня 2008 г. автор обжаловал это решение в Государственный совет – административный суд высшей инстанции. Государственный совет отклонил апелляционную жалобу автора 4 декабря 2009 г., отметив, что 50-процентная квота для инвалидов применяется ко всем открытым конкурсным экзаменам и имеет своей целью обеспечение соблюдения

⁵⁶ Первые два кандидата получили 52,5 из 60 и 51 из 60 баллов соответственно.

общей квоты для инвалидов, работающих в государственных структурах, без учета конкретного рода должности. Кроме того, Государственный совет отметил, что Университет не нарушил правило 50-процентной квоты, поскольку «50% одной должности приравнивается к нулю»⁵⁷ (п. 2.3 решения).

В данном случае вопрос заключается в том, является ли постановление Государственного совета от 2009 года нарушением прав автора в соответствии со ст. 27 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что решение Государственного совета об отклонении его ходатайства о приостановлении и отмене открытого конкурсного экзамена 2006 года носит дискриминационный характер и нарушает его права как инвалида в соответствии с п. 2 ст. 7 Закона № 68/1999 (п. 8.2 решения).

Комитет считает, что автор не представил каких-либо аргументов, которые позволили бы Комитету сделать вывод о том, что положения национального законодательства и его применение представляют собой нарушение его индивидуальных прав, предусмотренных Конвенцией. Комитет также считает, что Государственный совет тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Университетом Модены и Реджо-Эмилии, прежде чем сделал вывод о том, что отказ в приеме на работу автора не носил дискриминационного характера. Комитет считает, что автор не представил каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная Государственным советом оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет постановляет, что вынесенное решение было основано на объективных и разумных соображениях (п. 8.5 решения).

Выводы Комитета: представленные факты не являются нарушением ст. 27 Конвенции (п. 9 решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 30711/03 *«Коберник против России»* (вынесено 11 июня 2015 г., вступило в силу в тот же день).

Заявитель жаловался, что отмена решения от 21 января 2003 г.,⁵⁸ вынесенного в его пользу, с учетом того факта, что оно было оставлено

⁵⁷ В п. 2 ст. 4 Закона № 68/1999 предусмотрено, что при проведении расчетов части процентной доли, которые составляют более 0,5, считаются составляющими целое.

⁵⁸ 21 января 2003 г. городской суд вынес решение, предписывающее увеличить ежемесячное пособие, причитающееся заявителю, в соответствии с величиной прожиточного минимума. При

без изменений в кассационном порядке, нарушила его право по п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола №1.

Суд напомнил, что «...в целях соблюдения принципа правовой определенности, который закреплен в статье 6 Конвенции, окончательные решения, по общему правилу, не должны ставиться под сомнение. Отступления от этого принципа оправданы, только если они необходимы для исправления фундаментальных ошибок. Одна лишь возможность существования двух точек зрения по данному вопросу не является основанием для пересмотра» (п. 21 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...в любом случае, окончательное решение в пользу заявителя было отменено только на том основании, что суды нижестоящих инстанций неверно истолковали существующее внутригосударственное законодательство... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола №1» (пп. 22–23 постановления).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Х.Н.Г.П. против Уругвая*. Сообщение № 2395/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: ведение судебного разбирательства по уголовному делу.

Вопрос существа: право на жизнь; запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; произвольное задержание; судебное разбирательство по уголовному делу без соблюдения надлежащей правовой процедуры; *ne bis in idem*; запрет на дискриминацию и равенство перед законом.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правовую практику, в соответствии с которой именно судам государств-участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-

пересчете суммы пособия заявителя суд применил коэффициент 1,92, основанный на данных, предоставленных областным комитетом статистики. В результате ежемесячное пособие увеличилось до 4 800 российских рублей, а ежемесячная надбавка на питание увеличилась до 576 рублей. Суд предписал ответчику выплатить заявителю пересчитанную сумму с 1 января 2002 г. за вычетом уже выплаченных сумм. 16 апреля 2003 г. решение было оставлено без изменений по результатам рассмотрения кассационной жалобы Ростовским областным судом и вступило в законную силу.

либо конкретном деле, кроме тех случаев, когда может быть доказано, что такая оценка или применение носили явно произвольный характер, были очевидно ошибочны или представляли собой отказ в правосудии⁵⁹ (п. 9.6 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что тюремное заключение сроком на 25 лет на практике сопоставимо с пожизненным лишением свободы и что с учетом его преклонного возраста и плохого состояния здоровья, отказ удовлетворить ходатайство о его переводе под домашний арест, несмотря на рекомендацию Международного комитета Красного Креста, представляет собой нарушение ст. 6 и 7 Пакта. Комитет принимает к сведению также аргументы государства-участника по поводу того, что с начала предварительного заключения автора и до настоящего времени оно принимает все необходимые меры для защиты жизни, личной безопасности и физического и психического здоровья автора, гарантируя ему достойное обращение, и что домашний арест является исключительной мерой и применяется в том случае, если жизни человека угрожает серьезная опасность в силу состояния его здоровья (п. 9.2 решения).

Комитет отмечает, что судебные власти определили меру наказания автора согласно закону и в соответствии с тяжестью совершенных им преступлений и характером причиненного ущерба. ... Комитет отмечает, что автор страдает от различных заболеваний и слаб здоровьем и что медицинские отчеты свидетельствуют о его подверженности риску скорострительной смерти. Тем не менее в течение трех последних лет автор отбывает наказание не в обычном пенитенциарном учреждении, а в военном госпитале. Автор не сделал соответствующего заявления Комитету и не представил убедительных доказательств, указывающих на то, что медицинский уход и лечение в военном госпитале являются недостаточными, а также не объяснил, по каким причинам под домашним арестом его жизни и здоровью будет угрожать меньшая опасность. Кроме того, он не заявил, что власти собираются перевести его в центр содержания под стражей. Следовательно, в обстоятельствах данного конкретного дела Комитет не располагает достаточной информацией, свидетельствующей о нарушении ст. 6 и 7 Пакта (п. 9.3 решения).

Что касается п. 1 ст. 14 Пакта, то Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что судебные органы не были беспристрастны,

⁵⁹ См. сообщения № 1616/2007, *Мансано и др. против Колумбии*, решение, принятое 19 марта 2010 г., п. 6.4, и № 1622/2007, *Л. Д. Л. П. против Испании*, решение, принятое 26 июля 2011 г., п. 6.3.

поскольку вынесенный ему приговор и соответствующая мера наказания основывались на показаниях пристрастных свидетелей и информации, содержащейся в журналистских расследованиях и предвзятых публикациях; что на большинстве судебных разбирательств в отношении военнослужащих и сотрудников полиции обвинителем была М.Г., которая открыто высказывалась против вооруженных сил и была освобождена от своих функций режимом, правившим в государстве-участнике в 1973–1985 годах. Кроме того, суды не объявили срок давности по убийству, за которое автора судили в соответствии со ст. 117 и 119 Уголовного кодекса, а произвольно определили, что его отсчет начинается с 1 марта 1985 г. и что к делу автора применима концепция опасности, установленная в ст. 123 Уголовного кодекса, с тем чтобы продлить срок давности по этому преступлению на одну треть, не приняв во внимание возраст автора, состояние его здоровья и тот факт, что он никогда не скрывался от правосудия (п. 9.4 решения).

Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника по поводу того, что судебное разбирательство по делу автора проводилось независимыми и беспристрастными судами с соблюдением всех правовых гарантий; что суды сделали вывод об уголовной ответственности автора после изучения и оценки всех доказательств, свидетельствующих о его виновности, и что показания, полученные в ходе уголовного преследования по делу об убийстве при отягчающих обстоятельствах, указывают на высокую степень опасности автора, которая оправдывает продление срока давности согласно ст. 123 Уголовного кодекса. Кроме того, судебное решение о том, чтобы начать отсчет срока давности с 1 марта 1985 г., не было произвольным, и показания, полученные в судах, свидетельствуют о том, что автор несет ответственность за грубые и систематические нарушения прав человека, такие как насильственные исчезновения, пытки, внесудебные казни, произвольные и незаконные задержания, совершавшиеся в государстве-участнике в условиях гражданско-военной диктатуры в 1973–1985 гг. (п. 9.5 решения).

Комитет изучил материалы, представленные автором, в том числе решение Суда от 26 марта 2009 г. № 19, решение Апелляционного суда от 4 февраля 2010 г. и решение Верховного суда от 6 мая 2011 г., и считает, что упомянутые документы не доказывают, что судебное разбирательство по делу автора отличалось подобными недостатками. Комитет отмечает также, что определение в качестве точки отсчета срока давности 1 марта 1985 г. не было произвольным, поскольку оно согласовывалось с тем, что в этот день в государстве-участнике был восстановлен демократический режим, с тем, что до этой даты судебные власти на практике не располагали полными гарантиями и свободами

для осуществления уголовного преследования, и с тяжестью рассматриваемых деяний, которые могут быть приравнены к серьезным нарушениям прав человека, признанным в Пакте и других международных договорах. Таким образом, Комитет считает, что судебное разбирательство по уголовному делу автора не нарушило его прав в соответствии с п. 1 ст. 14 Пакта (п. 9.6 решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта (п. 10 решения).

Сообщение: *Юбой Кумари Катвал против Непала*. Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: насильственное исчезновение; право на жизнь.

Вопрос существа: право на жизнь; запрещение пыток и жестокого и бесчеловечного обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; уважение достоинства, присущего человеческой личности; право на признание правосубъектности; право на эффективное средство правовой защиты.

Правовые позиции Комитета: Комитет считает, что, хотя термин «насильственное исчезновение» конкретно не фигурирует ни в одной из статей Пакта, насильственное исчезновение составляет уникальную серию связанных деяний, представляющих собой длящееся нарушение различных прав, закрепленных в этом договоре (п. 11.3 Соображений).

Комитет признает степень мучительных страданий человека, находившегося неопределенное время без связи с внешним миром. Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 20 (1992) по ст. 7, в котором он рекомендует государствам-участникам принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без связи с внешним миром. В данном случае с учетом выводов Верховного суда Комитет приходит к заключению, что пытки, которым подвергся супруг автора, и его содержание без связи с внешним миром являются нарушением ст. 7 Пакта. Придя к такому заключению, Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать утверждения автора по п. 10 Пакта (п. 11.6 Соображений).

В связи с утверждениями автора, касающимися ст. 16, Комитет вновь обращает внимание на свою сложившуюся правовую практику, в рамках которой умышленное непредставление какому-либо лицу защиты закона в течение длительного времени может означать отказ в признании правосубъектности данного лица, если жертва находилась в руках представителей государства, когда ее видели в последний раз, и если для родственников жертвы создаются систематические препятствия

в получении доступа к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе к судебным⁶⁰ (п. 11.9 Соображений).

Комитет вновь указывает на то значение, которое он придает учреждению государствами-участниками надлежащих судебных и административных механизмов для рассмотрения утверждений о нарушениях прав в рамках внутреннего законодательства. Он ссылается на свое Замечание общего порядка № 31, в котором указывается, что отказ государства-участника от проведения расследования предполагаемых нарушений сам по себе может стать причиной отдельного нарушения Пакта (п. 11.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению оставшиеся не опровергнутыми утверждения автора о том, что г-н Катвал исчез 13 декабря 2001 г., когда он был направлен в военные казармы района Охалдунга; что, по словам свидетелей, видевших, как утром 14 декабря 2001 г. сотрудники силовых структур тащили его окровавленного, очевидно, находившегося в бессознательном состоянии, там его жестоко пытали; что до 2007 года не было ничего известно о его судьбе; что в этот период власти не сообщали автору правду о месте нахождения ее супруга. При отсутствии какой-либо иной существенной информации по данному делу Комитет считает, что лишение г-на Катвала свободы и последующее нежелание властей признать этот факт и сообщить правду о его судьбе представляют собой насильственное исчезновение (п. 11.2 Соображений).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что ее супруг был арестован представителями вооруженных сил государства-участника и содержался под стражей без связи с внешним миром с момента ареста до его предполагаемой смерти; что, хотя его в последний раз видели в декабре 2001 года, до 2007 года не было проведено никакого официального расследования. Комитет отмечает также, что созданная в 2006 году Верховным судом следственная группа по делам заключенных подтвердила, что г-на Катвала пытали сотрудники силовых структур и что он скончался от пыток 16 декабря 2001 г. Комитет отмечает далее, что тело г-на Катвала так и не было возвращено его семье (п. 11.4 Соображений).

⁶⁰ См. сообщение № 2051/2011, *Баснет против Непала*, Соображения, принятые 29 октября 2014 г., п. 8.7; сообщение № 2031/2011, *Бхандари против Непала*, Соображения, принятые 29 октября 2014 г., п. 8.8; сообщение № 1495/2006, *Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 28 октября 2008 г., п. 7.7, и сообщение № 1905/2009, *Хирани против Алжира*, Соображения, принятые 26 марта 2012 г., п. 7.9.

Государство-участник указало, что уголовное расследование по делу г-на Катвала продолжается. Однако Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило достаточно информации, подтверждающей, что такое уголовное расследование действительно ведется и что оно является эффективным. Спустя 13 лет после событий, о которых идет речь в данном деле, обстоятельства смерти г-на Катвала полностью не раскрыты и виновные не привлечены к ответу, хотя их имена, как утверждается, указаны в докладе следственной группы по делам заключенных. Более того, Верховный суд пришел к выводу о том, что г-н Катвал погиб от пыток, которые применяли к нему военнослужащие. Таким образом, Комитет считает, что убийство г-на Катвала в то время, когда он находился в руках военнослужащих, и отсутствие эффективного расследования со стороны государства-участника представляют собой нарушение права г-на Катвала на жизнь, предусмотренного в ст. 6 Пакта (п. 11.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению те страдания, которые пережила автор вследствие исчезновения своего супруга, неполучение ею адекватного возмещения от государства-участника, ее утверждения об угрозах в свой адрес и неправомерном обращении с ней, введение ее властями в заблуждение относительно места нахождения ее супруга, а также тот факт, что она по-прежнему не может получить доступ к его останкам. Комитет считает, что материалы дела свидетельствуют о нарушении ст. 7 Пакта в отношении автора сообщения (п. 11.7 Соображений).

В рассматриваемом деле до 2007 года власти неоднократно сообщали родственникам г-на Катвала вводящую в заблуждение информацию о его судьбе, делая невозможным его поиск. Не получив от государства-участника никаких комментариев на этот счет, Комитет считает, что насильственное исчезновение г-на Катвала лишило его защиты закона с момента его ареста в нарушение ст. 16 Пакта (п. 11.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению жалобу, поданную в соответствии с пп. 1–4 ст. 9 автором, которая указывает на отсутствие доказательств того, что ее супруг, который был арестован и помещен под стражу сотрудниками силовых структур, был уведомлен о причинах и основаниях его ареста и был доставлен к судье с тем, чтобы иметь возможность оспорить законность задержания. При отсутствии конкретной информации от государства-участника на этот счет к утверждениям автора необходимо отнестись с должным доверием. Соответственно, арест и задержание супруга автора являются нарушением ст. 9 Пакта (п. 11.10 Соображений).

Факты рассматриваемого дела свидетельствуют о том, что во время

содержания под стражей г-н Катвал не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты. После исчезновения супруга автор в процессе его поиска неоднократно обращалась к органам власти разных городов, получая от них вводящую в заблуждение информацию о его месте нахождения и его судьбе. Спустя 13 лет после ареста г-на Катвала, несмотря на усилия автора и постановление Верховного суда о возбуждении уголовного расследования, государство-участник так и не провело тщательного и эффективного расследования для выяснения точных обстоятельств его исчезновения и возможной гибели, а также для привлечения виновных к ответственности. Кроме того, выплаченные автору в качестве компенсации 300 000 непальских рупий не могут считаться адекватным возмещением, соразмерным тяжести совершенных нарушений. Соответственно, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 6, 7, пп. 1–4 ст. 9 и ст. 16 в отношении г-на Катвала и п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 7 в отношении самого автора сообщения (п. 11.11 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что предоставленная ему информация указывает на нарушение государством-участником ст. 6, 7, пп. 1–4 ст. 9, ст. 16, а также п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 6, 7, пп. 1–4 ст. 9 и ст. 16 Пакта в отношении г-на Катвала, а также ст. 7 и п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 7 Пакта в отношении самого автора (п. 12 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, в том числе: а) провести тщательное и эффективное расследование, с тем чтобы найти останки г-на Катвала и вернуть их семье; б) привлечь к ответственности, придать суду и наказать виновных в лишении свободы, пытках и насильственном исчезновении г-на Катвала, а также обнародовать эту информацию; и с) обеспечить автору в связи совершенными в отношении нее нарушениями эффективное возмещение ущерба, в том числе адекватную компенсацию и соответствующие меры сатисфакции. Государство-участник обязано также принять меры к тому, чтобы не допустить повторения подобных нарушений в будущем. В связи с этим государству-участнику следует обеспечить, чтобы его законодательство позволяло привлекать к уголовной ответственности за действия, которые представляют собой нарушение Пакта (п. 13 Соображений).

Сообщение: *Василий Юзепчук против Республики Беларусь.* Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: пытки; вынесение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства.

Вопрос существа: пытки и жестокое обращение; заключение под стражу; произвольное лишение свободы; право быть в срочном порядке доставленным к судье; право на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом; право на презумпцию невиновности; право не подвергаться принуждению к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; право на равную защиту закона без дискриминации.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что после подачи жалобы на жестокое обращение, противоречащее ст. 7, государство-участник должно провести незамедлительное беспристрастное расследование⁶¹. Он далее напоминает, что гарантии, изложенные в п. 3 г) ст. 14 Пакта, должны пониматься в терминах отсутствия любого прямого или косвенного физического или ненадлежащего психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемого в целях получения признания вины⁶² (п. 8.2 Соображений).

Смысл термина «в срочном порядке» в п. 3 ст. 9 Пакта должен определяться в каждом случае отдельно. Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 8 (1982) о праве на свободу и личную неприкосновенность и о своей правовой практике, в соответствии с которыми задержки не должны превышать несколько дней⁶³. Комитет далее напоминает, что в контексте рассмотрения докладов государств-участников, представленных в соответствии со ст. 40 Пакта, он неоднократно рекомендовал, чтобы период содержания под стражей до доставки лица к судье не превышал 48 часов⁶⁴. Для соблюдения

⁶¹ См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14.

⁶² См., например, Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливый суд, п. 41; а также сообщение № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 4 июля 1994 г., п. 11.7; № 1033/2001, *Сингараса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 г., п. 7.4; а также № 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 7.6.

⁶³ Комитет пришел к выводу, что в отсутствие каких-либо разъяснений государства-участника трехдневная задержка в доставлении лица к судье не удовлетворяет требования срочности по смыслу п. 3 ст. 9 (см. сообщение № 852/1999, *Борисенко против Венгрии*, Соображения, принятые 14 октября 2002 г., п. 7.4). См. также *Ковалева и Козяр против Беларуси*, п. 11.3; а также сообщение № 1787/2008, *Кови против Беларуси*, Соображения, принятые 27 марта 2013 г., пп. 7.3–7.5.

⁶⁴ См., например, ССРП/СО/69/КВТ, п. 12; ССРП/С/79/Add.89, п. 17; ССРП/С/SLV/СО/6, п. 14; и ССРП/СО/70/GAB, п. 13.

положений п. 3 ст. 9 Пакта любое превышение этого срока требует особого обоснования⁶⁵, поэтому Комитет считает, что задержка продолжительностью почти год и три месяца до того, как автор был доставлен к судье, несовместима с требованиями срочности, установленными в п. 3 ст. 9 Пакта. Таким образом, права автора, согласно положениям п. 3 ст. 9, были нарушены (п. 8.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливый суд, в соответствии с которым право на обеспечение присутствия свидетелей, обвиняемых или их адвокатов не является неограниченным, однако должна быть предоставлена «надлежащая возможность опросить и оспорить заявления показывающих против них свидетелей на одной из стадии судопроизводства» (п. 8.4 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, в котором он отметил, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом и с соблюдением положений Пакта, а это предполагает, что «предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое судебное разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр судом высшей инстанции»⁶⁶. Комитет напоминает о своей практике, согласно которой вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в котором не были соблюдены положения ст. 14 Пакта, представляет собой нарушение ст. 6 Пакта⁶⁷. В свете выводов Комитета о нарушении положений пп. 1 и 3 е) и г) ст. 14 Пакта он приходит к выводу о том, что вынесение г-ну Юзепчуку смертного приговора и приведение его в исполнение не отвечали требованиям ст. 14 и в результате этого его право на жизнь согласно ст. 6 Пакта было нарушено (п. 8.6 Соображений).

⁶⁵ См. *Борисенко против Венгрии*, п. 7.4. См. также Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые на восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г., принцип 7.

⁶⁶ См. также сообщение № 253/1987, *Келли против Ямайки*, Соображения, принятые 8 апреля 1991 г., п. 5.14.

⁶⁷ См. Замечание общего порядка № 32, п. 59; а также сообщение № 719/1996, *Леви против Ямайки*, Соображения, принятые 3 ноября 1998 г., п. 7.3; № 1096/2002, *Курбанов против Таджикистана*, Соображения, принятые 6 ноября 2003 г., п. 7.7; № 1044/2002, *Шукурова против Таджикистана*, Соображения, принятые 17 марта 2006 г., п. 8.6; № 1276/2004, *Идиева против Таджикистана*, Соображения, принятые 31 марта 2009 г., п. 9.7; № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 г., п. 9.11, а также № 1545/2007, *Гунан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 г., п. 6.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора в соответствии со ст. 7 и 14 Пакта о том, что он подвергался физическому и психологическому давлению, направленному на то, чтобы вынудить его признать свою вину, и что его признание впоследствии послужило основанием его осуждения. Комитет также отмечает, что эти утверждения не были опровергнуты государством-участником. ... Комитет отмечает, что, несмотря на многочисленные утверждения автора о том, что ему не давали еды, длительное время держали в одиночной камере и давали неизвестные таблетки и алкоголь, государство-участник не предоставило какой-либо информации, демонстрирующей проведение действенного расследования этих конкретных утверждений. В этих обстоятельствах утверждениям автора должен придаваться должный вес. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты обнаруживают нарушение прав автора в соответствии со ст. 7 и 14 Пакта⁶⁸ (п. 8.2 Соображений).

Что касается того утверждения автора, что он был арестован 9 января 2008 г., однако не был доставлен в суд для принятия решения о его содержании под стражей до 8 апреля 2009 г., почти через год и три месяца после его ареста, Комитет отмечает, что государство-участник не рассмотрело это утверждение (п. 8.3 Соображений).

Комитет далее отмечает утверждения автора о том, что он не мог провести перекрестный допрос ключевых свидетелей в ходе судебных заседаний и что в общей сложности около 30 свидетелей, выставленных как защитой, так и обвинением, не явились для дачи показаний. Автор далее утверждает, что он не смог допросить своего брата С.Л., который был допрошен в ходе досудебного следствия, однако не явился в суд, поэтому автор не смог провести перекрестный допрос и этого свидетеля. Автор далее утверждает, что один из свидетелей мог бы представить, если бы он давал показания, доказательства его невиновности. ... Как считает Комитет, то, что один из ключевых свидетелей, С.Л., не присутствовал в ходе судебного заседания для проведения перекрестного допроса и что на судебные заседания не явились 30 других свидетелей, отрицательно повлияло на справедливость разбирательства по делу автора. В этих обстоятельствах в отсутствие какого-либо ответа со стороны государства-участника Комитет считает, что представленные ему факты обнаруживают нарушение положений п. 3 е) ст. 14 Пакта (п. 8.4 Соображений).

⁶⁸ См., например, Замечание общего порядка № 32, п. 60, а также сообщение № 1401/2005, *Кирпо против Таджикистана*, Соображения, принятые 27 октября 2009 г., п. 6.3; а также № 1545/2007, *Гунан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 г., п. 6.2.

Комитет отмечает то утверждение автора, что были нарушены его права согласно п. 1 ст. 14. Он также отмечает, что это утверждение не было опровергнуто государством-участником. В свете выводов Комитета о том, что государство-участник не обеспечило гарантий справедливого судебного разбирательства в соответствии с пп. 3 е) и g) ст. 14 Пакта, Комитет считает, что судебное разбирательство дела г-на Юзепчука было проведено с нарушениями, которые в целом сводятся к нарушению п. 1 ст. 14 Пакта (п. 8.5 Соображений).

Автор далее жалуется на нарушение его права на жизнь в соответствии со ст. 6 Пакта, поскольку он был приговорен к смертной казни после несправедливого суда. Комитет отмечает, что в связи с п. 2 ст. 6 Пакта государство-участник утверждает, что г-н Юзепчук был приговорен к смертной казни за совершение тяжких преступлений после вынесения судебного решения в соответствии с Конституцией, Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси и что вынесение смертного приговора не противоречит Пакту (п. 8.6 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Юзепчука согласно ст. 6, ст. 7, п. 3 ст. 9 и пп. 1 и 3 е) и g) ст. 14 Пакта. Государство-участник также нарушило свои обязательства по ст. 1 Факультативного протокола к Пакту (п. 9 Соображений).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано предоставить надлежащую денежную компенсацию семье автора в связи с его смертью, включая возмещение расходов на юридические услуги. Государство-участник также обязано не допускать подобных нарушений в будущем и в свете своих обязательств по Факультативному протоколу добросовестно сотрудничать с Комитетом, в частности, в том, что касается выполнения просьб Комитета о принятии временных мер (п. 10 Соображений).

Сообщение: *Ольга Козулина против Республики Беларусь.* Сообщение № 2000/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: жестокое обращение, произвольный арест; условия содержания под стражей; презумпция невиновности; гарантии справедливого суда; право на защиту; свобода собраний.

Вопрос существа: свобода и безопасность человека; условия содержания под стражей; справедливый суд; право на участие в мирных собраниях.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что государство-участник несет ответственность за безопасность любого

лица, которое оно поместило под стражу, и что в тех случаях, когда какое-либо лицо заявляет, что во время содержания под стражей ему были причинены телесные повреждения, именно государство-участник должно представить доказательства, опровергающие эти утверждения⁶⁹. Кроме того, в случае подачи жалобы на жестокое обращение в нарушение ст. 7 государство-участник должно незамедлительно провести беспристрастное расследование⁷⁰. Комитет считает, что, учитывая представления государства-участника и решения его судов, а также ограниченный объем информации и документов, представленных автором, и, в частности, ограниченный объем информации, касающейся расследований, проводившихся государством-участником, он не может заключить, что обращение властей государства-участника с г-ном Козулиным, будь то 2 марта 2006 г. или 25 марта 2006 г., противоречило положениям ст. 7 Пакта (п. 9.3 решения).

Комитет напоминает, что решение о заключении под стражу до суда должно приниматься в каждом конкретном случае с учетом того, насколько это необходимо и целесообразно в данных обстоятельствах, в том числе в целях предупреждения побега, недопущения вмешательства в процесс сбора доказательств или предотвращения нового преступления, и что суды должны в каждом конкретном случае определять, существуют ли альтернативы заключению под стражу до суда, делающие эту меру пресечения излишней⁷¹ (п. 9.7 решения).

Комитет напоминает, что презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, означает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, что вина должна быть безоговорочно доказана и не может быть вменена, что всякие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, и что с лицами, обвиняемыми в совершении уголовных преступлений, следует обращаться в соответствии с этим принципом. Все государственные органы обязаны воздерживаться от любых действий или заявлений, предreshающих исход судебного разбирательства, в том числе от

⁶⁹ Сообщение № 1412/2005, *Бутовенко против Украины*, Соображения, принятые 19 июля 2011 г., п. 7.5.

⁷⁰ См. Замечание общего порядка № 20 Комитета, п. 14, и, например, сообщение № 1589/2007, *Гапирджанов против Узбекистана*, Соображения, принятые 18 марта 2010 г., п. 8.3.

⁷¹ См. сообщения № 1369/2010, *Кулов против Кыргызстана*, Соображения, принятые 26 июля 2010 г., п. 8.3; № 1940/2010, *Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла*, Соображения, принятые 29 октября 2012 г., п. 7.10; № 1178/2003, *Сманцер против Беларуси*, Соображения, принятые 23 октября 2008 г., п. 10.3.

публичных заявлений о виновности обвиняемого⁷². Во время судебных разбирательств подсудимые, как правило, не должны быть в наручниках или находиться за решеткой, или иным образом представлять в суде в облики, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками⁷³. Способ подачи новостей в средствах массовой информации также не должен подрывать принцип презумпции невиновности⁷⁴ (п. 9.8 решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: автор утверждает, что 2 и 26 марта 2006 г. ее отец был избит и подвергся иному жестокому обращению со стороны сотрудников милиции и представителей сил специального назначения, когда он соответственно пытался зарегистрироваться делегатом Всебелорусского народного собрания и участвовал в митинге в поддержку арестованных участников протестных акций. Она сообщает, что 3 марта 2006 г. ее отец был осмотрен врачом, который обнаружил на его теле ссадины и кровоподтеки. Она утверждает, что все жалобы, поданные в связи с этим от имени ее отца, были отклонены и что в суде сотрудники правоохранительных органов заявили, что он сам нанес себе телесные повреждения. Комитет отмечает, что государство-участник отвергло утверждения автора как безосновательные, заявив, что сотрудники милиции и бойцы спецподразделения применили физическую силу в отношении г-на Козулина законно, поскольку он отказался выполнять их требования⁷⁵. Государство-участник также сообщило, что эти утверждения были проверены его компетентными органами и не нашли подтверждения (п. 9.2 решения).

По тем же причинам Комитет не может заключить, что обстоятельства ареста г-на Козулина свидетельствуют о нарушении его права на мирные собрания согласно ст. 21 Пакта (п. 9.4 решения).

Комитет принимает к сведению утверждения автора, касающиеся условий, в которых содержался г-н Козулин после вынесения приговора. Комитет отмечает, что, хотя государство-участник отвергает некоторые из этих утверждений, оно признает, что администрация колонии отказала г-ну Козулину в доступе к его адвокату и независимым врачам, несмотря на его просьбы, во время его 53-дневной голодовки, когда он особенно

⁷² См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 30.

⁷³ Там же, п. 30; сообщения № 1405/2005, *Пустовойт против Украины*, Соображения, принятые 20 марта 2014 г., пп. 9.2 и 9.3; № 2120/2011, *Ковалева и Козьяр против Беларуси*, Соображения, принятые 29 октября 2012 г., п. 11.4.

⁷⁴ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство.

⁷⁵ См. пп. 4.35–4.40.

нуждался в их помощи. Государство-участник утверждает, что это было связано с состоянием его здоровья, однако не приводит никаких аргументов или фактов в подтверждение этого. С учетом конкретных обстоятельств данного дела Комитет считает, что администрация колонии не обеспечила гуманного обращения с г-ном Козулиным, и в связи с этим заключает, что государство-участник нарушило ст. 10 Пакта (п. 9.5 решения).

Автор утверждает также, что арест г-на Козулина 25 марта 2006 г. был незаконным, что его семье было сообщено о его местонахождении лишь по прошествии 19 часов с момента его ареста вместо положенных по закону 12 часов и что его заключение под стражу до суда было неоправданным и было санкционировано прокурором, тогда как судья подтвердил законность избранной ему меры пресечения лишь спустя 18 дней, что является нарушением пп. 1 и 3 ст. 9 Пакта. Комитет отмечает, что государство-участник сообщило, что 12 апреля 2006 г. суд Центрального района г. Минска подтвердил законность ареста г-на Козулина 25 марта 2006 г., и что оно считает упомянутые выше утверждения автора безосновательными (п. 9.6 решения).

Комитет отмечает, что государство-участник не разъяснило, почему в свете обстоятельств данного дела было необходимо содержать г-на Козулина под стражей до и во время суда. Комитет отмечает также, что г-н Козулин был помещен под стражу 25 марта 2006 г. по решению прокурора и что законность этого решения суд подтвердил лишь 12 апреля 2006 г. Комитет ссылается на свои предыдущие решения, в которых говорится, что согласно п. 3 ст. 9 задержанное лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, должно быть в срочном порядке доставлено к судье и имеет право на судебный контроль за законностью его заключения под стражу⁷⁶. Надлежащее осуществление судебной власти предполагает ее осуществление независимым, объективным и беспристрастным в части рассматриваемых вопросов органом. Комитет не уверен, что государственного прокурора можно считать должностным лицом, которому присущи институциональная объективность и беспристрастность и которое поэтому правомочно осуществлять судебную власть по смыслу п. 3 ст. 9. В связи с этим Комитет заключает,

⁷⁶ См., например, сообщения № 521/1992, *Куломин против Венгрии*, Соображения, принятые 22 марта 1996 г., п. 11.3; № 1218/2003, *Платонов против Российской Федерации*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 г., п. 7.2; № 1348/2005, *Ашуров против Таджикистана*, Соображения, принятые 20 марта 2007 г., п. 6.5; № 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., п. 7.3; и № 1787/2008, *Ковш против Беларуси*, Соображения, принятые 27 марта 2013 г., п. 7.3.

что представленные факты свидетельствуют о нарушении пп. 1 и 3 ст. 9 Пакта (п. 9.7 решения).

Автор утверждает, что во время суда ее отец находился за решеткой и поэтому не мог свободно общаться со своими адвокатами и что было нарушено его право на презумпцию невиновности, поскольку сразу после его ареста министр внутренних дел, выступая по государственному телевидению, назвал его преступником и аналогичное заявление в тот же день сделала Генеральная прокуратура. Государство-участник затронуло эти вопросы лишь вскользь, ограничившись заявлением о том, что в ходе судебного разбирательства права г-на Козулина на защиту не нарушались. ...С учетом изложенного и ввиду отсутствия в материалах дела какой-либо иной соответствующей информации Комитету не остается ничего иного как с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, поэтому он заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права г-на Козулина на справедливый суд согласно пп. 1 и 2 ст. 14 Пакта. Придя к такому заключению, Комитет постановляет отдельно не рассматривать остальные утверждения автора, касающиеся нарушения пп. 1 и 3 б) ст. 14 Пакта (п. 9.8 решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что государство-участник нарушило права г-на Козулина, предусмотренные пп. 1 и 3 ст. 9, ст. 10 и пп. 1 и 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 10 решения).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное восстановление г-на Козулина в правах, в том числе предоставить ему надлежащую компенсацию за установленные нарушения и возместить ему любые понесенные им расходы на юридические услуги. Кроме того, государство-участник обязано не допускать подобных нарушений в будущем (п. 11 решения).

Сообщение: *Сапардурда Хаджиев против Туркменистана.* Сообщение № 2079/2011. Соображения приняты Комитетом 1 апреля 2015 г.

Тема сообщения: хабеас корпус; несправедливый суд; пытки.

Вопрос существа: произвольное задержание; право на справедливый суд; запрещение пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения; защита от незаконного вмешательства в частную жизнь.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только

государство-участник располагает соответствующей информацией⁷⁷. Из п. 2 ст. 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, совершенных им самим или его представителями, и предоставить Комитету имеющуюся у него информацию. ...В тех случаях, когда утверждения автора подкреплены заслуживающими доверия доказательствами и когда для выяснения всех обстоятельств дела необходима дополнительная информация, которой располагает только государство-участник, Комитет может счесть утверждения автора обоснованными, если государство-участник не представит удовлетворительных разъяснений или доказательств обратного⁷⁸ (п. 8.3 Соображений).

Комитет напоминает далее, что государство-участник отвечает за безопасность любого лица, содержащегося под стражей, и что в случае поступления жалоб на пытки и плохое обращение именно оно должно представить доказательства, опровергающие утверждения автора. Кроме того, в случае жалоб на плохое обращение в нарушение положений ст. 7 Пакта государство-участник обязано оперативно и беспристрастно их расследовать. Если в результате расследования будут выявлены нарушения тех или иных прав, предусмотренных Пактом, государство-участник должно принять меры к привлечению к ответственности виновных⁷⁹ (п. 8.4 Соображений).

Комитет ссылается на свои предыдущие решения, в которых говорится о том, что заключенным должно быть разрешено при соответствующем контроле на регулярной основе и без постороннего вмешательства переписываться со своими семьями и друзьями с хорошей репутацией⁸⁰, как того требуют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными⁸¹, согласно которым заключенные

⁷⁷ Сообщения № 1422/2005, *Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 24 октября 2007 г., п. 6.7; № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 г., п. 8.3, и № 1804/2008, *Иль Хвильди против Ливии*, Соображения, принятые 1 ноября 2012 г., п. 7.2.

⁷⁸ См., в частности, сообщение № 1776/2008, *Башаша и Башаша против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 20 октября 2010 г., п. 7.2.

⁷⁹ См., в частности, сообщение № 1225/2003, *Эшоноу против Российской Федерации*, Соображения, принятые 22 июля 2010 г., п. 9.8; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участников Пакта, п. 18.

⁸⁰ См. сообщение № 74/1980, *Эстрелья против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1983 г., п. 9.2.

⁸¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые первым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в Женеве

должны иметь возможность общаться «как в порядке переписки, так и в ходе посещений» (правило 37) (п. 8.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявления автора о пытках и унижениях, которым он подвергался после ареста, а также его утверждение о том, что на него и его адвоката оказывалось давление с целью заставить его сознаться в преступлении, которое он не совершал. Он отмечает, что государство-участник не представило конкретных замечаний, касающихся заявлений автора о пытках и унижениях, и лишь сообщило, не представив никакой другой информации или доказательств, что факты жестокого обращения с автором не подтвердились (п. 8.2 Соображений).

Комитет также отмечает, что, несмотря на его неоднократные просьбы, государство-участник так и не представило документов, имеющих отношение к тому, о чем говорится в сообщении. Государство-участник не представило никакой информации о том, расследовались ли властями, будь то в ходе следствия по уголовному делу или в контексте данного сообщения, утверждения автора, касающиеся жестокого обращения с ним с целью принудить его к даче признательных показаний. Кроме того, государство-участник не предоставило Комитету протоколов судебных заседаний и копий жалоб автора в прокуратуру и городской суд Ашхабада, хотя Комитет конкретно просил его об этом. В этих обстоятельствах и в отсутствие информации о проведении какого-либо «оперативного и беспристрастного» расследования в связи с заявлениями автора о пытках Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, подкрепленным достаточными доказательствами (п. 8.5 Соображений).

Комитет далее принимает к сведению заявление автора о том, что было нарушено также его право, предусмотренное п. 1 ст. 9, поскольку в течение трех дней, с 16 по 18 июня 2006 г., его незаконно содержали под стражей в нарушение положений Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана. До 18 июня 2006 г. он не имел возможности оспорить законность своего задержания или сообщить родственникам о своем местонахождении. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора, поэтому он заключает, что права автора согласно п. 1 ст. 9 были нарушены (п. 8.6 Соображений).

(Швейцария), в 1955 году, и одобренные Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что во время тюремного заключения он был лишен права на свидания с членами своей семьи и родственниками, а также на переписку с ними... Отмечая, что государство-участник конкретно не опровергло утверждений автора, касающихся нарушений его прав в течение первых двух лет его тюремного заключения, Комитет заключает, что факты, представленные автором, свидетельствуют о нарушении его прав согласно п. 1 ст. 17 Пакта (п. 8.8 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 7, п. 1 ст. 9, п. 3 g) ст. 14 и п. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 9 Соображений).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное восстановление в правах Сапардурды Хаджиева и, в частности: а) провести тщательное и эффективное расследование обстоятельств его задержания и последующего заключения в тюрьму; б) предоставить ему подробную информацию о результатах этого расследования; в) в случае подтверждения нарушений привлечь к ответственности виновных; г) предоставить надлежащее возмещение, включая выплату автору надлежащей компенсации за допущенные по отношению к нему нарушения. Государство-участник обязано также принять меры к недопущению подобных нарушений в будущем (п. 10 Соображений).

Комитет против пыток

Сообщение: *X. против Российской Федерации.* Сообщение № 542/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Вопросы существа: угроза подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что узбекские власти направили запрос об экстрадиции спустя 10 лет после того, как приговор в отношении заявителя стал окончательным и обязательным к исполнению, причем в течение этого периода заявитель свободно проживал в Узбекистане, получил справку об отсутствии судимости, паспорт и выездную визу и совершил ряд беспрепятственных поездок в Российскую Федерацию. Он отмечает... что согласно имеющимся фактам запрос на экстрадицию был направлен непосредственно после того, как заявитель подал жалобу в Комитет по поводу экстрадиции его брата в Узбекистан, что в свете существования

постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в этой стране дает достаточные основания полагать, что после его экстрадиции заявителю угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток. Комитет считает, что в этих обстоятельствах государственные органы и суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проверить все утверждения заявителя и оценить на основании национальных и международных норм потенциальную опасность применения пыток к заявителю. На основании имеющихся в деле материалов нельзя сделать вывод о том, что государственные органы, включая суды, провели надлежащую работу, чтобы отреагировать на выраженную заявителем обеспокоенность, связанную с запросом на экстрадицию с истекшим сроком давности, и дать оценку его личным обстоятельствам в контексте общей ситуации с правами человека в Узбекистане. В свете сказанного выше Комитет считает, что государственные органы государства-участника не выполнили свое обязательство надлежащим образом рассмотреть утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток после возвращения в Узбекистан (п. 11.8 решения).

Выводы Комитета: с учетом обстоятельств данного дела решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан является нарушением государством-участником своих обязательств в соответствии со ст. 3 Конвенции⁸² (п. 11.8 решения).

Сообщение: *Хильда Мариолин Эрнандес Кольменарес и Франсиско Артуро Герреро Санчес против Боливарианской Республики Венесуэла.* Сообщение № 456/2011. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 15 мая 2015 г.

Тема сообщения: пытки и насильственное исчезновение жертвы в заключении.

Вопросы существа: пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; обязанность государства-участника принимать эффективные меры по предупреждению пыток; условия содержания под стражей и обращения с лицами, лишенными свободы, с тем чтобы не допускать каких-либо случаев пыток; обязательство по проведению быстрого и беспристрастного расследования; и право на получение возмещения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает об особых обязательствах государств-участников в качестве гарантов по

⁸² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

обеспечению соблюдения прав заключенных, предусмотренных Конвенцией, и предотвращения пыток⁸³, поскольку они находятся под жестким контролем со стороны тюремной администрации. Таким образом, государства-участники должны принимать необходимые меры по предотвращению применения пыток в отношении лиц, находящихся под их контролем⁸⁴. Комитет напоминает о том, что насильственное исчезновение сопряжено с многочисленными нарушениями прав человека и невыполнением со стороны государства-участника обязательств, закрепленных в Конвенции, и что оно само по себе представляет форму пыток или бесчеловечного обращения, противоречащих Конвенции⁸⁵, по отношению к исчезнувшему лицу или может представлять таковую для членов его семьи (п. 6.4 Решения).

Комитет напоминает, что на государства-участники возложено обязательство по проведению быстрых и беспристрастных расследований в тех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что был совершен акт пытки⁸⁶ (п. 6.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что после того, как неизвестное лицо сообщило им об убийстве г-на Герреро Лареса в Центральной тюрьме Венесуэлы (далее – ЦТВ),⁸⁷ 8 сентября 2009 г. они посетили исправительное учреждение, однако не смогли ни встретиться с г-ном Герреро Ларесом, ни получить каких бы то ни было сведений о его местонахождении. По мнению заявителей, дополнительные показания свидетельствуют о том, что г-н Герреро Ларес подвергался преследованию со стороны группы заключенных ЦТВ, которые убили его, расчленили и похоронили на территории тюрьмы при попустительстве тюремной администрации и Боливарианской национальной гвардии. Несмотря на эту информацию, а также на тот

⁸³ См. Замечание общего порядка № 2 (2008) Комитета об осуществлении ст. 2 Конвенции государствами-участниками, п. 13.

⁸⁴ Там же, пп. 17 и 18.

⁸⁵ Комитет рассматривал вопрос о насильственных исчезновениях в ряде заключительных замечаний. См., например, его заключительные замечания по объединенным пятому и шестому периодическим докладам Мексики (CAT/C/MEX/CO/5-6, п. 12); по первоначальному докладу Руанды (CAT/C/RWA/CO/1, п. 14); по первоначальному докладу Туркменистана (CAT/C/TKM/CO/1, п. 15); по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Шри-Ланки (CAT/C/LKA/CO/3-4, пп. 8 и 9); по четвертому периодическому докладу Колумбии (CAT/C/COL/CO/4, пп. 11 и 17) и по первоначальному докладу Чада (CAT/C/TCD/CO/1, пп. 14 и 17).

⁸⁶ Сообщение № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 г., п. 16.7.

⁸⁷ Центральная тюрьма Венесуэлы.

факт, что авторы незамедлительно сообщили властям об исчезновении г-на Герреро Лареса, до сих пор не было проведено всеобъемлющее расследование возможного применения пыток по отношению к нему. Кроме того, не было принято эффективных и достаточных мер по установлению его местонахождения и судьбы. С другой стороны, Комитет принимает к сведению показания тюремной администрации в суде № 2, свидетельствующие о том, что г-н Герреро Ларес «бежал» (совершил побег) из ЦТВ, не объясняющие, однако, на каком основании был сделан такой вывод (п. 6.3 Решения).

Комитет принимает к сведению информацию о том, что 8 и 9 сентября 2009 г. авторы сообщили об исчезновении г-на Герреро Лареса директору ЦТВ и Боливарианской национальной гвардии. 1 и 13 октября 2009 г. авторы просили Генеральную прокуратуру и Управление Генеральной прокуратуры по вопросам основных прав человека соответственно провести расследование исчезновения их родственника во время отбывания наказания в ЦТВ и его возможного убийства заключенными тюрьмы, а также возможного участия в этом тюремной администрации и служащих Боливарианской национальной гвардии. В связи с этим они отметили, что согласно показаниям других заключенных, г-н Герреро Ларес подвергался преследованию со стороны группы заключенных в связи с тем, что он был осведомлен о незаконной деятельности этой группы при соучастии ряда должностных лиц. В соответствии с заявлением Генеральной прокуратуры в суде № 2 ведение расследования возможного насильственного исчезновения г-на Герреро Лареса было возложено на прокуратуру № 3 (п. 6.5 решения).

В то же время Комитет отмечает, что согласно информации, содержащейся в материалах дела, не обнаружив г-на Герреро Лареса на территории ЦТВ, тюремная администрация ограничилась заявлением о том, что он бежал из исправительного учреждения, не предоставив никакой дополнительной информации или доказательств и не проведя всеобъемлющего расследования его возможного побега и конкретных обстоятельств, приведших к нему. Несмотря на представленные авторами ходатайства и постановление суда от 4 декабря 2009 г. № 2, судьба г-на Герреро Лареса до сих пор неизвестна; власти не представили какой-либо информации в отношении возможных мер, которые могли бы быть приняты в целях установления его местонахождения, и в случае смерти его останки не были возвращены членам его семьи. Кроме того, не было установлено, несет ли администрация ЦТВ или Боливарианская национальная гвардия какую-либо ответственность за произошедшее. В частности, не было принято никаких мер для того, чтобы выяснить, было ли исчезновение г-на Герреро Лареса связано с попытками наказать или запугать его в связи с

тем, что он был осведомлен о предполагаемой незаконной деятельности группы заключенных при соучастии администрации, как заявил автор сообщения Управлению Генеральной прокуратуры по вопросам основных прав человека. В связи с отсутствием каких-либо опровержений со стороны государства-участника Комитет делает вывод о том, что г-н Герреро Ларес был лишен защиты со стороны закона с 7 сентября 2009 г., а также что его насильственное исчезновение в конкретных обстоятельствах настоящего дела представляет собой акт пытки по смыслу ст. 1 Конвенции⁸⁸ (п. 6.6 решения).

Комитет принимает к сведению утверждения авторов в связи со ст. 2 и 11 Конвенции о том, что, несмотря на обстановку насилия в тюрьмах, государство-участник не реагировало должным образом и не принимало никаких законодательных, административных, судебных или иных эффективных мер для предотвращения применения пыток в тюрьмах, в частности, для того, чтобы г-н Герреро Ларес не стал жертвой пыток со стороны других заключенных ЦТВ при попустительстве тюремной администрации...Комитет...напоминает о своих замечаниях по второму периодическому докладу государства-участника, в котором он призывает Венесуэлу принять меры для предотвращения насилия среди заключенных, а также со стороны тюремного персонала и для укрепления независимых механизмов инспекции мест лишения свободы⁸⁹. В связи с отсутствием замечаний со стороны государства-участника о механизмах контроля в ЦТВ и других мерах по предотвращению насилия среди заключенных и применения по отношению к ним пыток при попустительстве администрации Комитет приходит к выводу, что государство-участник несет ответственность за нарушение ст. 2 и 11 Конвенции (п. 6.7 решения).

Комитет отмечает, что авторам сообщили о том, что проведение расследования возможного насильственного исчезновения г-на Герреро Лареса было возложено на прокуратуру № 3, и что 25 февраля 2010 г. была проведена инспекция ЦТВ при участии сотрудников Генеральной прокуратуры и комиссии Боливарианской национальной гвардии. Комитет не находит в представленных сведениях какой-либо информации о других следственных действиях со стороны властей, несмотря на то, что имелись разумные основания полагать, что был совершен акт пытки. Несмотря на усилия авторов сообщения, почти за шесть лет, прошедших с момента исчезновения г-на Герреро Лареса в ЦТВ, государство-участник не провело быстрого, беспристрастного и

⁸⁸ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

⁸⁹ См. САТ/С/СР/29/2, п. 11 е). См. также САТ/С/ВЕН/СО/3-4, п. 10 а) и п. 19, а также Замечание общего порядка № 2 (2008) Комитета, пп. 13, 17 и 18.

эффективного расследования сообщений о применении к нему пыток и его насильственного исчезновения во время отбывания наказания в тюрьме, а виновные не предстали перед судом (см. п. 6.6 выше). В свете имеющейся в деле информации и в условиях отсутствия замечаний со стороны государства-участника Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по ст. 12 Конвенции (п. 6.8 решения).

Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что ущерб, нанесенный г-ну Герреро Ларесу, не был возмещен в соответствии со ст. 14 Конвенции⁹⁰. Учитывая непроведение быстрого и беспристрастного расследования, а также представленные авторами утверждения и факты, приведенные в предыдущих пунктах, Комитет приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свои обязательства по ст. 14 Конвенции (п. 6.8 решения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 2 и ст. 11, 12 и 14 Конвенции, рассматриваемых отдельно и в совокупности со ст. 1, в отношении г-на Герреро Лареса, а также ст. 16 в отношении авторов сообщения (п. 7 решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 5678/06 *«Юдицкая и другие против России»* (вынесено 12 февраля 2015 г., вступило в силу 12 мая 2015 г.).

Заявители жаловались на то, что обыск, проведенный в их кабинетах, и изъятие их компьютеров, содержащих конфиденциальную информацию, привели к нарушению их прав, предусмотренных ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «...постановление о проведении обыска от 6 мая 2005 г. было вынесено районным судом по ходатайству следователя в рамках предварительного следствия по уголовному делу в отношении определенного круга лиц по обвинениям в получении взяток при отягчающих обстоятельствах» (п. 28 постановления).

Суд отметил, что «...только адвокат И.Т. являлся подозреваемым по соответствующему уголовному делу. В отношении заявителей не осуществлялось никакого уголовного преследования. Тем не менее, районный суд указал, что юридическая фирма являлась одной из сторон

⁹⁰ См. Замечание общего порядка № 3 (2012) Комитета об осуществлении ст. 14 государствами-участниками.

фиктивного договора, и разрешил обыск всего помещения фирмы» (п. 28 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...постановление о проведении обыска не было четко сформулированным, что предоставляло следователям неограниченную свободу усмотрения при проведении обыска. В постановлении не было указано, почему недостаточно было обыскать только кабинет и компьютер И.Т. Более того, при вынесении постановления судья не затронул вопрос о том, подлежат ли защите конфиденциальные материалы, хотя судья знал, что заявители являлись членами коллегии адвокатов и располагали документами, защищенными адвокатской тайной» (п. 29 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...чрезмерная расплывчатость формулировок постановления проявилась в том, каким образом был произведен обыск...не было обеспечено никаких гарантий против нарушения адвокатской тайны, таких как, например, запрет на изъятие документов, на которые распространяется адвокатская тайна, или наблюдение за обыском со стороны независимого от следственной группы наблюдателя, способного указать, на какие документы распространяется адвокатская тайна...Присутствие двоих понятых объективно нельзя было считать достаточным средством защиты, учитывая, что они не являлись профессионалами, обладающими юридической квалификацией, и следовательно, не были способны определить, какие материалы являются конфиденциальными...что касается электронных данных, хранившихся на компьютерах заявителей, которые были изъяты следователем, то по всей видимости, во время обыска не соблюдались никакие процедуры фильтрации» (п. 30 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...обыск, проведенный в отсутствие обоснованного подозрения или средств защиты от вмешательства в профессиональную тайну в кабинетах заявителей, и изъятие их компьютеров вышли за пределы «необходимых в демократическом обществе» для достижения преследуемой законной цели. Таким образом, имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции» (п. 32 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25435/06 *«Беленко против России»* (вынесено 18 декабря 2014 г., вступило в силу 18 марта 2015 г.).

Заявитель жаловалась на нарушение ст. 2 Конвенции в связи с тем, что халатность врачей привела к смерти ее дочери.

Европейский Суд установил нарушение ст. 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с необеспечением эффективного расследования по заявлению Беленко Т.А. о незаконных действиях персонала клинического психоневрологического диспансера (отмечены: длительность расследования, неоднократные отмены постановлений о прекращении уголовного дела ввиду неполноты расследования, неисполнение следователем в течение 2,5 лет постановления районного суда о признании незаконным постановления о прекращении уголовного дела и устранении допущенных в ходе следствия нарушений, а также утрата медицинских документов дочери заявителя) (пп. 80–85 постановления).

Вместе с тем Европейский Суд отклонил жалобы заявителя на нарушение материального аспекта ст. 2 Конвенции, поскольку, как отмечено, лечащие врачи соблюдали применимые нормы и процедуры, использовали научно обоснованные методы лечения, одобренные лекарственные средства и медицинское оборудование (пп. 71–74 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 41152/06 «*Аванесян против России*» (вынесено 18 сентября 2014 г., вступило в силу 18 декабря 2014 г.).

Заявитель утверждал, что обследование его жилого помещения было проведено в нарушение ст. 8 Конвенции и что он не имел в своем распоряжении эффективного средства правовой защиты, как того требует ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что «...в специфичном контексте негласных операций могут существовать причины для проведения судебного рассмотрения без сторон (*ex parte*) с тем, чтобы не допустить предупреждения о предстоящем обследовании. В этом случае понятие эффективного средства правовой защиты не предполагает возможность оспаривания выдачи разрешения до проведения обследования... Однако после того, как обследование было проведено или заинтересованному лицу каким-либо иным образом стало известно о существовании разрешения, должна существовать процедура, при помощи которой это лицо могло бы оспорить правовые и фактические основания этого разрешения и получить компенсацию в случае, если постановление о разрешении проведения обследования было незаконным или само обследование было проведено незаконно» (п. 29 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «...судебное постановление о разрешении на проведение оперативно-розыскных мероприятий не может быть пересмотрено вышестоящим судом. Закон «Об оперативно-

розыскной деятельности» не предусматривает возможности обжалования этого решения даже после того, как необходимость содержать его в тайне пропадает либо потому что обследование было проведено, либо потому что заинтересованному лицу стало известно о существовании этого постановления... жалоба руководителю органа, действия которого оспариваются, не отвечает обязательным стандартам независимости, необходимым для обеспечения достаточной защиты от превышения должностных полномочий. Жалоба прокурору также не является эффективным средством правовой защиты, поскольку она не дает подавшему ее лицу права на непосредственное участие в осуществлении государством своих надзорных полномочий» (пп. 30, 32 постановления).

Суд установил, что «...понятие эффективного средства правовой защиты не предусматривает возбуждение уголовного производства в отношении лиц, проводивших обследование. Кроме того, преследование сотрудников милиции, даже если оно окажется эффективным, возможно только в отношении их собственных действий и не может привести к проверке по существу законности судебного разрешения на проведение обследования» (п. 34 постановления).

Судом обращено внимание на то, что «...постановление от 22 марта 2006 г. не основывалось на каких-либо обоснованных подозрениях в отношении Аванесяна С.Г., что заявитель также не являлся подозреваемым и в отношении его не осуществлялось никакого уголовного преследования, что при этом постановление не было четко сформулировано и не содержало указания на то, какие именно запрещенные или полученные незаконным путем предметы предполагалось обнаружить в ходе обследования, и, таким образом, сотрудникам милиции предоставлялась неограниченная свобода усмотрения» (п. 44 постановления).

Отмечено также, что судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе на обследование жилища, может быть получено в отсутствие лица и без его уведомления об этом. Однако, как отмечено, если лицу стало известно о таком судебном постановлении (в том числе после проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия), оно должно иметь возможность его обжалования (в том числе для получения компенсации, если постановление и осуществленные на его основании действия были незаконными), но российское законодательство не предоставляет такой возможности.

Следовательно, Суд пришел к выводу, что в данном деле было допущено нарушение ст. 8 Конвенции, а также ст. 13 Конвенции во взаимосвязи со ст. 8.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 12440/04 «*Шехов против России*» (вынесено 19 июня 2014 г., вступило в силу 17 ноября 2014 г.).

Заявитель жаловался со ссылкой на ст. 6 Конвенции, что судебные разбирательства по уголовному делу в его отношении являлись несправедливыми ввиду ряда процессуальных нарушений. В частности, он жаловался на то, что во время рассмотрения его кассационной жалобы в Верховном Суде Российской Федерации его интересы не были представлены адвокатом.

Европейский Суд установил, что «...заявитель никогда явно не отказывался от своих прав на защиту и при этом не было предпринято попыток назначить адвоката или перенести слушание с целью обеспечения присутствия адвоката» (п. 43 постановления).

Суд подчеркнул, что «...принимая во внимание три фактора - (а) широкие полномочия судов высших инстанций в России, (b) тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителей и (c) суровость приговора, который был им вынесен - Суд считает, что интересы правосудия требовали, чтобы для целей справедливого слушания дела заявителям должен быть представлен адвокат на слушании по его жалобе» (п. 44 постановления).

Европейским Судом обращено внимание на то, что «...в настоящем деле заявитель предстал перед судом присяжных и, следовательно, юрисдикция кассационного суда была ограничена правовыми вопросами. Правовые вопросы в деле заявителя были особенно сложными... в своих жалобах заявитель добивался повторной квалификации уголовного преступления и полагался на собственную защиту... без услуг практикующего представителя заявитель не мог сформулировать аргументы, поднятые в жалобе, и не мог компетентно выступить в суде по соответствующим правовым вопросам, что означает, что заявитель был не в состоянии эффективно защищать себя. Более того, суд кассационной инстанции обладал широкими полномочиями при вынесении решения по его жалобе и его решение являлось окончательным» (п. 45 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 совместно с подп. (c) п. 3 ст. 6 Конвенции.

Заявитель также жаловался со ссылкой на ст. 34 Конвенции, что его переписка с Судом вскрывалась администрацией исправительной колонии, что последняя отказалась отправлять некоторые из его писем в Суд и персонал исправительной колонии угрожал заявителю в связи с подачей его жалобы в Суд.

Европейский Суд пришел к выводу, что «...вскрытие корреспонденции могло оказать запугивающий эффект на заявителя, и удержание вложений (включая форму жалобы и пояснительную записку, форму доверенности и уведомление для заявителей) негативно влияло на способность заявителя на эффективную подготовку его жалобы в Суд. Положение заявителя являлось особенно уязвимым, так как в это время у него не имелось представителя в судебных разбирательствах в Суде и, следовательно, он зависел от администрации исправительной колонии в отношении обеспечения его переписки с Судом и остальным миром. Следовательно, вскрытие писем от Суда и удержание вложений являлось вмешательством в осуществление права заявителя на подачу индивидуальной жалобы, что несовместимо с обязательством государства-ответчика в соответствии со ст. 34 Конвенции» (п. 63 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66373/13 «Халиков против России» (вынесено 26 февраля 2015 г., вступило в силу 6 июля 2015 г.).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу:
<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

***Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики Верховного Суда
Российской Федерации***